

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№2/2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:
«Культура и социальная психология»

Theme of the issue
“Culture and Social Psychology”

2022 г. Том 13. № 2

2022. Vol. 13. No. 2

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science. Включен в базу SCOPUS.**

Главный редактор
Наталья Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, В.А. Лабунская,
А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев, Л.А. Цветкова,
Т.И. Шульга (Россия), М. Линч (США), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталья Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета
Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия), Ф. Зимбардо (США),
М. Линч (США), И. Маркова (Великобритания), Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Божович Е.Д. Культурно-исторический подход к построению системы массового образования в России в первой трети XX века: этнопсихологический аспект 10

Розов Н.С. Зачем нашим предкам понадобился синтаксис? Социальные порядки и коммуникативные заботы (прото)сапиенсов 25

Павленко В.Н. Проблема происхождения религии в зеркале психологии: от классиков к современникам 40

Лепшкова Э.Х. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения: модели, методики, ключевые исследования и вызовы 55

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Журавлев А.Л., Китова Д.А. Отношение пользователей интернета к экономике в условиях пандемии: кросс-культурный анализ 74

Мураценкова Н.В. Социальные аксиомы и страх перед COVID-19: мультигрупповой анализ связи у студенческой молодежи трех стран 89

Федотова В.А. Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран 109

Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.В., Вишневская О.Н., Шипова Н.С., Асриян Э.В. Особенности психологического благополучия русских и армянских студентов 123

Васильева Е.Н., Щербаков А.В. Культуральные особенности образа ролевой структуры в диаде «отец-ребенок» 144

Авдеева Н.Н., Берсенева И.В. Ценностные установки матерей в современных моделях родительства 163

Смирнова С.Ю., Клопотова Е.Е., Рубцова О.В., Сорокова М.Г. Особенности использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста: новый социокультурный контекст 177

Белогой К.Н., Борисенко Ю.В., Бугрова Н.А. Социокультурные стереотипы как фактор становления образа тела у девочек дошкольного возраста 194

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Белинская Е.П. Онтологическая неопределенность и отношения «нелюбви». Рецензия на книгу Е. Иллуз «Почему любовь уходит? Социология негативных отношений». Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 352 с. 209

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Орлов В.А. Седьмая конференция памяти М.Ю. Кондратьева: международный форум специалистов в сфере решения социально-психологических проблем 216

CONTENTS

EDITORIAL

<i>Tolstykh N.N.</i> Foreword by the Editor	5
---	---

THEORETICAL RESEARCH

<i>Bozhovich E.D.</i> Cultural-Historical Approach to the System of Mass Education in Russia in the First Third of the XX Century: Ethnopsychological Aspect	10
<i>Rozov N.S.</i> Why Did Our Ancestors Need Syntax? Social Orders and Communicative Concerns of (Proto)Sapiens	25
<i>Pavlenko V.</i> The Problem of the Origin of Religion in the Mirror of Psychology: from Classics to Contemporaries	40
<i>Lepshokova Z.Kh.</i> Mutual Acculturation of Migrants and the Host Population: Models, Measures, Key Studies and Challenges	55

EMPIRICAL RESEARCH

<i>Zhuravlev A.L., Kitova D.A.</i> The Attitude of Internet Users to the Economy in a Pandemic: a Cross-Cultural Analysis	74
<i>Murashchenkova N.V.</i> Social Axioms and Fear of COVID-19: a Multigroup Analysis of the Relationship among Student Youth of the three Countries	89
<i>Fedotova V.A.</i> The Influence of Acculturation Strategies, Ethnic Identity, Cultural Distance on the Socio-Cultural Adaptation of Students from Arab Countries	109
<i>Samokhvalova A.G., Tikhomirova E.V., Vishnevskaya O.N., Shipova N.S., Asriyan E.V.</i> Features of the Psychological Well-Being of Russian and Armenian Students	123
<i>Vasilyeva E.N., Shcherbakov A.V.</i> Cultural Features of the Image of the Role Structure in the Father-Child Dyad	144
<i>Avdeeva N.N., Berseneva I.V.</i> Value Attitudes of Mothers in Modern Parenthood Models	163
<i>Smirnova S.Yu., Klopotova E.E., Rubtsova O.V., Sorokova M.G.</i> Features of Preschoolers' Use of Digital Media: New Socio-Cultural Context	177
<i>Belogay K.N., Borisenko Y.V., Bugrova N.A.</i> Sociocultural Stereotypes as a Factor of Body Image Formation among Preschool Girls	194

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

<i>Belinskaya E.P.</i> Ontological Uncertainty and the Relationship of "Dislike". Review of the Book by E. Illuz "Why Does Love go Away? Sociology of Negative Relations". Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, 2022. 352 p.	209
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Orlov V.A.</i> The Seventh Conference in Memory of M.Yu. Kondratiev: International Forum of Specialists in the Field of Solving Socio-Psychological Problems	216
---	-----

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Предисловие главного редактора

Толстых Н.Н.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru**

Специальный выпуск журнала на тему «Культура и социальная психология» представлен статьями, отражающими широкий круг проблем: от анализа гипотез о роли синтаксиса в культурном развитии протосапиенсов до исследования кросс-культурных особенностей отношения пользователей интернета в России, США и Японии к экономике в условиях пандемии COVID-19. Это свидетельствует о важной роли социально-психологического подхода в изучении как истории развития человеческой цивилизации, так и многообразия культур в современном мире.

Для цитаты: Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 2. С. 5–9. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130201>

Foreword by the Editor

Nataliia N. Tolstykh

**Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru**

A special issue of the journal “Culture and Social Psychology” is presented by the articles reflecting a wide range of problems: from analyzing hypotheses about the role of syntax in the cultural development of proto-sapiens to studying cross-cultural features of the attitude of the Internet users in Russia, the USA and Japan to the economy in the context of the COVID-19 pandemic. This testifies to the important role of the socio-psychological approach in the study of both the history of the development of human civilization and diversity of cultures in the modern world.

For citation: Tolstykh N.N. Foreword by the Editor. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 5–9. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130201> (In Russ.).

Темы для специальных тематических выпусков журнала, во всяком случае журнала «Социальная психология и общество», выбираются по разным основаниям.

Наиболее верным таким основанием, на первый взгляд, видится актуальность и острота темы. Скажем, на протяжении двух предыдущих лет таковой, несомненно, была пандемия COVID-19. Мы (здесь

и далее под этим словом я буду иметь в виду редколлегию журнала), однако, отказались от идеи копить для отдельного тематического номера статьи, связанные с социально-психологическими аспектами пандемии (а они стали поступать в журнал буквально с первых месяцев после ее начала), рассудив, что именно вследствие невероятной остроты и актуальности проблематики эти припасенные для специального номера публикации будут, с одной стороны, запаздывать, а с другой — быстро устаревать. Было принято решение публиковать подобные статьи в каждом номере в приоритетном порядке, нередко буквально «с колес». И, думаю, мы были правы.

Случается и так, что в редакционном портфеле накапливается достаточно много статей, которые прямо просятся, чтобы их объединили в один номер. Так недавно было, например, со скопившимися статьями, представлявшими исследования самых разных проблем, но выполненных на одной и той же выборке — студентах разных вузов. Собранные под одной обложкой журнала, тема которого так и была сформулирована: «Студенческая молодежь в зеркале социальной психологии» (Социальная психология и общество. 2021. Том 12, № 1), эти статьи приобрели дополнительное качество: все вместе они как бы нарисовали обобщенный портрет современной студенческой молодежи.

Основанием для выбора темы «Политическая психология: актуальные проблемы и исследования» еще одного прошлогоднего выпуска журнала (Социальная психология и общество. 2021. Том 12, № 3) было желание поддержать политическую психологию как одну из двух тем (вторая — собственно социальная психология), которые определяли до последнего времени тематическую

направленность журнала, учитывая при этом, что статьи по политической психологии — редкие гости нашего журнала.

Тема для настоящего выпуска «Культура и социальная психология» была предложена и поддержана членами редколлегии журнала на заседании, состоявшемся в конце 2021 года. И вот здесь оказалась интрига: выбранная тема столь широка и многогранна, что априорно решительно невозможно было представить, какие исследования составят содержание статей для этого номера журнала, какую композицию эти статьи смогут составить. И действительно, в журнал пришли статьи с исследованиями во многом неожиданных проблем. Посмотрим, как в итоге разрешилась эта интрига.

Представляя тематический выпуск журнала, я попробую расклассифицировать его статьи не по формальным признакам (с этим прекрасно справляется рубрикация журнала: теоретические исследования, эмпирические исследования, методический арсенал и т.д.), а обратившись к сути, к смыслу этих работ. В таком случае к первой группе отнесу работы, в которых анализируются отдельные важные характеристики и элементы таких культур, которые оказываются под пристальным социально-психологическим взглядом исследователя в связи с историческим временем их существования. Как оказалось, таких временных периодов оказалось три: первый — очень-очень далекий, существовавший в незапамятные времена, буквально на заре человеческой цивилизации, человеческой культуры, второй — отдаленное от первого веками и тысячелетиями начало XX века, наконец, третий — современность, начало XXI века, наши дни. Присмотримся повнимательнее.

Открывает выпуск журнала статья Е.Д. Божович «Культурно-исторический

подход к построению системы массового образования в России в первой трети XX века: этнопсихологический аспект. Тема, на первый взгляд, видится частной и имеющей лишь косвенное отношение к социальной психологии. Однако это далеко не так. Автор анализирует политический и социокультурный аспект становления системы образования в послереволюционной России, роли в этом процессе психологов и, в частности, Л.С. Выготского, который именно в то время и в том научном и социокультурном контексте разрабатывал основы культурно-исторической теории. Проблематика выстраивания новой системы образования в такой многонациональной стране, как Россия, и, в частности, методология исследований развития мышления детей разной национальной принадлежности приобрели сегодня острую актуальность на фоне упреков некоторых, в основном зарубежных, авторов в адрес Л.С. Выготского и его коллег за якобы неуважение к культуре национальных меньшинств, за колонизационную интенцию и чуть ли не расистское мировоззрение в целом. Е.Д. Божович на основании анализа опубликованных текстов Л.С. Выготского, сохранившихся стенограмм его выступлений убедительно доказывает прямо обратное: Л.С. Выготский вовсе не воспринимал национальные меньшинства как примитивные, отсталые, но, напротив, привлекал внимание к их культурному своеобразию, к необходимости его учета при разработке системы образования. Е.Д. Божович утверждает, что именно Выготский фактически первым показал необходимость изучения социальной ситуации развития детей, живущих в разных этнических средах.

Сосредоточим свое внимание на предложенном Л.С. Выготским понятии — «социальная ситуация развития».

Сегодня оно широко используется исследователями, которые обращаются к нему для фиксации и изучения тех трансформаций, которые происходят с разными возрастами человеческой жизни (имея в виду понимание возраста в рамках культурно-исторической теории). Об этом, в частности, идет речь в публикуемой в данном номере журнала статье Н.Н. Авдеевой и И.В. Берсеневой «Ценностные установки матерей в современных моделях родительства», а также в статье С.Ю. Смирновой, Е.Е. Клопотовой, О.В. Рубцовой и М.Г. Сороковой «Особенности использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста: новый социокультурный контекст». Авторы последней говорят, в частности, о появлении новых культурных знаков, опосредствующих культурное развитие ребенка, а именно, знаков, которые дети используют, взаимодействуя с различными цифровыми устройствами, о новых в этой связи — пока не устоявшихся — формах взаимодействия детей и взрослых. Речь, по сути дела, идет о цифровой революции, цифровой социализации, когда буквально у нас на глазах возникают новые, никогда ранее не бывшие культурные знаки: для современных детей именно цифровые устройства и получаемая с их помощью информация становятся едва ли не главными культурными знаками.

В статье Н.С. Розова «Зачем нашим предкам понадобился синтаксис? Социальные порядки и коммуникативные заботы (прото)сапиенсов» речь также идет о культурных знаках, но посвящена статья таким древним временам, что живших тогда наших предков автор даже избегает называть людьми, именуя их (прото)сапиенсами. Но все же они, эти древние жители Земли, уже были «общественными животными», у них уже были

определенные социальные порядки и коммуникативные заботы, и, по мнению автора, синтаксис предоставлял этим сапиенсам те культурные знаки, которые, опосредствуя деятельность (в первую очередь, коммуникативную), открывали путь для культурного развития этой популяции.

Важнейший элемент культуры, сформировавший современного человека, во многом определяющий его жизнь, — религия. Как, почему, в какие времена возник институт религии? Эти вопросы, несмотря на многовековые усилия мыслителей на них ответить, до сих пор остаются дискуссионными. В.Н. Павленко в своей статье *«Проблема происхождения религии в зеркале психологии: от классиков к современникам»* предлагает аналитический обзор исследований в этой области, включая самые последние по времени публикации. Автор подчеркивает, что сегодня дискурс на тему происхождения религии невозможно вести без учета мнений психологов и социальных психологов, и именно в этом аспекте анализирует подходы разных исследователей.

В большей степени ожидаемыми стали статьи, посвященные кросс-культурным исследованиям, в которых сопоставляются различные психологические и социально-психологические параметры у представителей разных стран, этносов, культур. Сегодня такие исследования популярны во всем мире, что во многом объясняется глобализацией этого мира, активной миграцией населения, большим количеством беженцев. Все эти обстоятельства привлекают внимание и ученых, и практиков к проблеме взаимоотношений и взаимодействия людей разных культур. Методологические аспекты этой проблематики обсуждаются в статье З.Х. Лепшковой *«Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего насе-*

ления: модели, методики, ключевые исследования и вызовы».

В.А. Федотова исследует эту проблему эмпирически на примере социокультурной адаптации студентов из арабских стран (статья *«Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран»*). В статье А.Г. Самохваловой, Е.В. Тихомировой, О.Н. Вишневской, Н.С. Шиповой, Э.В. Асриян *«Особенности психологического благополучия русских и армянских студентов»* приводятся результаты сравнительного исследования двух этнокультурных групп — русские студенты, обучающиеся в Костроме, и армянские студенты, обучающиеся в Ереване, — по параметру «психологическое благополучие». Е.Н. Васильева и А.В. Щербаков в статье *«Культуральные особенности образа ролевой структуры в диаде “отец-сын”»* приводят результаты сравнения групп русских и итальянских мужчин. В исследовании выявлены специфика интегрального образа роли «отца», по мнению русских и итальянских мужчин, а также взаимосвязь между образами ролей в детстве по отношению к отцу («детские роли») и образами ролей своего «будущего ребенка» у русских и итальянских молодых мужчин. В статье *«Социокультурные стереотипы как фактор становления образа тела у девочек дошкольного возраста»* (авторы — К.Н. Белогай, Ю.В. Борисенко, Н.А. Бугрова) речь идет о девочках и о том, как современные социокультурные стереотипы (которые доходят до детей посредством тех же гаджетов) влияют на образ тела уже в очень раннем возрасте. Эта тема вновь возвращает нас к проблемам цифровой социализации.

Тему пандемии COVID-19 мы все же не обошли стороной и в этом выпу-

ске журнала, тем более что в публикуемых работах она рассматривается также в кросс-культурном аспекте. В статье А.Л. Журавлева и Д.А. Китовой «Отношение пользователей интернета к экономике в условиях пандемии: кросс-культурный анализ» авторы показывают, как пандемия, вызывающая различное отношение к экономическим проблемам в разных странах (сравнивались Россия, США и Япония), позволяет выявить существенные кросс-культурные различия между жителями этих стран. Н.В. Муращенковой, автору статьи «Социальные аксиомы и страх перед COVID-19: мультигрупповой анализ связи у студенческой молодежи трех стран», пандемия также помогла высветить специфические культуральные характеристики молодых людей из трех стран постсоветского пространства: Беларуси, Казахстана и России.

В рубрике «Критика и библиография» — рецензия Е.П. Белинской на книгу Е. Иллуз «Почему любовь уходит? Социология негативных отношений», вышедшую в русском переводе в 2022 году. Рецензия называется «Онто-

логическая неопределенность и отношения “нелюбви”». В ней речь идет о книге про динамику партнерских отношений в современном обществе. Е.П. Белинская фиксирует основной парадокс повседневной жизни нашего современника — наличие высокой ценности любовных отношений для самоидентификации, с одной стороны, и крайне слабую выраженность самого чувства любви в силу нарастающей эмоциональной холодности и отчуждения в межличностных отношениях — с другой. Партнерские отношения и то, что с ними происходит в последнее время буквально у нас на глазах, — важный и, кстати, явно недостаточно исследованный аспект проблематики, вынесенной в название тематического выпуска журнала — «Культура и социальная психология».

Завершает выпуск отчет о работе ежегодной конференции, посвященной памяти М.Ю. Кондратьева, которую вот уже в седьмой раз в мае проводят сотрудники факультета социальной психологии МГППУ, в очередной раз доказывая, что есть такие люди и такие человеческие отношения, из которых любовь не уходит.

Информация об авторах

Толстых Наталия Николаевна, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии развития, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Information about the authors

Nataliia N. Tolstykh, Doctor of Psychology, Professor, Division Head of the Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: nnvt@list.ru

Получена 25.05.2022

Принята в печать 06.06.2022

Received 25.05.2022

Accepted 06.06.2022

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Культурно-исторический подход к построению системы массового образования в России в первой трети XX века: этнопсихологический аспект

Божович Е.Д.

**ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»
(ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8015-9040>, e-mail: elenabozhovich@inbox.ru

Цели. 1. Проанализировать социально-политические условия, в которых начала развиваться педагогическая психология как научная дисциплина и формироваться образовательная система в СССР в начале XX века. 2. Рассмотреть подход Л.С. Выготского к диагностике психического развития детей разной национальной принадлежности для последующей педагогически корректной организации их воспитания и обучения.

Контекст и актуальность. Начальные этапы развития системы образования в нашей многонациональной стране и становление педагогической психологии как самостоятельной дисциплины тесно, но неоднозначно связаны. До сих пор имеет место недооценка как достижений в решении задач образования в тот период, так и непонимание роли психологов в этой работе, в частности исследований Л.С. Выготского, которому в зарубежной научной печати приписывается неуважение к культуре национальных меньшинств, колониционные интенции, расистское мировоззрение.

Метод. Анализ социально-политической ситуации в российском образовании в первой трети XX века. Сопоставительный логико-семантический анализ ранних работ Л.С. Выготского и его последующих, зрелых, трудов, в которых были сформулированы основные положения культурно-исторической психологии.

Основные выводы. Значение психологического исследования получает более отчетливое выражение при анализе и оценке его не только в собственно научном, но и широком социальном контексте. Роль Л.С. Выготского в разработке подходов к построению образовательной системы в многонациональном государстве состоит в том, что он фактически первый показал необходимость изучения социальной ситуации развития детей, живущих в разных этнических средах. При этом сам он воспринимал национальные меньшинства как культурно-своеобразные, а не примитивные, отстающие.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, культурно-историческая психология, психологические системы, социальная ситуация развития, переживание, спонтанное и специальное обучение, культурно-своеобразные народы, психическое развитие, образовательная политика.

Для цитаты: Божович Е.Д. Культурно-исторический подход к построению системы массового образования в России в первой трети XX века: этнопсихологический аспект. Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 10–24. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130202>

Cultural-Historical Approach to the System of Mass Education in Russia in the First Third of the XX Century: Ethnopsychological Aspect

Elena D. Bozhovich

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8015-9040>, e-mail: elenabozhovich@inbox.ru

Objectives. 1. To analyze the socio-political conditions in which pedagogical psychology as a scientific discipline began to develop and the educational system in the USSR at the beginning of the XX century was formed. 2. To consider L.S. Vygotsky's approach to the diagnosis of the mental development of children of different nationalities for the subsequent pedagogically correct organization of their upbringing and educating.

Background. The initial stages of the development of the education system in our multinational country and the formation of pedagogical psychology as an independent discipline are closely but ambiguously linked. There is still an underestimation of both the achievements in solving the problems of education at that time, and misunderstanding of the role of psychologists in this work, in particular the research of L.S. Vygotsky, to whom disrespect for the culture of national minorities, colonization intentions, and a racist belief system are attributed in the foreign scientific press.

Method. Analysis of the socio-political situation in the Russian education in the first third of the XX century. Comparative logical-semantic analysis of L.S. Vygotsky's early works and his subsequent mature works, in which the main provisions of cultural-historical psychology were formulated.

Conclusions. The significance of psychological research becomes more clearly expressed when analyzing and evaluating it not only in the scientific, but also in a broad social context. The role of L.S. Vygotsky in developing the approaches on the educational system in a multinational state is that he was actually the first to show the need to study the social situation of the development of children living in different ethnic environments. At the same time, he himself perceived national minorities as culturally peculiar, and not primitive, retarded.

Keywords: L.S. Vygotsky, cultural-historical psychology, psychological systems, social situation of development, experience, spontaneous and special education, culturally peculiar peoples, mental development, educational policy.

For citation: Bozhovich E.D. Cultural-Historical Approach to the System of Mass Education in Russia in the First Third of the XX Century: Ethnopsychological Aspect. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 10–24. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130202> (In Russ.).

Введение

В последние годы в зарубежной научной литературе появились упреки этического плана, адресованные известным и крупным российским ученым XX века. Так, пересматривается с «отрицательным знаком» качество фундаментальных трудов Л.С. Выготского и А.Р. Лурии. Общим декларируемым мотивом такого рода публикаций является «демифологизация»

личности и творчества этих ученых. Такую задачу поставили перед собой, в частности, А. Ясницкий с коллегами (см., например, [20; 25]). Более того, Л.С. Выготского обвиняют в тенденции к продвижению идей колониализма и даже расизма, в высокомерии по отношению к другим народам, которые принято называть национальными меньшинствами [23].

Цель, ради которой может решаться такая задача, как научная, не ясна, но

она вполне вписывается в политические цели — принизить прошлые и настоящие достижения России, изолировать ее не только в экономической, но даже в культурной сфере. Не останавливаемся на указанных и других публикациях А. Ясницкого, Э. Ламдана, М. Бэнг, так как их анализ уже сделан в ряде выступлений в отечественной научной печати [13; 14; 15; 22 и др.]. В этих работах детально и с опорой на множество документов, а также текстов Л.С. Выготского и А.Р. Лурии показаны несостоятельность тенденциозного пересмотра их научного наследия и некорректность использования архивных материалов покойных ныне ученых, которые сами уже ответить не могут. Выбор именно Л.С. Выготского и А.Р. Лурии в качестве объектов такого рода критики вполне объясним: чем значительнее личность и ее достижения в той или иной сфере, тем она более соблазнительна в плане «низвержения авторитетов» и удовлетворения потребности критиков во внимании и самоутверждении.

Понятно, что в каком-либо оправдании ни А.Р. Лурия, ни Л.С. Выготский не нуждаются. Их научное значение уже высоко оценено в мировой науке (см., например, [1; 12; 18; 21; 24 и др.]); сделаны основательные обзоры зарубежных исследований, проведенных в русле его идей [19 и др.]; опубликованы мемуары людей, лично знавших его [2]; проводятся конференции по развитию культурно-исторической психологии.

Вместе с тем становится актуальной задача анализа ранних этапов творчества Л.С. Выготского в контексте всей его концепции, а также в более широком, историческом, контексте¹.

Предварительно отметим, что многие нарекания, относящиеся к Л.С. Выготскому, в частности, в указанной выше статье Меган Бэнг, относятся в основном не к теоретическим положениям культурно-исторической концепции, а к тем фрагментам произведений Л.С. Выготского, которые текстуально выполняют иллюстративную и/или объяснительную функцию в ходе анализа психологических феноменов и процессов.

Мы в критических замечаниях, относящихся к идеям Л.С. Выготского, выделяем два аспекта: терминологический и содержательный. Терминологический (при всей важности лексического выражения научной мысли) может в ряде случаев носить формальный и технический характер. Кроме того, терминологический аппарат наук, особенно гуманитарных, динамичен — для одних и тех же объектов исследований в разные времена могли использоваться различные, но семантически эквивалентные (хотя и не полностью синонимичные) термины. Этого коснемся позже.

Сейчас обратимся к содержательному аспекту, поскольку он тесно связан с историческим социально-политическим контекстом становления отечественной педагогической психологии и местом исследований Л.С. Выготского в ходе ее развития.

Начальные этапы развития педагогической психологии в России

Педагогическая психология в России начала оформляться как самостоятельная научная дисциплина только в

¹ Кстати, любой, даже острокритический, анализ работы того или иного ученого предполагает учет общего контекста его творчества и исторических условий, в которых оно осуществлялось.

последней четверти XIX века. Причем она испытывала большое влияние западной детской психологии, которая к этому времени накопила значительный массив материалов о психическом развитии ребенка. Однако просто суммировать накопленное знание и построить на его основе новую дисциплину о целенаправленном воспитании, обучении и развитии ребенка едва ли было возможно. Требовались единые теоретические основания и новые эмпирические данные. В 1877 году вышла книга П.Ф. Каптерева «Педагогическая психология для народных учителей, воспитателей и воспитательниц»; в более поздних изданиях она выходила в свет под коротким названием «Педагогическая психология» [11], затем включалась в публикации его избранных трудов. В этой книге впервые были сформулированы принципы воспитания и обучения с учетом возраста ребенка, психологических особенностей, социальных условий его жизни. Но сразу изменить подготовку педагогов и компетентность родителей она, конечно, не могла. Необходимость в построении этой дисциплины осознавалась многими специалистами и не только в психологии.

В начале XX века в России прошли 2 съезда по педагогической психологии (1906, 1909 гг.) и 3 по экспериментальной психологии (1910, 1913, 1916 гг.). В них принимали участие психологи, педагоги, психиатры, руководители ряда психологических лабораторий и центров, уже созданных к тому времени в России. Тематика дискуссий на всех этих съездах была очень сходна, а эмоционально-оценочный настрой разный. На первом из них царил воодушевление по поводу того, что рождается новая наука, которая в корне изменит процессы воспитания и обучения. Но, начиная со второго съезда, это настроение сменилось скепсисом

и унынием. Основной причиной недовольства была практическая беспомощность педагогической психологии — она не смогла повлиять на педагогическую практику; добытые в ее исследованиях данные были формалистичны, в них словно не было живого ребенка.

Рефлексия ученых на эти неудачи позволила установить их основные причины: а) неопределенность предмета новой области знания; б) отсутствие адекватных задачам новой дисциплины методов эмпирических исследований. Казалось бы, это внутренние научные трудности, предмет исследований и дискуссий. Однако после 1917 года работа в этом направлении прервалась, а вопросы воспитания и обучения по-прежнему требовали рассмотрения и решения.

Далее, в начале 20-х годов XX в. реальное положение вещей в образовании было осложнено множеством социальных и политических факторов. Страна (тогда Советский Союз) была ослаблена революцией, гражданской и первой мировой войнами. Значительная часть образованных людей и специалистов в разных сферах промышленности покинули страну. Большая часть населения оставалась неграмотной. Поэтому одной из практических задач стала ликвидация безграмотности («ликбез»), решение которой должно было способствовать преодолению дефицита квалифицированных кадров. Эта задача осложнялась тем, что ее решение требовало дифференцированного подхода с учетом того, что в стране было более 100 наций и народностей, а следовательно, столько же языков, социальных укладов, различных типов межпоколенческих отношений, традиционных приемов воспитания. Причем на окраинах России и в провинциальной «глубинке» вообще не было системного образования как социального института, необходимого

не только для развития промышленности, но и культурного взаимодействия людей разной национальной принадлежности.

Участие психологии в решении задач образования

Вопрос о том, как строить образовательную систему, принимая во внимание то, что есть не только центральная Россия, большие мегаполисы, столичные университеты, но и окраины, в которых живут так называемые малые народы, был объективно обусловлен. Сначала принимались частные, «точечные», решения: создавались доступные малообразованным людям учебники, пособия, проводились занятия с неграмотными. В этой работе принимали участие и психологи. Так, в начале 20-х годов Д.Н. Богоявленский подготовил учебник в двух частях (двух книгах) «Книга для чтения. Учебник для малограмотных», который выдержал 7 изданий, последнее вышло в 1945 г. Д.Б. Эльконин создал пособие «Первая книга по русскому языку для народов Севера», которая тоже выдержала ряд изданий, последнее вышло в 1947 г. После Великой Отечественной войны проблема ликбеза еще сохраняла актуальность.

Однако частных решений было недостаточно, и в образовании нуждались не только и не столько взрослые, сколько дети, поскольку с ними связана перспектива развития любой страны. Нужна была разработка общего подхода к построению образовательной системы с учетом этнического своеобразия народов, населявших страну.

Советская власть (как бы к ней ни относиться) понимала, что необходимо восстановить или сформировать заново систему образования. При этом в самой практике предпринимались опять

же «точечные» пробы — беспорядочно опробовались разные методы обучения (бригадный, проектный и др.). Была, например, попытка построить образовательный процесс по концепции «прагматической педагогики» известного американского философа и психолога Дж. Дьюи, которая вызвала большой интерес у наших психологов и педагогов; в 1928 году он приезжал в Советский Союз по приглашению Наркомпроса.

Технология обучения, основанная на этой концепции, небезынтересна, она стимулировала познавательные потребности детей и развитие самостоятельного поискового мышления. Фактически она явилась предтечей проблемного обучения, которое развивается в нашей и других странах, хотя уже в иной разработке. Л.С. Выготский ссылается в одной из своих работ на мысль Дж. Дьюи о том, что развитие мышления предполагает поиск путей преодоления интеллектуальной трудности. Кроме того, одним из основных понятий в концепции Дж. Дьюи является понятие «опыт», его накопление и осмысление ребенком ведет к отбору практически необходимых ему знаний. Л.С. Выготский тоже в одной из своих работ обращается к этому понятию, скажем об этом чуть позже.

Однако пробы применения технологии обучения по Дж. Дьюи у нас вскоре были прекращены, поскольку знания, получаемые детьми в таком образовательном процессе, оказывались фрагментарными, непочными, а значит и непригодными для решения в дальнейшем сложных задач как в индустриальной, так и в гуманитарной сферах. Были ли эти неудачи следствием педагогических ошибок в применении метода Дж. Дьюи в наших школах или сама его технология небезупречна, сейчас сказать трудно. Впоследствии появилась еще одна причина для

отказа от ориентации на его идеи: в конце 30-х годов он возглавил комиссию, которая исследовала материалы сталинских процессов против врагов народа; его книги были изъяты из советских библиотек.

В 1931 году были приняты и утверждены Государственным Ученым Советом первые учебные программы, началось создание стабильных учебников по разным предметам. Психология как учебная дисциплина проникла в школу несколько позднее. Учебник психологии для средней школы Б.М. Теплова за период 1946—1954 гг. выдержал 8 изданий и был переведен на языки ряда европейских стран. Как учебный предмет в системе высшего образования психология занимала прочное место еще со времен Г.И. Челпанова.

Понятно, что сами по себе программы и учебники не могли обеспечить полностью ход образования; существующие методы и методики требовали обновления и расширения педагогических приемов. Основной задачей стало построение развивающего обучения, а центральной проблемой — соотношение обучения и развития ребенка². Эти задача и проблема не могли быть решены только в рамках педагогики или административными предписаниями; необходима была психологическая база.

Роль Л.С. Выготского в развитии проблемы обучения и развития

В 1926 году вышло первое издание книги Л.С. Выготского «Педагогическая

психология» [8]³. Она несет на себе заметный налет реактологии; неизвестно, было это вынужденное следование корниловским представлениям о механизмах психического или тогда Л.С. Выготский сам придерживался тех же позиций. Во всяком случае целый ряд психологических феноменов — внимание, мышление, установка, эмоция и др. — описываются им как различные реакции, их связи и динамика. Важно другое: в этой книге тогда еще очень схематично, условно говоря «пунктиром», намечены некоторые понятия и положения, глубоко разработанные далее в его концепции. Это, прежде всего, понятия «воспитание», «среда» и «опыт». Воспитание раскрывается им как процесс, который «осуществляется через собственный опыт ученика, который всецело определяется средой» [8, с. 85]; игра — как «живой, социальный, коллективный опыт ребенка» [8, с. 125]; индивидуальный опыт — как «сложная функция от целого социального опыта человечества и его отдельных групп» [8, с. 67—68].

Через два года после выхода этой книги, в 1928 году, Л.С. Выготский сделал доклад «О методических основах психологического изучения культурно-своеобразных народов» [3]. Точного указания даты и места этого доклада пока найти не удалось, но его стенограмма сохранилась в архивах некоторых учеников Льва Семеновича. Кроме того, есть его статья, опубликованная в журнале «Педология» в 1929 году [4]. В этой статье более кратко представлены те положения, которые были развернуты в докладе. Стала ли

² Эту задачу только при поверхностном взгляде можно отнести к Новой и Новейшей истории. На самом деле это одна из самых древних проблем для любой системы образования — от традиционных культур (в которых вообще не существовало школ), позднее — античного образования, далее — домашнего (дворянского — в нашем недавнем прошлом), до классно-урочной организации современного учебного процесса.

³ Здесь и далее мы обозначаем год написания и/или прижизненной публикации его работ. В списке источников указываем последующие годы их издания.

работа над этой темой государственным заказом или инициативой самого докладчика, входила в круг его интересов, сказать трудно, скорее всего, и то и другое в совокупности.

В свете сегодняшней полемики вокруг наследия и системы взглядов Л.С. Выготского относительно культурных особенностей национальных меньшинств содержание этого доклада представляет особый интерес. В нем отчетливо и полно выражена позиция Л.С. Выготского в вопросах изучения, обучения и развития детей разной национальной принадлежности.

Есть и еще один момент, в связи с которым доклад представляет интерес. Этот момент касается научного пути Л.С. Выготского: в его последующих работах развиваются и терминологически оформляются понятия, которые в «Педагогической психологии» и этом докладе еще только *намечены*, образно говоря, «просвечивают» сквозь текст, а позднее составят понятийное ядро культурно-исторической психологии.

Л.С. Выготский не был бы ученым огромного масштаба, если бы сразу попытался дать практические рекомендации к образовательной политике в многонациональной стране. Он начал свое выступление с того, что для решения задач хозяйственного и социального строительства страны необходимо прежде всего изучение этнопсихологических и педологических особенностей поведения и развития детей разных национальностей. При этом он подчеркивал, что процессы развития управляются едиными законами и могут быть описаны в строгих терминах психологии и педологии. Однако он указывал, что невозможно отрицать и то, что эти процессы различны по форме в зависимости от своеобразия условий жизни ребенка; пренебречь этими различиями нельзя, если мы хотим

найти пути «правильного», как он писал, изучения и далее — воспитания и обучения детей разных национальностей.

Эта идея включена в контекст более общей мысли о том, что при изучении человека в фокусе внимания исследователей всегда были две линии развития: биологическая эволюция человека как вида и онтогенетический процесс движения от детства к взрослости каждого представителя рода человеческого. Но есть, напоминает Л.С. Выготский, третья линия — *историческое* развитие человечества, в ходе которого менялись высшие психические функции, в первую очередь, мышление. Эта мысль позднее была развернута в его совместной работе с А.Р. Лурией [10]; первая публикация этой книги состоялась в 1930 году.

Что касается третьей, исторической, линии развития человечества, то она состоит в том, что каждому этапу фило- и антропогенетического развития соответствовали формы мышления, сложившиеся в контексте представлений человека о мире, его опыте, накопленном к данному периоду истории, укладу хозяйствования и социального устройства. Так, в докладе Л.С. Выготский отмечает, что мышление человека на ранних стадиях исторического (а может быть, и доисторического) периода не было ни мистическим, ни дологическим. Оно было логически полноценным в соответствии с тем пониманием мироустройства, которым он располагал. Да и сами основы логического мышления не возникли «вдруг» у современного европейца, они имели место уже у представителя исторически ранних ступеней развития. То же относится к такой важной и связанной с мышлением функции, как память.

Возвращаясь теперь к критике позиций Л.С. Выготского, надо задать вопрос: где же здесь инкриминируемое ему вы-

сокомерие по отношению к «примитиву» и тенденция к признанию «сверхчеловеком» современного представителя вида?! Тем более, как это может быть связано с идеей колониализма и расизма?

Создается впечатление, что М. Бэнг критически анализирует не идеи Л.С. Выготского, а свои интерпретации этих идей, затем выдвигает контраргументы в ответ на эти интерпретации.

По Л.С. Выготскому, поведение и развитие ребенка любой национальности обнаруживает прямую связь со структурой социальных отношений, сложившихся у того или иного народа к данной исторической фазе развития. А эта структура, как известно, очень широко варьирует в разных обществах и в первую очередь определяет своеобразие условий, в которых живет и развивается ребенок. В этих условиях протекает процесс его «вращения», по выражению Льва Семеновича, в исторически сложившиеся в этнической среде формы поведения и мышления и одновременно процесс «вращения» (интериоризации) внешних форм поведения и деятельности во внутренний план, превращение их в содержание сознания.

Казалось бы, изучение этнической среды дает ключ к пониманию процессов «вращения» и «вращения» ребенка в культуру и овладения ею, а значит, его развития. Но Л.С. Выготский видит в качестве источника развития не саму по себе среду, а взаимоотношения и взаимодействие ребенка со средой, *переживание* им того или иного события, ситуации, возникших в среде. В докладе, как и ранее в «Педагогической психологии», он

еще не развертывает эту идею, но она лежит в основе фундаментального понятия его концепции — *социальной ситуации развития*. Оно было описательно представлено впервые в «Лекциях по педологии» в 1933–1934 гг., которые тоже очень долго хранились в рукописи у его учеников и были опубликованы только в 2001 году [9].

В этой связи опять возникает вопрос к критикам Л.С. Выготского: разве для защиты колониализма, а тем более расизма нужно изучение социальной ситуации развития ребенка или взрослого и ее учет в процессе образования? В колониях и доминионах преследуются совсем другие цели: адаптировать аборигенов к тем желательным для имперских держав, их экономических потребностей изменениям исконной среды того или иного общества.

И достигались эти цели довольно беззастенчиво⁴.

На особом аспекте проблемы взаимодействия ребенка и среды, важном для образования, Л.С. Выготский останавливается еще в одной из своих работ 30-х годов, опубликованной впервые в 50-е годы [5], есть и более поздние публикации этой работы. Этот аспект Л.С. Выготский затрагивает в докладе лишь косвенно, но с темой доклада он связан прямо. Это мысль о необходимости различения двух типов обучения: *спонтанного и специально организованного* («реактивного» в его терминологии). Специально организованное обучение с неизбежностью несет в себе элементы культуры того или иного этноса (язык преподавания, правила дисциплины, традиционные позиции

⁴ Например, как установлено в социолингвистических исследованиях, процессы колонизации приводили к гибели исконных языков многих народов как факторов их культуры, поскольку эти языки изменялись по механизму креолизации; иначе сами миссионеры не могли адаптироваться к той среде, которую осваивали. Сформировавшиеся по такому механизму креольские языки становятся в конце концов полноценными знаковыми системами, но утрачивают многое из своей исторической самобытности.

ученика по отношению к учителю или наставнику). Но еще более заметны различия в содержании и процессах спонтанного обучения, особенно в дошкольных возрастах. Оно характеризуется тем, что ребенка не столько *учат*, сколько он *учится* самостоятельно — сам берет из среды то, что отвечает его потребностям, интересам, намерениям. В рамках одной и той же (любой культурной) среды возникает значительный разброс как в возрастной динамике, так и в индивидуальных качественных вариантах развития. Причем этот разброс проявляется как на актуальном уровне развития, так и в зоне ближайшего развития, прежде всего мышления.

В вопросе о видах и функциях мышления Л.С. Выготскому произвольно и совершенно неправомечно приписывается позиция, которой он реально не придерживался. Так, в статье М. Бэнг утверждается, что он характеризовал как когнитивно неполноценные народы, в мышлении которых функционируют комплексы, а не понятия. Такое утверждение можно объяснить только ограниченным знанием трудов Л.С. Выготского и/или непониманием концептуального контекста того или иного его тезиса. Он никогда не относился к психологическим феноменам оценочно. Они характеризовались им не по параметрам «выше/ниже», «лучше/хуже», а по параметру возникновения и проявления «раньше/позже» и по признакам качественного своеобразия; это относилось в равной мере к фило- и онтогенезу⁵.

Синкретические обобщения, комплексы, псевдопонятия (или предпо-

нятия) были для него этапами развития мышления. Причем далеко не всегда следующий этап отменяет предыдущие; в коллективном и индивидуальном сознании людей сосуществуют все эти когнитивные образования. Есть синкретические виды искусства, о чем Л.С. Выготский не мог не знать, поскольку начинал свой научный путь в области психологии искусства. Есть синкретические явления в языке, в стилистике писателей, о чем тоже Л.С. Выготский не мог не знать, поскольку язык как универсальная знаковая система входил в поле его интересов. Более того, Л.С. Выготский для многих из нас не только психолог, но и искусствовед, литературный и театральный критик (см. об этом подробнее: [16; 17]). Да и в своих психологических произведениях он часто обращается к материалу классической литературы. Так, в «Мышлении и речи» есть целые страницы, посвященные семантике поведения персонажей произведения «Горе от ума» А.С. Грибоедова.

Что касается комплексов, то никаких указаний в работах Л.С. Выготского на примитивизм этих когнитивных образований нет в его трудах; ведь известно, что и современный глубоко образованный человек в обыденной жизни очень часто мыслит в комплексах. Псевдопонятия, как он указывал, представляют собой комплексные значения, фактически совпадающие со значениями-понятиями, но «выработанные особым способом мышления» [7, с. 150]. Строгие понятия функционируют в сознании индивида тогда, когда получают четкую дефиницию. Между тем это не характерно,

⁵ Заметим, что ни один квалифицированный психолог вообще не дает оценок тем или иным психологическим образованиям. Ж. Пиаже не оценивал положительно или отрицательно детский эгоцентризм. Ш. Бюлер не оценивала по параметру «хорошо/плохо» фазы пубертата. Этот ряд примеров можно продолжить. Эффекты же конкретных психологических феноменов для развития в целом, конечно, анализировались.

к примеру, для религиозных доктрин, нравственных установок, художественных произведений и т.д., но это не означает, что там нет понятий, они лишь формируются по другим механизмам и функционируют в иных формах.

В трудах Л.С. Выготского суждения о неразвитости строгого понятийного аппарата в сознании представителей архаичных обществ и национальных меньшинств отнюдь не свидетельствуют ни о его «эпистемическом расизме», ни об оценке им «эпистемического превосходства» современных европейских обществ. Такого рода замечания критиков звучат не как контраргументы, а как политическое обвинение, что в научной дискуссии — просто дурной тон.

Вопрос о сравнительных методах и методиках исследования процессов развития детей в разных культурах занимает особое место в докладе Л.С. Выготского и его концепции в целом. Практика тестирования уровня развития некими универсальными инструментами, получившая распространение в западной психологии, была отвергнута российской наукой после первых же эмпирических проб, предпринятых, в частности, на детях узбекской выборки. Об этом Л.С. Выготский говорит в том же докладе, акцентируя тот факт, что полученные тестированием результаты в одной культурной среде теряют свое значение, как только переносятся в другую культурную среду, поскольку дают ложную картину на материале национальных выборов.

Он не только указал на непригодность универсальных инструментов измерения и сравнения уровня развития детей разных этносов и наций, но и аргументировал бесплодность попыток такой моди-

фикации этих инструментов, которая, на первый взгляд, позволяет приспособить их к использованию в разных этнических условиях. Так, сохранение психологических принципов построения теста с заменой его материала, близкого по содержанию к истории и опыту другого народа, по его мнению, только смягчает отрицательные эффекты такого теста. Идея же разработки принципов создания тестов для каждого этноса отдельно исключает возможность сравнительных исследований. Становится невозможным изучать общие закономерности психического развития. В обеих попытках модификации универсальных тестов нет, по мысли Л.С. Выготского, *развития* человека как вида и человека как индивида.

Он указывал на своеобразие не только видов высших психических функций, но их *форм*⁶, представляющих собой психологические системы, в которых динамичны и изменчивы межфункциональные связи и механизмы. В 1930 году этому была посвящена специальная работа [6]. Функцию одних процессов могут принимать на себя другие процессы, что и меняет в корне их форму. (Именно к этому относится известный пример, заимствованный Л.С. Выготским из материалов Леви Брюля: функцию мышления у вождя кафров выполняют сновидные образы.) По Л.С. Выготскому, это не столько примитивизм мышления, сколько его форма, психологическая система, функционирующая на данном этапе исторического процесса.

Поэтому и тестирование уровня развития детей разных национальностей, сейчас уже далеко ушедших от исторически ранних этапов развития человечества, должно строиться, по мысли

⁶ Для современной психологии более привычно говорить о видах (или типах) мышления. А Л.С. Выготский различает формы мышления как особые, исторически обусловленные образования.

Л.С. Выготского, как анализ соотношения форм, видов и содержания высших психических функций, в первую очередь мышления. Именно эти соотношения определяют этническое и национальное своеобразие развития разных обществ и индивидов.

Вопросу о некорректности тестирования посредством неких универсальных диагностических инструментов М. Бэнг посвящает целые страницы в своей статье (хотя и не всегда в прямой связи с Л.С. Выготским). Но сама по себе критическая позиция в этом вопросе теперь уже стала общим местом, банальностью.

Теперь коротко о терминологии. В текстах Л.С. Выготского, в частности в стенограмме названного выше доклада, действительно, есть некоторые лексические обозначения, которые могут смущать современного читателя: «низкая ступень развития» того или иного народа, «ребенок-примитив», «отсталые в культурном отношении народы», «исторически отсталые народы» и т.п. Напоминаем, что такова была научная терминология в XIX-начале XX века. Она использовалась в трудах этнологов, историков, антропологов того времени, что отнюдь не свидетельствует о высокомерии европейских ученых к народам с иным укладом жизни. Впоследствии на смену этой лексике пришли термины «традиционные культуры», «культурно-своеобразные народы».

Кроме того, по контексту многих работ (не только Л.С. Выготского) ясно, что имеется в виду техническая отсталость этих цивилизаций в сравнении с уровнем промышленного развития крупных влиятельных стран. Но к достижениям техники не сводится развитие культуры и общества. Искусство, фольклор, ритуальные действия, художественное твор-

чество народов с традиционными культурами принимались как уникальные, интересные системы. Они открывают путь к пониманию самосознания народа, его социального опыта. Точно так же слова «передовые в культурном отношении народы», «сверхчеловек» и т.п. несут в себе смысл высокого уровня технической эволюции и образовательного уровня, достигнутого в иных исторических условиях, но не фанаберии по отношению к другим, непохожим на нас.

Поэтому Л.С. Выготский, указывая на необходимость включения разных народов нашей страны в решение задач хозяйственного и социального преобразования, настаивает тем не менее на изучении социальной ситуации развития детей национальных меньшинств, а не слома этой ситуации, с тем чтобы приблизить ее к социальной ситуации развития детей технически развитых стран, не подменяя ее и не навязывая как другую, вероятно, чуждую исконной культуре народа. На основе этого психологического знания, по его мнению, должна разрабатываться образовательная политика в многонациональном государстве.

И последний момент, который мы относим к теме данной статьи, хотя его связь с ней может представляться косвенной.

Известно, что существует такой мощный социальный фактор жизни и деятельности каждого индивида и общества, как мода. Ее влияние проявляется и в обыденной жизни, и в сугубо духовных сферах, в частности искусстве и науке. Модными могут становиться идеи, проблематика, методы. Мы далеки от мысли, что мода — это всегда что-то поверхностное, свидетельствующее о конформности личности, субъекта деятельности. Следование моде отнюдь не означает подмену актуальности проблемы, задачи и т.д.

Опасность подчинения моде в науке состоит в возможном, намеренном или ненамеренном, но, как правило, тенденциозном поиске объектов критики или поддержки того, что хоть как-то отвечает сегодняшним (а может быть, и сиюминутным) модным течениям.

В настоящее время актуальной и одновременно модной в зарубежной науке становится проблематика, относящаяся к разного рода меньшинствам⁷. В рамках этой проблематики в психологии удар пришелся на Л.С. Выготского; его имя, известность, уже признанное в науке значение, видимо, делают его особенно привлекательным объектом для критики с ложноэтических, на мой взгляд, позиций. Ориентация в анализе его трудов на отдельные слова и даже целые высказывания, вырванные не только из концептуального, но ближайшего текстового контекста его трудов, может, наверное, привести к компрометации ученого, но едва убедит читателя, хорошо знакомого с его концепцией, в том, что он склонен к развитию или поддержке колониализма и расизма.

Заключение

Формирование системы массового образования в нашей стране проходило в трудных политических и социальных условиях: всеобщ (как это тогда называли) нужно было реализовать в многонациональном государстве практически «с нуля». Этой задачей были заняты не только педагоги, но и психологи, психиатры, писатели. К ней специально обра-

тился и Л.С. Выготский — одна из самых ярких фигур в науках о человеке.

То, что до сих пор изучается архив Л.С. Выготского, публикуются его ранее неизданные работы, литературные источники о нем, проводятся конференции, посвященные развитию культурно-исторической психологии, свидетельствует о значимости его творчества не только для общей психологии, но и ряда отраслевых дисциплин этой науки, а также об устойчивом интересе к самой концепции, которая фактически открыла новое направление в изучении человека и общества.

В обращениях современных исследователей к трудам этого ученого прослеживается несколько тенденций: во-первых, принятие его идей как опоры для собственных научных поисков; во-вторых, верификация и развитие его идей применительно к современному этапу развития науки и общества; в-третьих, критический анализ его подходов к изучению психики, пересмотр некоторых положений. Последнее неизбежно и, разумеется, необходимо для развития любой науки. Однако критический анализ любого конкретного тезиса, отдельного высказывания адекватен задачам развития науки только в том случае, если он осуществляется с учетом полного контекста трудов и научного мировоззрения ученого, а также исторически обусловленных социальных условий, в которых осуществлялось его творчество. Исторический контекст способствует пониманию того, что ученый внес не только в науку, но и в социальную практику.

⁷ В США лозунг «Black Lives Matter», наверное, актуален уже на протяжении веков, но сейчас, когда он стал еще и модным, под ним реализуются не только протестные акции, но и уродливые, деструктивные, разрушительные формы поведения, вредные для нормального развития межличностных и межэтнических отношений.

Литература

1. *Божович Л.И.* Значение культурно-исторической концепции Л.С. Выготского для современных исследований психологии личности // Тезисы докладов всесоюзной конференции «Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология» (г. Москва, 23–25 июня). М., 1981. С. 24–30.
2. *Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский: жизнь, деятельность, штрихи к портрету. М.: Смысл, Academia, 1996. 482 с.
3. *Выготский Л.С.* О методических основах психологического изучения культурно-своеобразных народов – стенограмма неопубликованного доклада. 1928. 16 с.
4. *Выготский Л.С.* К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств // Педология. 1929. № 3. С. 367–377.
5. *Выготский Л.С.* Обучение и развитие в дошкольном возрасте. Избр. психол. произв. М.: изд-во АПН РСФСР, 1956. С. 426–437.
6. *Выготский Л.С.* О психологических системах. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982 а. С. 132–148.
7. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Т. 1. М.: Педагогика, 1982 б. С. 5–361.
8. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
9. *Выготский Л.С.* Лекции по педологии. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский ун-т», 2001. 304 с.
10. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
11. *Каптерев П.Ф.* Педагогическая психология. Изд 3-е, перераб. и доп. СПб.: Земля, 1914. 489 с.
12. *Леонтьев А.А.* Л.С. Выготский. М.: Просвещение, 1990. 158 с.
13. *Майданский А.* Антон Ясницкий и Рене ван дер Вир (ред.): Ревизионистская революция в исследовании Выготского // Исследования восточноевропейской мысли. 2020. Том 72. С. 89–95. DOI:10.1007/s11212-020-09359-1
14. *Майданский А.Д.* Примитив и сверхчеловек в культурной психологии Л.С. Выготского // Сибирский психологический журнал. 2021. № 82. С. 6–19.
15. *Майданский А.Д.* Культурно-исторический и колониционный подходы в этнопсихологии детства // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 1(33). С. 103–110.
16. *Собкин В.С.* Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского: Выготский Л.С. Театральные рецензии. М.: Институт социологии образования РАО, 2015. 568 с.
17. *Собкин В.С.* Михаил Лермонтов в работах Льва Выготского: поэт в культурном диалоге с ученым // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5. С. 114–138.
18. *Тулмин С.* Моцарт в психологии // Вопросы философии. 1981. № 10. С. 127–137.
19. *Холмогорова А.Б.* Роль идей Л.С. Выготского для становления парадигмы социального познания в психологии: обзор зарубежных исследований и обсуждение перспектив // Культурно-историческая психология. 2015. № 3. С. 25–43.
20. *Ясницкий А., Ламдан Е.* «В августе 1941 года»: неизвестное письмо Александра Лурии в США в свете ревизионистской революции в историографии российской психологии // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 2. С. 225–292. (На русском языке).
21. *Ярошевский М.Г.* Л.С. Выготский. В поисках новой психологии. М.: Либроком, 2018. 302 с.
22. *Akhutina T.V.* On Revisionism in Vygotskian Science. Commentary on “In August of 1941” by Yasnitsky and Lamdan (2017) // Cultural-Historical Psychology. 2021. Vol. 17. № 3. P. 152–159. DOI:10.17759/chp.2021170319
23. *Bang M.* Towards an Ethic of Decolonial Trans-ontologies in Sociocultural Theories of Learning and Development // Power and Privilege in the Learning Sciences: Critical and Sociocultural Theories of Learning / I. Esmonde, A.N. Booker. New York: Routledge, 2017. P. 115–138.

24. Cole M. Cultural psychology: A once and future discipline. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 416 p.
25. Yasnitsky A. Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor's introduction // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. Vol. 50. № 4. P. 3–15. DOI:10.2753/rpo1061-0405500400

References

1. Bozhovich L.I. Znachenie kul'turno istoricheskoi kontseptsii L.S. Vygotskogo dlya sovremennykh issledovaniy psikhologii lichnosti [The significance of L.S. Vygotsky's cultural and historical concept for modern studies of personality psychology]. Tezisy dokladov vsesoyuznoi konferentsii "Nauchnoe tvorchestvo L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya" (Moskva, 23–25 iyunya) [Abstracts of reports of the All-Union Conference "L.S. Vygotsky's scientific creativity and modern psychology"]. Moscow, 1981, pp. 24–30. (In Russ.).
2. Vygodskaya G.L., Lifanova T.M. Lev Semenovich Vygotskii: zhizn', deyatel'nost', shtrikhi k portretu [Lev Semenovich Vygotsky: life, activity, touches to the portrait]. Moscow: Smysl, Academia, 1996. 482 p. (In Russ.).
3. Vygotskii L.S. O metodicheskikh osnovakh psikhologicheskogo izucheniya kul'turno-svoeobraznykh narodov – stenogramma neopublikovannogo doklada [On the methodological foundations of the psychological study of culturally peculiar peoples – a transcript of an unpublished report]. 1928. 16 p. (In Russ.).
4. Vygotskii L.S. K voprosu o plane nauchno-issledovatel'skoi raboty po pedologii natsional'nykh men'shinstv [On the question of the plan of research work on the pedology of national minorities]. *Pedologiya = Pedology*, 1929, no. 3, pp. 367–377. (In Russ.).
5. Vygotskii L.S. Obuchenie i razvitiye v doskol'nom vozraste. Izbr. psikhol. Proizv. [Training and development in preschool age]. Moscow: Publ. APN RSFSR, 1956, pp. 426–437. (In Russ.).
6. Vygotskii L.S. O psikhologicheskikh sistemakh. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1 [On psychological systems. Collected Works: in 6 vol. Vol. 2]. Moscow: Pedagogy, 1982 a, pp. 132–148. (In Russ.).
7. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 2. Myshlenie i rech' [Collected Works: in 6 vol. Vol. 2. Thinking and speech]. Moscow: Pedagogy, 1982 b, pp. 5–361. (In Russ.).
8. Vygotskii L.S. Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical psychology]. Moscow: Pedagogika, 1991. 480 p. (In Russ.).
9. Vygotskii L.S. Lektsii po pedologii [Lectures on pedology]. Izhevsk: Izdat. dom «Udmurtskii un-t», 2001. 304 p. (In Russ.).
10. Vygotskii L.S., Luriya A.R. Etyudy po istorii povedeniya [Etudes on the history of behavior]. Moscow: Pedagogika-Press, 1993. 224 p. (In Russ.).
11. Kapterev P.F. Pedagogicheskaya psikhologiya. Izd 3-e, pererab. i dop. [Pedagogical psychology. 3-rd ed., reprint. and additional]. Saint Petersburg: Zemlya, 1914. 489 p. (In Russ.).
12. Leont'ev A.A. L.S. Vygotskii [L.S. Vygotsky]. M.: Prosveshchenie, 1990. 158 p. (In Russ.).
13. Maidanskii A. Anton Yasnitskii i Rene van der Vir (red.): Revizionistskaya revolyutsiya v issledovaniyakh Vygotskogo [Anton Yasnitsky and Rene van der Veer (eds.): Revisionist Revolution in Vygotsky's Studie]. *Issledovaniya vostochnoevropeiskoi mysli = Studies of Eastern European thought*, 2020. Vol. 72, pp. 89–95. DOI:10.1007/s11212-020-09359-1 (In Russ.).
14. Maidanskii A.D. Primitiv i sverkhchelovek v kul'turnoi psikhologii L.S. Vygotskogo [Primitive and superman in L.S. Vygotsky's cultural psychology]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2021, no. 82, pp. 6–19. (In Russ.).
15. Maidanskii A.D. Kul'turno-istoricheskii i kolonizatsionnyi podkhody v etnopsikhologii detstva [Cultural-historical and colonization approaches in the ethnopsychology of childhood]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Nauka*. Art. Culture, 2022, no. 1(33), pp. 103–110. (In Russ.).

16. Sobkin V.S. Kommentarii k teatral'nym retsenziyam L'va Vygotskogo: Vygotskii L.S. Teatral'nye retsenzii [Comments on theater reviews by Lev Vygotsky: Vygotsky L.S. Theater reviews]. Moscow: Institut sotsiologii obrazovaniya RAO, 2015. 568 p. (In Russ.).
17. Sobkin V.S. Mikhail Lermontov v rabotakh L'va Vygotskogo: poet v kul'turnom dialoge s uchenym [Mikhail Lermontov in the works of Lev Vygotsky: a poet in a cultural dialogue with a scientist]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 2021. Vol. 67, no. 5, pp. 114–138. (In Russ.).
18. Tulmin S. Motsart v psikhologii [Mozart in psychology]. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*, 1981, no. 10, pp. 127–137. (In Russ.).
19. Kholmogorova A.B. Rol' idei L.S. Vygotskogo dlya stanovleniya paradigmy sotsial'nogo poznaniya v psikhologii: obzor zarubezhnykh issledovaniy i obsuzhdenie perspektiv [The Role of L.S. Vygotsky's Ideas in the Development of Social Cognition Paradigm in Modern Psychology: A Review of Foreign Research and Discussion on Perspectives]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2015. Vol. 11, no. 3, pp. 25–43. DOI:10.17759/chp.2015110304 (In Russ.).
20. Yasnitskii A., Lamdan E. «V avguste 1941 goda»: neizvestnoe pis'mo Aleksandra Lurii v SShA v svete revizionistskoj revolyutsii v istoriografii rossiiskoi psikhologii [“In August 1941”: the unknown letter of Alexander Luria in the USA in the light of the Revisionist Revolution in the historiography of Russian psychology]. *Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest = The History of Russian psychology in persons: Digest*, 2017, no. 2, pp. 225–292. (In Russ.).
21. Yaroshevskii M.G. L.S. Vygotskii. V poiskakh novoi psikhologii [L.S. Vygotsky. In search of a new psychology]. Moscow: Librokom, 2018. 302 p. (In Russ.).
22. Akhutina T.V. On Revisionism in Vygotskian Science. Commentary on «In August of 1941» by Yasnitsky and Lamdan (2017). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 3, pp. 152–159. DOI:10.17759/chp.2021170319
23. Bang M. Towards an Ethic of Decolonial Trans-ontologies in Sociocultural Theories of Learning and Development. In I. Esmonde and A.N. Booker (eds.). *Power and Privilege in the Learning Sciences: Critical and Sociocultural Theories of Learning*. New York: Routledge, 2017, pp. 115–138.
24. Cole M. Cultural psychology: A once and future discipline. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 416 p.
25. Yasnitsky A. Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor's introduction. *Journal of Russian and East European Psychology*, 2012. Vol. 50, no. 4, pp. 3–15. DOI:10.2753/rpe1061-0405500400

Информация об авторах

Божович Елена Дмитриевна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8015-9040>, e-mail: elenabozhovich@inbox.ru

Information about the authors

Elena D. Bozhovich, Doctor of Psychology, Leading Researcher of the Laboratory of Differential Psychology and Psychophysiology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8015-9040>, e-mail: elenabozhovich@inbox.ru

Получена 10.04.2022

Received 10.04.2022

Принята в печать 26.05.2022

Accepted 26.05.2022

Зачем нашим предкам понадобился синтаксис? Социальные порядки и коммуникативные заботы (прото)сапиенсов

Розов Н.С.

**ФГБУН «Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук» (ФГБУН «ИФПР СО РАН»), г. Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>, e-mail: nrozov@gmail.com**

Цель. Объяснение поздних стадий глоттогенеза (включающих упорядочивание частей высказывания, формирование полноценных слов из протослов, появление первых конструкций синтаксиса и грамматики) посредством теоретической реконструкции социальных порядков, выводов, коммуникативных забот и практик протосапиенсов и ранних сапиенсов на основе косвенных данных, общих закономерностей социальной психологии, индивидуального и группового поведения.

Контекст и актуальность. В современной мировой науке активно ведутся исследования происхождения и эволюции языка. Множатся специальные учебные и исследовательские программы, лаборатории, центры, общества, журнальные рубрики; есть даже журналы и целые книжные серии, посвященные этой тематике. Такой интерес определяется тем, что с происхождением языка неразрывно связаны истоки главных особенностей и достоинств человеческого рода: сознания, культуры, мышления, познания. В последние 10–15 лет растет внимание к социально-психологическим и палеосоциологическим объяснениям процессов глоттогенеза. Данная статья развивает это направление с учетом достижений отечественной науки, прежде всего, теоретического наследия Л.С. Выготского.

Используемая методология. Эволюционный подход с учетом механизмов многоуровневого отбора. Палеантропологические, палеопсихологические и палеосоциологические реконструкции.

Основные выводы. Переход от ранних стадий членораздельной речи к протоязыку и полноценному языку был многоступенчатым процессом роста сложности и точности высказываний, что было ответом на обновлявшиеся техноприродные ниши, социальные порядки и коммуникативные заботы протосапиенсов, а затем ранних сапиенсов. Главную роль при этом играли освоение огня, коллективное приготовление пищи, совместные трапезы и связанные с ними ритуальные практики рассказов о произошедших событиях. Появились практики дистантного нормативного контроля, которые, в свою очередь, вели к дальнейшему развитию точности и сложности языка. На более поздних стадиях вследствие экологических и демографических факторов в Южной и Восточной Африке вынужденные миграции и частые межгрупповые столкновения приводили не только к конфликтам, но и к складыванию альянсов, что требовало переговоров с более высокими уровнями точности, логичности и абстрактности общения.

Ключевые слова: происхождение языка, глоттогенез, протоязык, палеопсихология, палеосоциология, палеантропология, ритуалы, совместные трапезы, нормативный контроль, переговоры, социальные порядки, коммуникативные заботы.

Для цитаты: Розов Н.С. Зачем нашим предкам понадобился синтаксис? Социальные порядки и коммуникативные заботы (прото)сапиенсов // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130203>

Why Did Our Ancestors Need Syntax? Social Orders and Communication Concerns of (Proto)Sapiens

Nikolai S. Rozov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>, e-mail: nrozov@gmail.com

Objective. *Explanation of the late stages of glottogenesis (ordering of an utterance parts, the formation of full-fledged words from proto-words, the appearance of the first syntax and grammar constructions) by means of the theoretical reconstruction of social orders, challenges, communicative concerns, and practices of late erectus (proto-sapiens and early sapiens) based on indirect data, general laws of social psychology, individual and group behavior.*

Background. *The research on the origin and evolution of language is being actively carried out in last decades. Special educational and research programs, laboratories, centers, societies, journal headings are multiplying; there are even magazines and whole book series devoted to this topic. This interest is determined by the fact that the origins of the main human features and merits such as consciousness, culture, thinking, cognition, are inextricably linked with the origin of language. In the last 10–15 years, attention has been growing to socio-psychological and paleo-sociological explanations of glottogenesis processes. This article develops this direction considering the achievements of domestic science, first the theoretical legacy of Leo Vygotsky.*

Methodology. *An evolutionary approach with usage of multilevel selection mechanisms. Paleo-anthropological, paleo-psychological, and paleo-sociological reconstructions.*

Conclusions. *The transition from the early stages of articulate speech to a proto-language and a full-fledged language was a multi-stage process of complexity and accuracy of utterances increasing. It was a response to step by step renewed techno-natural niches, social orders, and communicative concerns of proto-sapiens, and then early sapiens. The main role was played by the development of fire, collective cooking, joint meals, and the associated ritual practices of telling stories about events that occurred. The result was practice of distant normative control that led to further development language precision and complexity. In later stages, due to environmental and demographic factors in southern and eastern Africa, forced migrations and frequent intergroup clashes led not only to conflicts, but also to the formation of alliances. This formation required negotiations with higher levels of accuracy, logical consistency, and abstractness of communication.*

Keywords: *origin of language, glottogenesis, proto-language, paleopsychology, paleosociology, paleoanthropology, rituals, joint meals, normative control, negotiations, social orders, communicative concerns.*

For citation: Rozov N.S. Why Did Our Ancestors Need Syntax? Social Orders and Communicative Concerns of (Proto)Sapiens. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130203> (In Russ.).

Введение

В данной работе делается попытка объяснения перехода от начальных ста-

дий членораздельной речи (протослов и протофраз, т.е. уже «открытой» коммуникативной системы по А.Н. Барулину [1]) к протоязыку с пиджин-предложениями¹

¹ *Пиджины* — языки, которые складываются между представителями далеких языковых групп (например, в торговле на приграничных рынках). В пиджинах отсутствуют синтаксис и грамматика («моя твоя не

(по Д. Бикертону, Ж.-Л. Десалю и др.), а затем — к языку с первыми простыми синтаксическими конструкциями и грамматическими согласованиями между полноценными словами [2; 26].

Протослова различаются друг от друга благодаря различению слогов, фонем, значений, но эти значения привязаны к происходящему в наличной ситуации, не связаны между собой семантически, а сами протослова произносятся, скорее, реактивно, а не произвольно. *Протофразы* — это соединение протослов в цепочки без определенного порядка, но с некоторым общим синкретичным смыслом, составленным из значений этих протослов. В *пиджин-предложениях* протослова или слова уже расставлены в определенном порядке, но между ними еще нет связей управления, характерных для синтаксиса, нет грамматических (морфологических) согласований словоформ. *Протоязык* (как понятие глоттогенеза) соответствует способностям изъясняться с помощью пиджин-предложений, на этой стадии протослова превращаются в *полноценные слова* с автономностью своих значений от ситуаций, с устойчивыми семантическими связями между значениями, а также со способностью говорящих к произвольному использованию слов даже при отсутствии их денотатов в наличной ситуации.

Общая идея объяснения состоит в реконструировании таких типовых технопри-

родных ниш, социальных порядков и коммуникативных забот, которые примерно 200–80 тыс. лет назад приводили протосапиевцев, затем ранних сапиенсов в Южной и Восточной Африке к практикам вербального общения, требовавшим постоянного наращивания точности высказываний.

Обучаемость и полноценный язык — главное эволюционное преимущество сапиенсов?

Выделяемые по костным останкам «анатомически современные люди», или *ранние сапиенсы* (примерно 100–40 тыс. лет назад), вряд ли могут быть четко отделены от *протосапиевцев* (примерно 200–75 тыс. лет назад). Далее следуют *средние сапиенсы*, включая кроманьонцев Европы, которые совершали технологическую и культурную революцию верхнего палеолита (примерно 50–20 тыс. лет назад), успешно конкурируя со старожилками (неандертальцами, денисовцами) и вытесняя их. *Поздние сапиенсы* переходили к мезолиту (25–8 тыс. лет назад) и неолиту (10–3 тыс. лет назад), кроме самых окраинных и отсталых, оставшихся в каменном веке вплоть до прихода европейских колонизаторов².

Антропологи согласны в том, что сапиенсы превосходили неандертальцев в одной, но крайне важной способности: учиться, перенимать чужие достижения [5; 30].

понимай»), однако используются простые схемы порядка слов (например, «субъект—действие—дополнение», «субъект—предикат»), которые позволяют эффективно передавать простые смыслы, когда контекст собеседникам известен. Признанный классик в тематике глоттогенеза Дерек Бикертон, исследовавший пиджины на Гавайских островах и в других местах, положил начало реконструкции принципов построения протоязыка по модели пиджинов.

² Перекрывание периодов не должно смущать, поскольку вся популяция (прото)сапиенсов не обязана была трансформироваться — проходить ступени морфологической и когнитивной сапиентации — одновременно. «Отсталые» группы и популяции либо погибали при очередном климатическом катаклизме, либо, оставшись в меньшинстве, ассимилировались с приходом на их территорию более «продвинутых», более успешных в экологическом и конкурентном плане, а потому и более многочисленных племен.

Что же такое способность учиться новому на мезо-, микро- и ультрамикроруровнях?

Не могло быть так, что целая популяция лишь путем подражания быстро освоила прогрессивные технологии старожил (например, по части изготовления одежды и укрытий, жилищ в холодных регионах Евразии). Освоение и широкое распространение новых умений и навыков произошло, поскольку *об увиденном рассказывали, новым полезным практикам обучали, в том числе вербально.*

Как и почему африканские протосапиенсы, а затем ранние сапиенсы овладели этими способностями?

Аналогия с речевым развитием детей³

Стадии протослов, протофраз и пиджин-предложений наблюдаются на ранних этапах освоения детьми родного языка обычно от 6–10 месяцев до 2–2,5 лет, после чего растёт умение использовать все новые синтаксические конструкции и быстро наращивается словарный запас [6; 10; 17; 19].

Первые произносимые ребёнком слова (на самом деле протослова) и бесвязные их сочетания нельзя даже назвать протоязыком (в вышеуказанном значении, используемом в проблематике глоттогенеза). Степень протоязыка достигается, когда ребёнок становится способен пересказать простую ситуацию, а в эксперименте описать происходящее на картинке содержательно верно. Это происходит как раз благодаря освоению пиджин-предложений с порядком слов, пусть

и при ошибках в грамматических формах, их согласовании. Дети с какого-то момента (как раз «от 2 до 5» — в «возрасте речевой гениальности» по К. Чуковскому) начинают «схватывать на лету» речевые образцы взрослых и с впечатляющей скоростью овладевают основами родного языка. Далее речевая способность ребёнка обычно быстро и успешно развивается от протоязыка к языку, что означает освоение распространённых в его круге общения (а потом и в получаемом формальном образовании) языковых средств, соответствующих умений, навыков использовать эти средства адекватно, в той или иной мере — «правильно».

В эпоху антропогенеза и когнитивной эволюции готовых образцов не было. Формирование синтаксиса и грамматики шло медленно, но неуклонно. Ни один народ ведь не остался на стадии протоязыка.

Конкуренция рекрутингов

Следует обратить внимание на особо интенсивную морфологическую эволюцию гейдельбергцев и последующих протосапиенсов 400–100 тыс. лет назад, о которой свидетельствуют фиксируемые по костным останкам прогрессивные сапиентные изменения черепа и скелета [3; 9, с. 117–148; 25]. Это означает большую численность, разнообразие конкурировавших популяций и весьма суровый отбор между ними. По мере демографического роста происходили все более частые контакты и интенсивное смешение, ведь только эти факторы могли дать широкий

³ Сравнение происхождения языка (филогенез) с освоением речи ребёнком (онтогенез) может вызывать удивление из-за очевидных различий. Однако эта аналогия (прямо воспроизводящая принцип Геккеля) уже давно является общим местом в большинстве работ по глоттогенезу. Ее активно использовали Л.С. Выготский и А.Р. Лурия [6], к ней обращаются такие исследователи, как А.Н. Бурулин, К. Лаланд, М. Томаселло, Ж.-Л. Десаль, Р. Рэнгем и др.

и всеохватный для африканских палеоантропов сдвиг к ранним сапиенсам.

Скорее всего, изначальными стимулами (прото)вербальной активности были базовые заботы, связанные с безопасностью, пропитанием, контролем над насилием, статусами, сексуальностью и родительством. Эти заботы должны были предполагать социальное взаимодействие и передачу важных дифференцированных сообщений, так что было не обойтись малым числом протослов.

Идеи Бикертонна [2] о значимости рекрутинга (призывов группе мобилизоваться для похода за добычей), мысли А.Н. Барулина о росте значимости для охотников звукового общения на открытых пространствах [1] правомерны, но недостаточны. Соединяем их с порядком эгалитарности и ситуацией конкуренции призывов. Индивиды, бродившие в поисках пищи, наталкивались на скопление потенциальной еды, а затем при встрече с соплеменниками должны были им сообщить об этом. Необходимость понимания *разных* сообщений и призывов для принятия группового решения, куда идти и за какими благами, приводила в движение механизм *конкуренции рекрутингов*.

Учтем, что меню известных охотников-собирателей в джунглях и саваннах насчитывает 200–300 и более продуктов, пригодных для питания [8]. Такой

культурный багаж мог транслироваться только будучи закрепленным, как минимум, в сотнях протослов. Разумеется, параллельно получали имена ситуации, предметы других сфер, а также лица соплеменников и типовые действия.

Новые протослова появлялись в *ритуалах переименования и отгадок* для преодоления непонимания. *Называние* стало *волшебной палочкой* (гибкой и потенциально многофункциональной структурой), которая стала применяться в течение сотен тысяч лет для обозначения видов еды, мест и способов ее добычи, сопряженных опасностей, разного рода ситуаций, действий, предметов⁴.

Освоение огня, совместные трапезы и обсуждение произошедшего за день

Считается, что гейдельбергцы впервые уверенно овладели огнем (ок. 350 тлн), стали его поддерживать, научились зажигать, устанавливали очаги, что предполагало коллективное приготовление пищи [9, с. 123]. Групповая забота об огне, сооружение и поддержание жилищ требовали сотрудничества и взаимопонимания на достаточно сложном уровне, а значит, использования не только протослов⁵, но и протофраз с комплексными смыслами.

⁴ Детальнее об интерактивных ритуалах см. [7; 24], о ритуалах переименования – [14, с. 147–149].

⁵ Есть несколько убедительных свидетельств археологии и палеогенетики о том, что в анатомическом и физиологическом плане гейдельбергцы и неандертальцы были уже вполне приспособлены для произнесения членораздельных звуков (иначе говоря, с каким-либо различием слогов на основе фонем). Сюда относятся реконструкция чувствительности к звуковым частотам по слуховым косточкам, исчезновение горловых мешков, препятствующих членораздельности, устойчивое развитие позвоночного столба (в частности, грудных позвонков), что позволяло контролировать дыхание, изменения черепа, указывающие на опускание гортани, что считается необходимым условием способности к членораздельной речи, увеличение подъязычных нервных каналов, что указывает на возможность контроля мелкой моторики, специфические сапиентные изменения в «гене речи» FOXP2. См. детальнее в работах [1; 3; 9; 25]. Именно членораздельность отличает протослова от синкретичных по звучанию (пусть и дифференцированных) сигналов обезьян.

Протофразы вполне адекватно передают сообщение о происходящем, когда оно наглядно. Совсем иначе обстоит дело, когда нужно сообщить о чем-то происшедшем (или ожидаемом, планируемом) в другом времени и пространстве. По каким-то причинам появилась забота сообщать *о далеком, сейчас не видимом*.

Скачок от реактивных протофраз, привязанных к ситуациям, к протоязыку с пиджин-предложениями, т.е. зачатками синтаксиса, представляется слишком большим. Поэтому теоретически необходимо введение промежуточной ступени.

Протофразы с внеситуативной семантикой называем *уводящими*, поскольку намерение говорящего состоит в том, чтобы ментально *увести* слушателя из ситуации «здесь и сейчас» в другую, отдаленную, как бы «убежать» туда объединенным, совместно сфокусированным вниманием.

Соответствующая способность сознания *сосредотачивать внимание на ситуациях в другом месте и/или в другом времени*, зная при этом свое настоящее положение, учитывать происшедшее или происходящее там в своем поведении концептуализирована Дэниэлом Дором как «руководство воображением» (слушателей) [28, с. 106]. Нейропсихологические основы этой способности проанализированы в работах М. Дональда, Л. Габоры и К. Смита [27; 29].

Уводящие протофразы появились как структуры, обеспечивавшие новые потребности сообщать о происходящем. Судя по всему, эти заботы могли появиться только в условиях особых ритуалов с публичным сфокусированным вниманием и порядком очередности предостав-

ления слова. Таковыми были *ритуалы совместных трапез и последующего общения*, которые являются до сих пор универсальными во всех известных культурах, что свидетельствует об их древности и огромной культурной значимости [15].

Совместная трапеза всегда была ритуалом и обеспечивающей структурой для двух важнейших забот: а) чтобы утвердить статус, престиж занимавших высшие позиции лидеров, членов доминирующей коалиции; б) чтобы все члены группы были накормлены. Важным ритуальным аспектом каждой совместной трапезы был *порядок доступа каждого участника к пище*. Либо кто-то ее раздает поочередно, либо каждый опять же в некотором порядке берет свою часть (отрывает кусок, черпает, насыпает)⁶. Этот порядок очередности представляется лучшим претендентом на роль прототипа порядка предоставления слова и очередности реплик в беседе⁷.

Участники общей трапезы и последующей коммуникации, конечно же, хотели сообщить нечто важное, значимое для них. В числе наиболее вероятных тем укажем сообщения о произошедшем за день. Хорошие события были связаны с богатой добычей, удалью и удачей, плохие — с неудачной охотой, опасностями, угрозами, ранениями.

Всегда значимыми были также сферы отношений и взаимодействий, связанных с насилием/безопасностью, доминированием, престижем, выполнением и нарушением правил, эротикой и сексуальностью, родительством. Иными словами, здесь ключевым фактором оказывается *нормативность*. Даже если

⁶ Так, во многих крестьянских домах России вплоть до начала XX в. черпали ложкой из общего котла, но всегда в строгой очередности — по иерархии.

⁷ Порядок очередности реплик в «нормальной» — гладко текущей — беседе был выявлен и изучен в классических работах Э. Щеглоффа, Г. Гарфинкеля, И. Гофмана, например, [7; 31].

речь шла о несчастьях, угрозах, травмах, правила солидарности всегда предполагают помощь со стороны окружающих. Участникам было необходимо как-то сообщить соплеменникам свою версию произошедших событий, а слушателям надо было понять их, то есть ментально «убежать» вместе с рассказчиками в описываемую ситуацию. Используемые при этом протофразы уже не могли быть реактивными и ситуативными, они превращались в *уводящие протофразы*. Достигнутое общее понимание произошедшего из рассказа непременно сопровождалось оживлением, радостью, повторами словесных формул, которые тем самым эмоционально подкреплялись и когнитивно фиксировались, осваивались [14, с. 142–168; 16; 24].

Загадка рождения слова

Л.С. Выготский так определяет начальную стадию развития слова в онтогенезе: «Значением слова на этой стадии развития является не определенное до конца, неоформленное синкретическое сцепление отдельных предметов, так или иначе связавшихся друг с другом в представлении и восприятии ребенка в один слитный образ» [6, с. 793].

Вряд ли следует пытаться механически переносить ступени развития значений по Выготскому («синкрет», «комплекс», «псевдопонятие», «понятие») на ступени развития слов и их значений в глоттогенезе. Гораздо важнее отметить общий вектор трансформации: *протослова*, реактивно используемые беспорядочно в протофразах, привязанные к ситуациям «здесь и сейчас», синкретичные, имеющие расплывчатые значения, не отделимые от чувств и «сопричастности», превращались в *слова*, используемые про-

извольно в предложениях с порядком или уже с синтаксисом, автономные от конкретных ситуаций, мимики и жестикологии, имеющие более абстрактные и более точные значения, семантически связанные со множеством других значений.

Такая направленность эволюции выглядит вполне правдоподобной, но теоретическая задача состоит в выявлении причинных условий и драйверов этой трансформации. Значимость последней не только для языка, но также для сознания, мышления, всей человеческой культуры вряд ли стоит пояснять.

Подсказку дают совмещение семантической связанности значений слов, произвольность их употребления и автономность от наличной ситуации. Протослова становятся словами в *тесном сопряжении с развитием уводящих протофраз, пиджин-предложений и синтаксиса*, поскольку все эти три стадии развития составных высказываний обеспечивали заботы все более точного, однозначного описания отдаленных событий, ситуаций.

Коммуникативный конфликт, разбирательство и забота о точности сообщений

В мемуарах каждый политик вольно или невольно представляет прошлые события в выгодном для себя свете. Рассказывая о себе и своих поступках в повседневном общении, мы также склонны приукрашивать произошедшее в свою пользу, хоть и не признаемся в этом. Странно и обидно было бы отказать в таком естественном стремлении нашим далеким предкам.

Коммуникативный конфликт возникает, если другие участники описываемой ситуации не согласны и представляют

разные версии случившегося. Речь идет уже не только о том, где можно добыть что-то вкусное, а *что именно произошло*: кто кого обидел, кто кому помог или не помог, почему случилась такая-то неприятность (ранение, потеря добычи), а что способствовало удаче, кто соблюдал установленные правила, а кто их нарушал.

Порядок элементов в высказывании появлялся в ответ на *растущие заботы точности*, но *забота о точности обычно возникает при наличии альтернатив и неопределенности, которую следует преодолеть*. Лучшим кандидатом на поставку альтернатив и неопределенности является *несогласие* относительно произошедшего, *конфликт версий* и последующее *разбирательство* [23].

Коммуникативная забота уточнения высказываний (в частности, пиджин-предложений) задается прагматической заботой «социального исчисления» (social calculus), когда версии о ранее произошедшем расходятся, и требуется выяснить — разобраться, — какие именно были действия разных лиц в соотношении с принятыми нормами.

По мере того, как росли возможности узнавать из рассказов, что происходило с другими соплеменниками в других местах, складывались и развивались практики *дистантного нормативного контроля*. Теперь любое нарушение могло стать известным группе с последующими санкциями. *Дистантный контроль сам становился значимой заботой*, для обеспечения которой приходилось уточнять высказывания, что вело к наращиванию и усложнению языковых средств точности.

Межгрупповые столкновения, альянсы и переговоры

В ситуации демографического роста и стесненности [11], усугубляемой вынужденными миграциями из-за «палеоклиматического насоса» в Африке 200–80 тыс. лет назад⁸, участились столкновения и конфликты между группами африканских (прото)сапиенсов. В условиях высокой плотности отбор шел по критерию внутренней солидарности и координированности действий. Важным следствием таких процессов стало заключение межгрупповых альянсов [21; 22]. О культурной диффузии, а значит, об участившихся столкновениях и обменах ранних африканских сапиенсов свидетельствуют археологические данные [32].

Группы не только конфликтовали, воевали друг с другом за охотничьи угодья, но также могли уживаться вместе, скреплять отношения родством, составлять таким образом альянсы для защиты от чужаков и/или для захвата соседних территорий. Однако *заключение браков, образование кланов и альянсов, раздел территорий — все это требует взаимопонимания, в том числе между группами, которые раньше между собой не сталкивались, а значит, имели свои арсеналы речевых средств*.

Как и на протяжении последующей истории человеческого рода, интенсивное пересечение культурных традиций приводило к творчеству и развитию. При всем этом конфликты, войны между группами и их альянсами не прекращались, что вело к отсеву не способных договариваться, координировать действия, т.е. отставших в эволюции языка и сознания.

⁸ Росшие ледники Евразии отбирали воду из океана и морей, что снижало испарение и делало африканский климат более сухим, тогда как межледниковья повышали влажность. Переменение этих периодов приводило в Африке к тому, что джунгли превращались в саванны, саванны – в степи, а степи – в пустыни, либо, наоборот, пустыни и степи становились саваннами, а при повышении влажности на них уже наступали джунгли [18; 33].

Брачная политика внутри альянсов (естественная древнейшая форма дипломатии) указывает на не менее жесткий половой отбор уже на уровне индивидов. Согласно общему принципу социальной динамики «извне внутрь» [24] принципы и критерии межгруппового взаимодействия неизбежно проникали на уровень взаимодействия между семьями и индивидами. Если в прежней относительно изолированной жизни группы преимуществом в спаривании, супружестве, распространении генов обладали, например, особо удачливые охотники, то при интенсивном межгрупповом взаимодействии происходил сдвиг критериев.

Вряд ли весьма значимый акт породнения между семьями и кланами доверялся лишь самим юным женихам и невестам, скорее всего, брачную политику осуществляли старшие (вожди альянсов, главы кланов, родители), то есть те, кто умел *договариваться* [8]. Соответственно, вербальные и умственные способности, гибкость мышления, умение учиться чужим словам и практикам — все эти качества, присущие вершителям межгрупповых альянсов и их брачующимся детям, становились конкурентными преимуществами в половом отборе [12; 22; 32].

Коммуникативные вызовы межгрупповой дипломатии

Очевидная трудность состояла в необходимости договариваться об условиях альянса. Здесь возникали коммуникативные задачи и заботы принципиально нового характера. В межгрупповом общении нужны были уже полноценные, по сути дела, дипломатические переговоры.

Что обсуждалось на встречах между представителями разных групп? О каких

достигнутых характеристиках языка свидетельствуют эти темы? Определенные темы *не могли не обсуждаться* [8]. Речь должна была идти:

- о мире между собой и о готовности вместе защищать свою территорию;
- об уже имеющемся или планируемом родстве, о скреплении альянса браками, о самих брачных правилах, возможно, различавшихся, спорных, и об их применении [22];
- о правилах разграничения территории, правилах доступа к ценным ресурсам (чистой воде, сырью для орудий, плодоносным растениям, охотничьим угодиям) — кто из какого клана к чему имеет доступ;
- о ненасилии в отношении членов своих групп, о правилах наказания нарушителей и возмещении ущерба;
- о случившихся нарушениях правил, конфликтах, о том, как их теперь улаживать;
- о дарах, приношениях, ценных вещах, обмене в контексте отношений родства, отношений между семьями, кланами;
- о следующих встречах, совместных трапезах, ритуалах.

Если переговоров и соглашений по этим темам не было, значит не было альянсов между группами, значит каждая группа находилась лишь в отношениях отчуждения, конфликта, войны со всеми соседними группами. В таких условиях ускоренная эволюция наблюдалась бы разве что в оружии и координации военных действий. Последняя линия развития кажется правдоподобной, но в такой версии остаются необъясненными явные когнитивные преимущества пришедших из Африки ранних сапиенсов, столкнувшихся с евразийскими неандертальцами и денисовцами. Способности первых подавлять численным преимуществом, учиться всему новому у старожиллов указывают на владение сапиен-

сами развитой системой коммуникации, на их умения формировать альянсы, быстро заимствовать полезные новшества в межгрупповом общении [5].

Отказавшись от тупиковой гоббсианской версии «все всегда воевали против всех», принимаем версию альянсов, значит и правдоподобность перечисленных выше переговорных тем. Все они имеют важные характеристики:

а) многие их предметы во время переговоров не даны в зрительном поле, на них нельзя указать пальцем;

б) изъясняться о них надо довольно точно, речь ведь идет о жизненно важных предметах, связанных с ресурсами, войной и миром, с насилием и кровными обидами, с правилами дальнейшего сосуществования, причем непременно в контексте отношений родства;

в) части сообщений связаны между собой логически как «заключение брака — союз», «принадлежность к такой-то семье, клану, линиджу — обязанность следовать таким-то правилам», «правило — нарушение — возмещение ущерба», «решение — действие», «действие — следствие» и т.д.;

г) появилась необходимость *рассуждать об общих правилах* — запретах и предписаниях, делать *логические выводы*, в том числе от общего к частному, от причин к следствиям.

Для такого уровня коммуникации в межгрупповых переговорах уже было недостаточно удводящих протофраз (без порядка элементов). Должны были использоваться, как минимум, пиджин-предложения, а скорее всего, — *элементы синтаксиса и грамматики*, поскольку они обеспечивают гораздо большую точность, столь необходимую при переговорах.

Не слишком ли продвинутые языковые и интеллектуальные способности приписываются здесь древнейшим охотникам-собираателям? Ответ на это вполне

не законное возражение включает следующие моменты:

- предположительно, группы гейдельбергцев (400—250 тыс. лет назад), тем более протосапиенсов (250—100 тыс. лет назад) уже владели протословами и удводящими протофразами [14, с. 169—195; 25; 27]; в этот период, вплоть до 55—40 тыс. лет назад шла интенсивная морфологическая сапиентация — формирование «человека современного анатомического типа» [9]; странно, если бы ей не сопутствовала также ускоренная когнитивная эволюция с подъемом по ступеням развития языка;

- разумеется, на начальных этапах межгруппового мирного взаимодействия имело место перманентное взаимное непонимание с раздражением, отчуждением, разрывом отношений, вспышками насилия и т.п.; только очень сильное внешнее давление, по сути дела *геополитическое*, могло преодолеть нежелание иметь дело с опасными чужаками; и такое давление заключалось в том, что без альянса более сильные и агрессивные чужаки нападут, вытеснят с угодий, убьют мужчин и захватят женщин; поэтому *трудности коммуникации поневоле приходилось преодолевать* [23];

- известные миссионерам и антропологам XIX—XX вв. охотники-собираатели, жившие на уровне палеолита, судя по многочисленным описаниям [8], были способны *не только к переговорам, альянсам, обменам, но к поддержанию сложнейших отношений родства; все они владели полноценными языками*, причем большинство — весьма сложными в лексическом и в грамматико-синтаксическом аспектах; допустим, эти способности они получили только на протяжении последних 30—40 тыс. лет; тогда вполне резонно предполагать, что в предыдущую эпоху (в 5—10 раз более долгую) они вместе с остальными африканскими предками современного человечества

могли достигать предыдущих ступеней как в социальных взаимодействиях, так и в языковой сложности.

Факторы усложнения языка в межгрупповом общении

Почему сделан такой упор именно на межгрупповых взаимодействиях и коммуникациях? Разве уточнение языковых средств, обретение синтаксических и грамматических конструкций не могло идти внутри групп? Конечно, могло, в какой-то мере языковые новации происходили и на этом уровне — в процессах поиска взаимопонимания, переименования высказываний при совместных трапезах и общих собраниях. Однако наиболее правдоподобным толчком к созданию синтаксиса представляется именно вынужденная коммуникация между представителями разных групп. Доводы, основанные на наблюдениях и принципах социальной психологии, микросоциологии, социолингвистики, таковы:

- внутри одной группы все ее члены погружены в один контекст, по большей части связанный с ситуациями «здесь и сейчас» либо с простыми ситуациями прошлого, сообщения о которых вполне могут обходиться средствами развитого пиджина (объединением предложений с упорядоченными словами); иначе говоря, здесь не видно явных забот, ответом на которые стали бы более сложные синтаксические конструкции [2; 6; 13; 14, с. 159–168];

- этот довод подтверждается более простым синтаксисом более изолированных групп и племен, характерным примером которых является народ *тираха* [20];

- внутри группы правила поведения не нуждаются в проговаривании (если такая практика не была приобретена во вне), поскольку они устанавливаются и

подкрепляются моментальными реакциями на нарушения [16];

- при любом плотном взаимодействии автономных сообществ неизбежны трения и конфликты; если сообщества не воюют и решают мирно сосуществовать, тем более объединяться в альянс (обычно для обороны от врагов и/или нападения на них), то обговаривание правил уже необходимо, что предполагает логические связи между нормами и конкретными действиями, ситуациями, а значит, требует более сложных уточняющих языковых конструкций [23].

Позже, среди средних сапиенсов Евразии (уже на уровне верхнего палеолита) определенно существовали интенсивные межгрупповые коммуникации и альянсы, что подтверждается большими дистанциями отношений обмена (сырье для каменных изделий, артефакты, раковины, керамические фигурки и т.п.) [9; 28; 32]. Сведем вместе доводы в пользу того, что эти процессы начались еще в Африке среди ранних сапиенсов и протосапиенсов:

- ранние сапиенсы, перебравшиеся в Евразию, выжившие там и вытеснившие старожилов, имели примерно сходный уровень сапиентных черт, социального и когнитивного развития; наиболее вероятно, что этот уровень был достигнут через коммуникацию и диффузию через альянсы, но не изолированно;

- если сапиенсы составляли альянсы, вели мирные обмены на просторах огромной Евразии, то, вероятно, они уже обладали такой способностью при существенно большей плотности в Восточной Африке.

Вполне закономерно достигнутые в межгрупповых переговорах уровни точности и ясности высказываний распространялись на общение внутри групп, на арены престижа, партнерских, дружеских, эротических взаимодействий, обучение детей и т.д. [12; 17; 32].

Разумеется, основные положения данной работы имеют гипотетический характер, поскольку прямых данных о речевом развитии в данную эпоху нет и быть не может, а косвенных данных недостаточно. Проблема эта известная, серьезная и требует нетривиальных методов решения. На основе расширения номологического подхода К. Гемпеля специально разработана методология проверки гипотез о закономерностях и механизмах глоттогенеза и когнитивной эволюции [14, с. 44-47].

Выводы

1. Показала себя оправданной стратегия объяснения поздних стадий глоттогенеза (упорядочивание частей высказывания, формирование полноценных слов из протослов, появление первых конструкций синтаксиса и грамматики) посредством теоретической реконструкции *социальных порядков, вызовов, коммуникативных забот и практик* протосапиенсов и ранних сапиенсов.

2. На ранних стадиях глоттогенеза в условиях эгалитарных порядков начались *ритуалы переименования и отгадывания* для преодоления непонимания, имела место *конкуренция рекрутингов*. Соответственно, *росло число протослов*, требуемых для сообщения и запоминания видов пищи, мест, способов ее добывания, сопутствовавших опасностей и т.п.

3. Уверенное освоение огня, практики коллективного приготовления пищи и совместных трапез с установленными порядками взаимодействия приводили к потребностям и возможностям рассказов о произошедшем за день, поэтому реактивные протофразы трансформировались в *уводящие протофразы*.

4. Особую роль сыграли относительно быстрые климатические изменения в Африке 200–80 тыс. лет назад, которые приводили к смене ландшафтов, вынужденным миграциям, демографическому росту, частым столкновениями и *жесткому отбору по критериям сплоченности, обучаемости, способностей накапливать и передавать опыт, составлять межгрупповые альянсы, а значит, по достигнутому уровню речевого общения*.

5. Новые практики *дистантного нормативного контроля*, коммуникативные конфликты и *ритуалы разбирательства* приводили к практикам «*социального исчисления*», требовали все большей точности высказываний, благодаря чему уводящие протофразы превращались в *пиджин-предложения*.

6. Практики объединения групп в альянсы с необходимостью предполагали *переговоры*, а значит, способности достаточно точно рассуждать об общих правилах, делать логические выводы, что обусловило появление *первых конструкций синтаксиса и грамматики*. Достигнутые уровни точности и ясности высказываний распространялись на общение внутри групп.

Литература

1. Барулин А.Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1. М.: Спорт и культура, 2002. 464 с.
2. Бикертон Д. Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянских культур, 2012. 349 с.
3. Бурлак С.А. Время появления звучащей речи по данным антропологии // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. № 3. 2012. С. 109–119.
4. Бурлак С.А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Альпина Диджитал, 2019. 458 с.

5. *Вишняцкий Л.Б.* Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: Изд-во СПбУ, 2008. 251 с.
6. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
7. *Гофман И.* Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
8. *Джонсон А., Эрл Т.* Эволюция человеческих обществ. От добывающей общины к аграрному государству. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.
9. *Дробышевский С.В.* Антропогенез. М.: Архэ, Модерн-А, 2017. 167 с.
10. *Исенина Е.И.* Теория и методика развития речи у детей. Дословесный период. М.: Юрайт, 2020. 149 с.
11. *Карнейро Р.Л.* Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70.
12. *Миллер Д.* Соблазняющий разум. Как выбор сексуального партнера повлиял на эволюцию человеческой природы. М.: Corpus (АСТ), 2000. 750 с.
13. *Поринев Б.Ф.* О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М.: ФЭРИ-В, 2006. 635 с.
14. *Розов Н.С.* Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 355 с.
15. *Рэнгем Р.* Зажечь огонь. Как кулинария сделала нас людьми. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 333 с.
16. *Скиннер Б.Ф.* Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты / Под ред. Гальперина П.Я., Ждан А.И. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 60–95.
17. *Томаселло М.* Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. 323 с.
18. *Уэллс С.* Генетическая одиссея человека. М.: Альпина Нон-фикшн, 2013. 364 с.
19. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: лингвистика детской речи. М.: ВЛАДОС, 2000. 240 с.
20. *Эверетт Д.* Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: Языки славянских культур, 2016. 384 с.
21. *Ambrose S.H.* Small things remembered: origins of early microlithic industries in sub-Saharan Africa // Thinking Small: Global Perspectives on Microlithic Technologies. Archaeological Papers of the American Anthropological Association / In Elston R., Kuhn S. (eds). 2002. No. 12. P. 9–29.
22. *Barnard A.* Social origins: sharing, exchange, kinship // The Cradle of Language / In Botha R., Knight Chr. (eds). Oxford Univ. Press, 2009. P. 219–235.
23. *Boehm Chr.* Conflict and the evolution of social control // Journal of Consciousness Studies. 2000. No. 7. P. 79–101.
24. *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton. NJ: Princeton Univ. Press, 2004. 439 p.
25. *Dediu D., Levinson S.* On the antiquity of language: the reinterpretation of Neandertal linguistic capacities and its consequences // Frontiers in Psychology, 05 July. 2013. P. 1–17.
26. *Dessalles J.-L.* Why We Talk. The Evolutionary Origins of Language. Oxford Univ. Press, 2007. 388 p.
27. *Donald M.* Hominid enculturation and cognitive evolution // Cognition and material culture: The archaeology of symbolic storage. Ed. by Scarre C. Cambridge: McDonald Institute, 1998. P. 7–17.
28. *Dor D. et al.* 2014 — The Social Origins of Language / In Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds). Oxford Univ. Press, 2014. 528 p.
29. *Gabora L., Smith C.M.* Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution // Journal of Anthropological Sciences, 2018. Vol. 96. P. 1–26.
30. *Laland K.N.* Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2017. 464 p.
31. *Schegloff E.A.* Sequencing in conversational openings // American Anthropologist, 1968. Vol. 70. No. 6. P. 1075–1109.

32. *Stringer Chr.* Lone Survivors: How We Came to Be the Only Humans on Earth. Times Books, 2012. 336 p.
33. *Walter et al.* Early human occupation of the Red Sea coast of Eritrea during the last interglacial // *Nature*, 2000. Vol. 405. P. 65–69.

References

1. Barulin A.N. Osnovaniya semiotiki. Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya. Chast' 1 [Foundations of the semiotics: Signs, sign systems, communication. Part 1]. Moscow: Sport i kul'tura, 2002. 464 p. (In Russ.).
2. Bickerton D. Yazyk Adama: kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudei [Adam's tongue. How humans made language, how language made humans]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. 349 p. (In Russ.).
3. Burlak S.A. Vremya poyavleniya zvuchashchei rechi po dannym antropologii [The Time of the Articulate Speech Appearance, according to anthropological data]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia = Moscow University Anthropology Bulletin*, 2012, no. 3, pp. 109–119. (In Russ.).
4. Burlak S.A. Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy [The origin of language. Facts, research, hypotheses]. Moscow: Alpina Digital, 2019. 458 p. (In Russ.).
5. Vishniatsky L.B. Kul'turnaya dinamika v seredine pozdnego pleistotsena i prichiny verkhnepaleoliticheskoi revolyutsii [Cultural Dynamics in the Mid-Late Pleistocene and Causes of the Upper Paleolithic Revolution]. Sankt-Petersburg: S-P.b Univ. Publ, 2008. 251 p. (In Russ.).
6. Vygotskii L.S. Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of Human Development]. Moscow: Smysl Publ.; Eksmo Publ, 2005. 1136 p. (In Russ.).
7. Goffman E. Ritual vzaimodeistviya: Ocherki povedeniya litsom k litsu [Interaction Ritual Essays in Face-to-Face Behavior]. Moscow: Smysl, 2009. 319 p. (In Russ.).
8. Johnson A., Earle T. Evolyutsiya chelovecheskikh obshchestv. Ot dobyvayushchei obshchiny k agrarnomu gosudarstvu [The Evolution of Human Societies. From a Foraging Group to Agrarian State]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2017. 552 p. (In Russ.).
9. Drobyshevskii S.V. Antropogenez [The Anthropogenesis]. Moscow: Arhe, Modern-A, 2017. 167 p. (In Russ.).
10. Isenina E.I. Teoriya i metodika razvitiya rechi u detei. Doslovesnyi period [The Theory and Technique of Children's Speech Development. The Pre-Word Period]. Moscow: Yuirait Publ., 2020. 149 p. (In Russ.).
11. Carneiro R. Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva [A theory of the origin of the state]. In Grinin L.E., Bondarenko D.M., Kradin N.N., Korotaev A.V. (eds). *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [The early state, its alternatives, and analogues]. Volgograd: Uchitel', 2006, pp. 55–70. (In Russ.).
12. Miller D. Soblaznyayushchii razum. Kak vybor seksual'nogo partnera povliyal na evolyutsiyu chelovecheskoi prirody [The Mating Mind: How Sexual Choice Shaped the Evolution of Human Nature]. Moscow: Corpus (AST), 2000. 750 p. (In Russ.).
13. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoi istorii (Problemy paleopsikhologii) [About the beginning of human history (Problems of paleopsychology)]. Moscow: Feri-B, 2006. 635 p. (In Russ.).
14. Rozov N.S. Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti [The Origin of Language and Consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to speech and cognitive abilities]. Novosibirsk: Manuskript, 2022. 355 p. (In Russ.).
15. Wrangham R. Zazhech' ogon'. Kak kulinariya sdelala nas lyud'mi [Catching Fire: How Cooking Made Us Human]. Moscow: Astrel': CORPUS, 2012. 333 p. (In Russ.).
16. Skinner B.F. Operantnoe povedenie [Operant behavior]. In Gal'perin P.Ya., Zhdan A.I. (eds). *Istoriya zarubezhnoi psikhologii. Teksty* [History of Foreign Psychology. Texts]. Moscow: Moscow State University Publ., 1986, pp. 60–95. (In Russ.).

17. Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obshcheniya [Origins of Human Communication]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 323 p. (In Russ.).
18. Wells S. Geneticheskaya odisseya cheloveka [The Journey of Man: A Genetic Odyssey]. Moscow: Al'pina Non-fikshn, 2013. 364 p. (In Russ.).
19. Tseitlin S.N. Yazyk i rebenok: lingvistika detskoj rechi [Language and the child: linguistics of children's speech]. Moscow: Vlado Publ, 2000. 240 p. (In Russ.).
20. Everett D. Ne spi — krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei [Don't Sleep, There Are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2016. 384 p. (In Russ.).
21. Ambrose S.H. Small things remembered: origins of early microlithic industries in sub-Saharan Africa. In *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithic Technologies. Archaeological Papers of the American Anthropological Association*. In Elston R., Kuhn S. (eds) . 2002, no. 12, pp. 9–29.
22. Barnard A. Social origins: sharing, exchange, kinship. In *The Cradle of Language*. In Botha R., Knight Chr. (eds) . Oxford Univ. Press, 2009, pp. 219–235.
23. Boehm Chr. Conflict and the evolution of social control. *Journal of Consciousness Studies*, 2000, no. 7, pp. 79–101.
24. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton Univ. Press, 2004. 464 p.
25. Dessalles J.-L. Why We Talk. The Evolutionary Origins of Language. Oxford Univ. Press, 2007. 388 p.
26. Dediu D., Levinson S. On the antiquity of language: the reinterpretation of Neandertal linguistic capacities and its consequences. *Frontiers in Psychology*, 2013, pp. 1–17.
27. Donald M. Hominid enculturation and cognitive evolution. In *Cognition and material culture: The archaeology of symbolic storage*. Ed. by Scarre C. Cambridge: McDonald Institute, 1998, pp. 7–17.
28. Dor D. et al. 2014 — The Social Origins of Language. In Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds). Oxford Univ. Press, 2014. 528 p.
29. Gabora L., Smith C.M. Two Cognitive Transitions Underlying the Capacity for Cultural Evolution. *J. of Anthropological Sciences*, 2018. Vol. 96, pp. 1–26.
30. Laland K.N. Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind. Princeton University Press, 2017. 464 p.
31. Schegloff E.A. Sequencing in conversational openings. *American Anthropologist*, 1968. Vol. 70. no. 6, pp. 1075–1109.
32. Stringer Chr. Lone Survivors: How We Came to Be the Only Humans on Earth. Times Books, 2012. 336 p.
33. Walter et al. Early human occupation of the Red Sea coast of Eritrea during the last interglacial. *Nature*, 2000. Vol. 405, pp. 65–69.

Информация об авторах

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН «Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук» (ФГБУН «ИФПР СО РАН»), г. Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>, e-mail: nrozov@gmail.com

Information about the authors

Nikolai S. Rozov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>, e-mail: nrozov@gmail.com

Получена 21.07.2021

Received 21.07.2021

Принята в печать 15.04.2022

Accepted 15.04.2022

Проблема происхождения религии в зеркале психологии: от классиков к современникам

Павленко В.Н.

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

(ХНУ имени В.Н. Каразина), г. Харьков, Украина

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4947-3995>, e-mail: vnp49@ukr.net

Цель. Представить классические точки зрения на проблему происхождения религии и дать обзор современных взглядов. Знакомство с описываемыми подходами даст возможность лучше представить современное состояние данной проблемы и выработать собственную позицию на основе разработываемых в отечественной психологии направлений.

Контекст и актуальность. Проблема происхождения религии — важнейшего социально-психологического феномена — не была в фокусе внимания отечественных психологов, поэтому за редким исключением в научной литературе не освещались подходы к ее решению, предлагаемые за рубежом. Весной 2020 года международный журнал «Архив Психологии Религии» подготовил специальный выпуск, затрагивающий заявленную тему. Эта акция стала очередным доказательством интереса зарубежных ученых к данной проблематике и продемонстрировала основные подходы, сформировавшиеся к настоящему времени по данному вопросу.

Используемая методология. Описательный метод и метод сравнительного анализа.

Основные выводы. На современном этапе основное противостояние наблюдается между сторонниками когнитивного направления, рассматривающими возникновение религии как результат работы когнитивных процессов, как побочный продукт эволюции, и культурными эволюционистами, считающими религию полезной адаптацией в процессе эволюции. На примерах работ ведущих представителей этих направлений продемонстрированы наиболее характерные черты данных подходов и основные дискуссионные моменты. В статье обсуждены также работы исследователей, пытающихся перебросить мост между этими крайними, противоположными точками зрения и сблизить их.

Ключевые слова: психология религии, происхождение религии, культура, когнитивные процессы, эволюция.

Для цитаты: Павленко В.Н. Проблема происхождения религии в зеркале психологии: от классиков к современникам // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 40–54. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130204>

The Problem of the Origin of Religion in the Mirror of Psychology: from Classics to Contemporaries

Valentyna Pavlenko

Kharkiv National University named by V.N. Karazin, Kharkiv, Ukraine

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4947-3995>, e-mail: vnp49@ukr.net

Objective. *To present the classical points of view on the problem of the origin of religion and give an overview of modern views. Acquaintance with the described approaches will make it possible to better represent the current state of this problem and develop the own position on the basis of the directions developed in domestic psychology.*

Background. *The problem of the origin of religion — the important socio-psychological phenomenon — was not in the focus of attention of domestic psychologists, therefore, with rare exceptions, the approaches to its solution proposed abroad were not highlighted in the scientific literature. In the spring of 2020, the international journal “Archive of Psychology of Religion” prepared a special issue dealing with the stated problem. It was another proof of the interest of foreign scientists in this topic and demonstrated the main approaches that have been formed to date on this issue.*

Methodology. *Descriptive and comparative analysis methods.*

Conclusions. *It is shown that at the present stage the main opposition on the problem of the origin of religion is observed between the supporters of the cognitive direction, who consider the emergence of religion exclusively as a result of the work of cognitive processes, as an accidental by-product of evolution, and supporters of cultural evolutionists, who consider religion a useful adaptation in the process of evolution. The examples of the works of the leading representatives of these areas demonstrate the most characteristic features of these approaches and the main discussion points. In this article we also discussed the work of researchers who were trying to build a bridge between these opposing points of view and bring them closer together.*

Keywords: *psychology of religion, origin of religion, culture, cognitive processes, evolution.*

For citation: Pavlenko V. The Problem of the Origin of Religion in the Mirror of Psychology: from Classics to Contemporaries. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 40–54. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130204> (In Russ.).

Введение

Весной 2020 года международный журнал «Архив Психологии Религии», являющийся официальным печатным органом Международной Ассоциации Психологии Религии, подготовил специальный выпуск, затрагивающий заявленную в названии статьи тему. Эта акция стала очередным доказательством интереса зарубежных ученых к данной проблематике и продемонстрировала основные подходы, сформировавшиеся к настоящему времени по данному вопросу. Попытаемся кратко очертить классические взгляды на проблему происхождения религии как важнейшего социально-психологического феномена и их современное состояние.

Ранние представления о происхождении религии

В начале XX века фактически одновременно были написаны работы, ставшие классическими примерами двух принципиально разных подходов к пониманию религии и ее истоков. Речь идет о трудах З. Фрейда, с одной стороны, и о работах Э. Дюркгейма — с другой. Если максимально схематично изложить суть представлений З. Фрейда о происхождении религии, то их можно свести к следующим положениям:

1. Человек всегда, а тем более в древности, ощущает свое бессилие перед природой и зависимость от разнообразных жизненных обстоятельств, которые он не способен контролировать. Ему необходима защита, потребность в которой посту-

лируется З. Фрейдом в качестве базовой человеческой характеристики. Поэтому религия формируется как форма психологической защиты от этих состояний. Также она является формой защиты человека от собственных неудовлетворенных, вытесненных в подсознание влечений.

2. Бог у З. Фрейда (в тотемизме как в первоначальной форме религии — тотем) — это всегда образ-заместитель Отца, возможно, не реального, а идеализированного, но в любом случае обладающего всеми его функциями. В какие-то времена и в каких-то культурах он универсальный заместитель, в иных — его качества и функции распределяются между разными божествами. Пользуясь языком психоанализа, следовало бы сказать, что на Богов проецировались подавленные, вытесненные в бессознательное мотивы, влечения, черты. Так, на Бахуса проецировалась тяга к вину, Марс символизировал агрессию и т.п. Служение данным божествам являлось формой сублимации, символического удовлетворения тех запретных влечений, которые эти божества олицетворяли.

3. Исходной формой религии, по З. Фрейду, является тотемизм, который, в свою очередь, выводится исследователем из универсального комплекса Эдипа, характерного как для онтогенеза, так и для человечества в целом. Согласно З. Фрейду, в древние времена человечество пережило определенную психотравму: в некой первобытной орде сыновья, недовольные господством жестокого отца, подавлявшего их притязания на женщин и более высокий социальный статус, испытывая зависть и ненависть к нему, решили покончить с его господством, для чего совместно убили и съели его. Акт поедания принес им чувство отождествления с отцом, с его силой, властью, могуществом и временное чувство торжества и удовлетворения. Но затем сыновей стало мучить чувство рас-

каяния, и в качестве способов искупления своей вины за содеянное они выбрали, с одной стороны, отказ от женщин отца, которых ранее так желали, а с другой — как назидание на будущее — воплощение образа отца в тотеме. Эти два способа воплотились, по З. Фрейду, в двух основных табу всех первобытных племен: в табу на инцест с девушками своего тотема и в табу на убийство тотемного животного. Оба они являются, по сути, запретами двух главных мужских искушений. Первое из них способствовало укреплению социальных отношений в социуме, так как устраняло возможное соперничество из-за женщин, а второе сформировало зачаточную форму религии — тотемизм [6].

Если в работе «Тотем и табу» З. Фрейд обращается к истокам тотемизма, то в более поздних своих произведениях [7] пытается рассмотреть корни религии в целом. Он усматривает определенный параллелизм между неврозом у ребенка, который не способен справиться со своими страхами и влечениями в силу еще недостаточно сформированной рациональности и поэтому действует исключительно аффективно, и религией как «общечеловеческим навязчивым неврозом», базирующимся принципиально на тех же основаниях. Эта параллель приводит исследователя к мысли о том, что как детские неврозы могут быть изжиты в процессе взросления ребенка, так и значимость религиозных идей для человечества со временем может пойти на спад.

Работа Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии» [3] первоначально появилась на свет в 1912 году и, в свою очередь, как и работы З. Фрейда, стала классикой для всех исследователей, интересующихся вопросами происхождения религии. В отличие от З. Фрейда, пришедшего к религиозной тематике с позиций клиници-

ста, прекрасно знающего психопатологию, а потому и видевшего в религии «универсальный невроз», Э. Дюркгейм подошел к вопросу происхождения религии как социолог, поэтому его трактовки существенно отличались от взглядов З. Фрейда. Их можно свести к следующим положениям:

1. Как и З. Фрейд, исходной формой религии Э. Дюркгейм считает тотемизм, но во взглядах на эту первоначальную форму есть и существенные различия: во-первых, для Э. Дюркгейма очень важным моментом является связь тотемизма с определенной социальной организацией, а именно — с разделением австралийского общества на кланы; во-вторых, само содержание, которое Э. Дюркгейм вкладывает в понятие «тотемизм», существенно отличается от представлений З. Фрейда: «тотемизм — это религия, посвященная не конкретным животным, людям или изображениям, а некоей безымянной и безличной силе, которая различима в каждом из этих объектов, но при этом не сливается с ними... Если употребить термин в самом широком смысле, то можно сказать, что она и есть тот бог, которому посвящен любой тотемический культ» [3, с. 324].

2. Отмеченные выше два момента, резко отличающие понятие тотемизма у Э. Дюркгейма, приводят исследователя к принципиально иному, по сравнению с З. Фрейдом, пониманию Бога. Если у последнего, как уже было сказано, Бог (или тотем) — это символический заместитель Отца или (в случае с множественными божествами) его отдельных функций или характеристик, то для Э. Дюркгейма Бог — это олицетворение не индивида (или его качеств), а «безличной силы» — общества. Логика рассуждений автора здесь такова: «тотем выражает и символизирует два разных типа вещей. С одной стороны, тотем — внешняя и чувственно воспринимаемая форма того,

что мы назвали тотемическим началом, или богом. Но с другой стороны, он еще и символ определенного сообщества, называемого кланом. Тотем — его знамя, герб, при помощи которого каждый клан отличает себя от других... Но если тотем является одновременно символом бога и общества, то не оттого ли, что бог и общество суть одно и то же?» [3, с. 352—353].

3. Вопрос о том, как зарождается религия, также решается З. Фрейдом и Э. Дюркгеймом по-разному. Э. Дюркгейм обращает внимание на то, что в жизни австралийских обществ четко выделяются две существенно отличающиеся фазы — фаза обыденной индивидуальной хозяйственной деятельности и фаза коллективных мероприятий, во время которых члены сообщества испытывают яркие сильные эмоции и действуют, подчиняясь не индивидуальным целям, а каким-то иным, не подвластным им законам. Этот опыт проживания в двух столь разных фазах жизни является прообразом существования двух миров, соответствующих этим фазам, — профанного и сакрального. Те яркие чувства и переживания, которые испытывают члены клана, участвуя в коллективных мероприятиях — «религиозные силы», могут не увязываться первобытным сознанием с нахождением в коллективе, но, по Э. Дюркгейму, обязательно объективируются в каких-либо объектах, наделяя их тем самым свойством сакральности. Так и возникают тотемы.

В полемику с ключевыми идеями Э. Дюркгейма со временем вступил выдающийся британский антрополог Б. Малиновский. Будучи основателем функционализма, Б. Малиновский в своей работе «Магия, наука и религия» [4] пытается подойти к проблеме происхождения религии, прежде всего, через определение ее функции. Исследователь отказывается от центральной идеи Э. Дюркгейма об

отождествлении Бога и Общества и возвращается к мысли об индивидуально-психологических истоках религии, видя в коллективности и публичности лишь «техническое средство», способствующее реализации основных ее функций.

Для Б. Малиновского важнейшими корнями религии являются, с одной стороны, истонное желание человека жить, а с другой — сверхсильные эмоциональные переживания (страх и ужас), связанные с осознанием неотвратимости и неизбежности смерти. Представление о душе, вера в возможность жизни после смерти и, соответственно, в непрерывность жизни выполняют защитную функцию, помогая справиться с этими разрушительными эмоциями. Согласно Б. Малиновскому, вера в бессмертие не создается обществом, она изначально присутствует в сознании каждого индивида в форме врожденного инстинкта самосохранения, но утверждается и закрепляется с помощью религиозных ритуалов и церемоний. Роль общества, всегда принимающего участие в этих ритуалах, — подтвердить и придать максимальную весомость вере в нескончаемость жизни.

К сожалению, объем статьи не дает возможности проследить эволюцию взглядов на проблему происхождения религии на протяжении последующих лет со времени появления этих классических работ. Однако стоит отметить, что в то время, как в советской психологии шла борьба с религией со всеми вытекающими для исследователей данной проблематики последствиями, за рубежом выдвигались оригинальные идеи и формировались новые подходы. Попытаемся хотя бы обзорно очертить основные направления, сформировавшиеся по данному вопросу к настоящему моменту.

Проблема происхождения религии в работах представителей когнитивного направления

В 1990 году была опубликована фундаментальная работа Т. Лоусона и Р. Макколи «Переосмысливая религию: соединение Познания и Культуры», в которой был представлен взгляд представителей когнитивного подхода на религию, в том числе на проблему ее происхождения [13]. За последующие 30 лет данный подход обрел многих сторонников и немало критиков. Главная идея приверженцев данного течения в вопросе о происхождении религии заключается в том, что религия — это побочный продукт эволюции (т.е. не формируемый в процессе естественного отбора полезный феномен, а случайное проявление такой адаптации) и результат когнитивных процессов.

Конкретизируем это положение на основе взглядов К. Кларка [10]. Согласно К. Кларку, в незапамятные времена в процессе эволюции выработался определенный когнитивный механизм — сверхчувствительное устройство обнаружения агентов (a hypersensitive agency-detecting device, или HADD)¹. Этот механизм позволял воспринимать любой внешний сигнал (например, шорох в кустах) как проявление некоего опасного существа, а значит быстрее принимать решение по избеганию опасности. Данный механизм был полезен нашим предкам, поскольку реально способствовал их выживанию. Однако, согласно К. Кларку, в качестве побочного продукта этот механизм посеял и семена религиозных верований, поскольку люди начали воспринимать в качестве угрожающих им существ не только реаль-

¹ Идея данного когнитивного механизма была предложена антропологом С. Гатри (S. Guthrie), принятое в настоящее время название — Дж. Барретом (J. Barrett).

ных хищников, но и объекты, которые на самом деле не обладали никакой произвольностью действий: ветер, дождь и т.п.

На основе описанного механизма возник еще один, который представители когнитивного направления называют теорией разума (Theory of Mind или ToM), — еще одна идея, которая часто упоминается в дискуссиях о происхождении религии. Приписывая намерение или цель действиям других существ (в том числе другим людям), наши предки начали не только быстрее реагировать на них, но и пытаться прогнозировать, какими могут быть действия этих Других, и, соответственно, более точно планировать свои ответные реакции. Возможность проникнуть в сознание другого целеустремленного существа — вот в чем, по К. Кларку, суть теории разума. Она была очень полезна предкам, позволяя различать положительные и отрицательные намерения других людей, тем самым увеличивая их шансы на выживание. Но когда первобытные люди начали приписывать произвольность всем прочим объектам, а вдобавок еще и пытаться предвидеть их намерения и действия, это привело к формированию у них представлений о мире сверхъестественных существ.

Когнитивный антрополог и эволюционный психолог П. Буайе, во многом соглашаясь с описанными выше гипотезами, также говорит о том, что современные религиозные идеи — это остатки того великого множества идей, которые постоянно продуцируются когнитивными механизмами, остатки, победившие (а потому и сохранившиеся) в результате естественного отбора. Для их изучения не стоит исследовать состояния редкого глубинного религиозного погружения или мистический опыт, более продуктивным является изучение «обычных когнитивных способностей» [1].

Изучение этих «выживших» в результате отбора современных религиозных представлений приводит П. Буайе к выводу о том, что для них характерно следующее: религиозные понятия нарушают одно-единственное определенное интуитивное предположение, вытекающее из какой-либо онтологической категории (т.е. они подвержены так называемому принципу «минимальной контринтуитивности»), при том, что все остальные предположения они сохраняют. Показательным авторским примером может служить образ Девы Марии как женщины, родившей ребенка в результате непорочного зачатия. Он удовлетворяет первому требованию, поскольку явно нарушает обыденные представления о женщинах и их возможностях, а также хорошо согласуется со вторым, поскольку способность непорочно зачать — это одна-единственная характеристика Девы Марии, которая противоречит обыденным представлениям, во всем остальном ее образ сохраняет традиционные характеристики любой женщины. В условиях эксперимента, когда испытуемым для непосредственного и отсроченного запоминания предлагались образы и понятия, обладающие разными параметрами, оказалось, что всегда и везде лучше воспроизводились именно те, которые отвечали описанным выше условиям. Таким образом, согласно П. Буайе, распространенность и популярность определенных религиозных идей, образов и понятий определяются исключительно особенностями работы наших когнитивных механизмов: те образы и понятия, которые изначально отвечали отмеченным двум условиям, будут лучше запоминаться и передаваться из поколения в поколение, соответственно, именно этот набор религиозных представлений будет доминировать в культуре.

П. Буайе обращает внимание еще на одну интересную особенность, характерную для всех образов высших сил, существенно отличающую их от людей. Автор описывает ее следующим образом: для наиболее важной для человека деятельности — социального взаимодействия — большое значение имеет уровень доступа участников к стратегически важной для взаимодействия информации. Люди, как правило, исходят из ограниченности доступа к информации и пытаются просчитать степень осведомленности других. Взаимодействие с высшими силами строится на иных основаниях, поскольку люди априори полагают, что высшие силы осведомлены обо всем, имеют максимально полный доступ к информации. Именно это, а не степень могущества божества, определяет степень значимости любого образа высшей силы для человека.

Концепция высших сил, имеющих полный доступ к информации, согласно П. Буайе, не придумывалась человечеством, а являлась опять-таки результатом работы определенных когнитивных закономерностей, в данном случае — принципа релевантности: «...концепции сверхъестественных сущностей, имеющих полный доступ к стратегической информации, получают *при прочих равных* определенное преимущество, и оно вполне объясняет, почему они встречаются чаще других. Так в чем же это преимущество заключается? Во-первых, релевантность этих концепций в том, что они требуют — в свете того, как работают наши когнитивные механизмы, — меньших усилий для представления, чем возможные альтернативы. Во-вторых, концепция обладателей полного доступа к информации не просто требует меньших усилий, но и порождает более обильные умозаключения, чем другие сверхъестественные образы» [1, с. 27].

К пониманию религии как побочного продукта эволюции тяготеет и Р. Докинз. В своей книге «Бог как иллюзия» [2] он выдвигает гипотезу, согласно которой религиозные идеи представляют собой нечто типа «вирусов», сродни биологическим или компьютерным, которыми также можно «заразиться». Наиболее подвержены такому «заражению» дети. Логика автора здесь следующая: выживание любого вида зависит от накопленного предыдущими поколениями опыта и способности передать его последующим поколениям. Поэтому в процессе эволюции выработался полезный механизм — высокий уровень доверия детей к словам старших, что в целом являлось выигрышной стратегией. Однако обратной стороной такой некритичной легковерности, ее побочным продуктом является «уязвимость к заражению вирусами мышления». Поэтому дети легко воспринимают не только полезный для выживания опыт, но и религиозные представления, насаждаемые старшими, благодаря чему эти верования повсеместно распространяются и легко транслируются.

Религия как адаптация

Когнитивному подходу, воспринимающему религию как побочный продукт эволюции, противостоит другой подход, в рамках которого религия трактуется как изначально адаптивный феномен, помогающий человечеству выжить в ситуации естественного отбора. В качестве показательного примера можно привести очень популярную и широко обсуждаемую в современной зарубежной научной литературе гипотезу о происхождении религии Р. Дунбара [11]. Она базируется на попытке исследователя применить к рассмотрению этой проблемы Теорию социального

мозга. Согласно исследователю, религия возникла как адаптивный поведенческий механизм, призванный укрепить социальные связи в ситуации, когда в истории человечества наступил момент перехода от жизни в относительно небольших социальных группах к жизни в более крупных сообществах. При этом Р. Дунбар подчеркивает, что речь идет не столько об укреплении кооперации, т.е. производственной деятельности, сколько об укреплении социальной сплоченности, т.е. сугубо эмоциональных связей и отношений. Исследователь постоянно подчеркивает этот акцент на эмоциональной стороне религии и считает его незаслуженно отодвинутым в угоду изучения интеллектуальной стороны — верований, доктрин и т.п.

С точки зрения Р. Дунбара, жизнь в группе, а тем более — в большой социальной группе, это всегда огромный стресс для ее членов, поскольку кроме несомненных выгод, которые имеет для индивида коллективное существование, есть и огромные минусы. Для их нейтрализации у социальных животных, живущих относительно небольшими сообществами, в том числе у приматов, выработались определенные механизмы, в частности, формирование более тесных эмоциональных связей и забота о членах сообщества (в форме, например, груминга), которые запускают систему выработки эндорфинов, нейтрализующую стресс. Но поскольку реализация этих механизмов требует серьезных затрат времени, при увеличении размеров группы они перестают срабатывать, необходимы новые способы, выполняющие ту же функцию, но не в индивидуальной, а в коллективной форме. Поэтому формируются новые формы поведения, активирующие систему выработки эндорфинов, вначале более простые, а затем все более усложняющиеся — общий смех, бессловесное

пение, совместные танцы и трапезы, рассказывание историй и, наконец, религия.

Р. Дунбар выделяет в процессе исторического развития религии две стадии: более раннюю, которую он называет «религией погружения», и более позднюю — стадию «доктринальной религии». Религия погружения представляет собой невербальную форму, заключающуюся в коллективном исполнении танцев (в наиболее элементарной форме даже без применения музыкальных инструментов, исключительно под напеваемые мелодии и под аккомпанемент хлопанья в ладоши), которые в конечном итоге вызывают состояние транса, а значит, и переживание мистического опыта. Данная форма, в отличие от последующей, характеризуется отсутствием представлений о богах (представления о потустороннем мире ограничены духами предков, оборотнями и существами, чьи намерения часто недоброжелательны) и отсутствием религиозно подкрепленных моральных нормативов. Главный акцент делается на опыте трансценденции, генерируемом посредством транса, и вере в духов, населяющих природные объекты. Для этой формы характерно отсутствие официальных, опосредующих контакт с потусторонним миром религиозных деятелей и специально закрепленных мест для проведения религиозных ритуалов. Возникновение последующей формы — доктринальной религии — не вытесняет полностью предыдущий вариант, который подспудно присутствует в самых развитых формах. Именно мистическая составляющая способствует на протяжении истории возникновению разнообразных культов и сект, как отпочковывающихся от основных мировых религий, так и спорадически возникающих помимо основных религиозных течений.

В целом поддерживая теорию Р. Дунбара и одну из ее центральных идей — о

роли ритуала в процессе происхождения религии, Д. Джоунс обращает внимание на то, что роль ритуала в укреплении социальных связей посредством механизма активации эндорфин-продуцирующей системы неплохо изучена, в то время как роль ритуала в генерировании собственно религиозного опыта изучена гораздо хуже. Этой проблеме он и посвящает свои исследования [12], демонстрируя, как телесная активность — поза, жестикация, мимика, дыхание и т.п. — может влиять на психику. Д. Джоунс приходит к выводу о том, что сведение религии представителями когнитивного направления исключительно к набору когнитивных конструкций является неоправданным упрощением действительности. Согласно исследователю, участие в религиозных ритуалах и духовных практиках может существенно изменить восприятие себя и окружающего мира, изменить привычные способы обработки информации, более того — трансформировать убеждения и моральные нормы. По мнению Д. Джоунса, религиозное мировоззрение — это результат обучения и тренировки, а поэтому оно будет присуще только тем, кто вольно или невольно вовлекается в соответствующие религиозные ритуалы и продолжает практиковать их на постоянной основе.

Другой сторонник теории Р. Дунбара — Ф. Ваттс, развивая описанные Р. Дунбаром идеи, основное внимание уделяет вопросу о соотношении определенных фаз в развитии религии и этапов в развитии когнитивных структур [17]. В эволюции религии он выделяет две стадии: более раннюю, которую он называет стадией шаманства, и более позднюю — доктринальную. В развитии когнитивных структур также выделяются две фазы: филогенетически первичная — интуитивная, более поздняя — рационально-концепту-

альная. Ф. Ваттс пытается доказать, что между развитием когнитивных структур и эволюцией религии есть взаимосвязь, более того, эта связь причинно-следственная: переход от одной стадии религии к другой обусловлен изменениями в когнитивных структурах.

Взгляд на двухступенчатое развитие религии не является уникальным явлением в зарубежной психологии религии. Например, подобные идеи высказывал ранее Х. Вайтхаус [18], различая так называемую образную религию и доктринальную. Как и Ф. Ваттс, он пытался увязать эти две стадии с когнитивными особенностями наших предков, но, в отличие от других авторов, особое внимание уделял специфике памяти. Согласно Х. Вайтхаусу, на стадии образной религии преимущественно используется эпизодическая память с яркими автобиографическими воспоминаниями, в то время как для доктринального этапа характерно использование семантической памяти.

Идея влияния особенностей когнитивных структур на историю культуры в целом и на эволюцию религии в частности также имеет определенную историю. Так, еще в конце прошлого века С. Митен в своей «Предыстории разума» выдвигал идею о существовании трех специфических когнитивных модулей: естественно-исторического, социального и технического, границы между которыми, с точки зрения автора, в процессе эволюции рассосались, что привело к формированию более совершенной когнитивной структуры [14]. Это изменение, согласно С. Митену, спровоцировало «культурный взрыв» и привело к появлению похоронных обрядов, развитию пещерной живописи и прочим важнейшим культурным изменениям.

В то время как С. Митен рассматривал в качестве механизма возникновения более продвинутой когнитивной структу-

ры процесс объединения трех исходных модулей, его современные последователи, в частности П. Барнард, выдвигают предположение о противоположном механизме — разделении некогда единого целостного центрального процессора на подсистемы, что и сделало возможным возникновение специфически человеческого познания [8]. С этой точкой зрения согласен и Ф. Ваттс. Развивая тему особенностей когнитивных структур, характерных для каждой ступени в развитии религии, исследователь акцентирует внимание на более «участвующем», «причастном» способе мышления, функционирующем на стадии шаманства, понимая под этим вариант, когда слабо различаются субъект и объект познания, наблюдается диффузность и аморфность понятийного аппарата. Последующей ступени присуще разграничение себя как субъекта познания и объектов окружающей среды, а также дифференциация и концептуализация всех представлений.

Вступая в дискуссию с представителями когнитивных взглядов на религию, Ф. Ваттс отмечает, что утверждение последних о том, что наши предки изначально различали одушевленный и неодушевленный мир, а затем ошибочно начали накладывать свои представления об одушевленном мире на неодушевленный, не имеет достаточных оснований. Согласно Ф. Ваттсу, в этом случае они совершают распространенную ошибку, проецируя на представителей древних культур когнитивные особенности, характерные для современников. На самом деле подобное различие при тех когнитивных структурах, которые в те времена функционировали, абсолютно невозможно.

В целом позитивно оценивая идею Р. Дунбара о погружении в транс древних танцоров и обретении ими мистического опыта как первоначальной форме суще-

ствования религии, Ф. Ваттс, тем не менее, задается вопросом об особенностях их мышления в этот период. Он выдвигает предположение о том, что духовный мир древних танцоров состоял не столько из «объектов», которые они могли отстраненно и бесстрастно описывать, сколько из непосредственного их включения в этот мир без ощущения дистанции и четких различий между собой, окружающей реальностью и своими переживаниями.

Еще одной ошибочной проекцией, которой страдают многие современные исследователи проблемы происхождения религии и, прежде всего, сторонники когнитивного направления, Ф. Ваттс называет индивидуалистическое мировоззрение — приписывание первоначальным формам религии тех индивидуальных форм, которые преобладают во многих современных культурах. В этом плане позиция, которую отстаивает исследователь, заключается в том, что наиболее ранние формы религиозной жизни были максимально коллективными, а индивидуалистическая позиция начала возникать, а позже и доминировать, лишь в ходе исторического развития. Ф. Ваттс проводит определенную параллель между тем, насколько слабо наши предки дистанцировали себя от духовного мира, с одной стороны, и тем, насколько слабо они дистанцировали себя от той социальной группы, членами которой они были, — с другой. Согласно исследователю, те когнитивные структуры, которые на тот момент существовали, не позволяли проводить необходимую дифференциацию ни в том, ни в другом случае.

Рассмотренные выше теории происхождения религии как адаптивного феномена относились к блоку, выстроенному на гипотезе о полезной роли религии как механизма укрепления эмоциональных социальных связей, кооперации, просоци-

ального поведения и тому подобных форм социального взаимодействия. Однако адаптивная роль религии может усматриваться и совершенно в другом ключе. Так, Д. Ван Слайк на протяжении последних лет развивает с коллегами гипотезу о важной адаптивной роли религии в контексте полового отбора [16]. Исследователи обращают внимание на сигнальную роль религии при выборе пары. Принадлежность верующих к определенной конфессии является определенным сигналом для их потенциальных партнеров при выборе их для сексуальных или брачных отношений. Например, было эмпирически показано, что информация о том, что данный человек является верующим, ассоциируется у многих с представлением о верующих как людях, более склонных придерживаться установок на супружескую верность, на рождение детей и т.п. Последнее означает, что при прочих равных условиях они будут рассматриваться как более желанные партнеры для брачных отношений.

Также авторы рассматривают роль религии в поддержании долгосрочных сексуальных отношений. Речь идет, например, о том, что большинство религий отрицательно относятся к разводам, что способствует более длительным брачным отношениям, не только формирующим более высокий уровень индивидуального ощущения психологического благополучия, но и повышающим шансы на выживание группы в целом.

Поиски компромисса между сторонниками когнитивного подхода и приверженцами эволюционной психологии религии

Многие исследователи последних лет пытаются смягчить противостояние представителей когнитивного под-

хода с их пониманием религии как побочного продукта эволюции и их оппонентов, выдвигающих идею об изначальной адаптивности религии. Одним из ярких примеров в этом плане может служить исследование Э. Ньюберга с коллегами [5], в котором религия, возникшая изначально как побочный продукт, в дальнейшем обретает выраженные адаптивные характеристики. Так, изучая литературу о мистиках, а также проводя эмпирические исследования современных верующих, занимающихся медитацией и достигающих состояний глубокого религиозного погружения, авторы пришли к выводу, что глубинной основой и первоначальным моментом в возникновении любой религии есть переживание особого мистического опыта, которое понимается ими как ощущение присутствия высших сил, как чувство единения с ними. Э. Ньюберг уделяет особое внимание поиску мозговых механизмов возникновения религии и в русле указанного понимания ее истоков выдвигает гипотезу, согласно которой существует нейробиологический механизм, позволяющий стереть границы между субъективным ощущением своего Я и осознанием внешнего мира. Согласно исследователям, «...нейробиологические механизмы трансцендентности возникли из нейронной сети, которая развивалась ради более успешного поиска пары и в контексте сексуального опыта» [5, с. 41]. Кроме эмпирических доказательств данной гипотезы авторы обращают внимание также на тот факт, что мистики для описания своего опыта пользовались теми же выражениями, которые используются и для описания сексуального удовлетворения (блаженство, восторг, экстаз и т.п.). Авторы приходят к выводу о том, что «для переживания мистического союза и сексуального блаженства

мозг использует одни и те же нейронные пути», и, соответственно, о том, что «в каком-то смысле мистический опыт представляет собой случайный побочный продукт...» [5, с. 41].

Религиозные верования и воззрения, начавшие развиваться на основе мистического опыта единения с миром, в результате естественного отбора закрепились. Они оказались полезными с эволюционной точки зрения, поскольку «вера и религиозные практики несли... важное и вполне прагматичное благо» — улучшение физического и психического здоровья, социальную поддержку, умиротворение, ощущение контроля и т.п. Описанная причинно-следственная связь возникновения религии, противопоставляющая точку зрения Э. Ньюберга с коллегами многим другим теориям, для авторов является принципиальной, они неоднократно делают на ней акцент: «...нельзя сказать, что человек сначала на когнитивном уровне изобрел могущественного Бога, а потом это изобретение стало давать ему чувство контроля; более правильно думать, что Бога... познают на опыте в духовности мистиков. Этот интимный опыт единства, опыт Божьего присутствия дает возможность появиться такому чувству контроля» [5, с. 43].

Важной для понимания является и трактовка авторами понятия «Бог». В отличие от З. Фрейда, для которого Бог — это идеализированный образ Отца или своих вытесненных влечений, или Э. Дюркгейма, для которого Бог — это символ общества, Э. Ньюберг с коллегами трактуют его как «само бытие, абсолютное недифференцированное единство, которое лежит в основе всего существования... Если мы не понимаем этого и цепляемся за утешительные образы познаваемого Бога, наделенного свойствами личности, ... мы сводим его

божественность к статуе маленького “глухого идола”...» [5, с. 51].

Другим примером попытки примирения позиций культурных эволюционистов и представителей когнитивного направления может служить работа Р. Сосиса [15], в которой он развивает системный подход к религии. Основной посыл автора заключается в том, что большинство исследователей религии акцентируют свое внимание на какой-то одной ее составляющей, в то время как нужно рассматривать религию как целостный адаптивный комплекс, не сводимый к отдельным ее элементам. Этот комплекс сформировался на базе до-человеческих систем ритуалов в результате естественного отбора, поскольку способствовал лучшей адаптации к любым экологическим вызовам, с одной стороны, и укреплению социальной жизни — с другой. Системообразующим элементом в данном комплексе является ритуал, но кроме него в систему входят также 7 других компонентов: представления о сверхъестественных существах, мифы, табу, верования, отношения власти, моральные обязательства и сакральные объекты, которые в разных религиях в разной степени представлены и по-разному взаимосвязаны. Все элементы могут взаимодействовать друг с другом непосредственно, а могут и опосредованно — через ритуал, который именно поэтому и является центральным элементом системы.

Р. Сосис на нескольких примерах демонстрирует, как системный подход может помочь найти компромисс между взглядами когнитивистов и культурных эволюционистов. В контексте данной статьи наиболее показательным является его подход к вопросу о возникновении религии. Так, известно, что представители когнитивного течения поддерживают тезис о «естественности религии», согласно

которому, поскольку религия является частью филогенетической и онтогенетической истории, религиозные верования и практики неизбежно возникают во всех людских популяциях и у большинства их членов [9]. При этом различают 2 типа «естественности»: в форме созревания и в форме обучения. Когнитивисты тяготеют к первому варианту, полагая, что как ребенок в определенное время начинает ходить, точно так же в определенное время он созревает для участия в религиозных ритуалах и принятия каких-либо религиозных верований. Его религиозность, в их понимании, это результат нормального когнитивного развития.

Культурные эволюционисты, в свою очередь, в этом вопросе тяготеют к другому полюсу, считая, что возникновение религиозных взглядов — это результат социального научения. Р. Сосис согласен с последними, но с определенными поправками: в рамках предлагаемого им подхода он подчеркивает, что когнитивные предпосылки, о которых говорят когнитивисты, являются необходимыми, но не достаточными условиями для возникновения религии. Для возникновения религиозного мировоззрения необходимо и культурное влияние, которое определит, будет ли человек верить в Христа, Вишну, Аллаха или кого-либо еще. Но в отличие от культурных эволюционистов, Р. Сосис подчеркивает, что культурное научение — это тоже не автоматический процесс, оно тоже не приводит фатально к возникновению религиозности. Только непосредственная включенность в целостную систему религиозных компонентов и, прежде всего, в ритуальную практику может сформировать религиозное мировоззрение у неофитов.

Аналогично Р. Сосис сравнивает взгляды на проблему трансляции религиозных идей. Представители когнитивного на-

правления, как уже отмечалось, считают, что когнитивная структура самих идей определяет степень их привлекательности, а значит, лучшее их запоминание, сохранение и воспроизведение для передачи последующим поколениям. Культурные эволюционисты настаивают на роли культуры в этом процессе. Однако для Р. Сосиса главным в процессе сохранения и последующей трансляции выступает момент соответствия данного компонента характеристикам всех других элементов целостной системы, а также степень его связей с другими элементами. Чем с большим количеством компонентов будет связан данный элемент и чем глубже будут эти взаимосвязи, тем вероятнее, что он будет сохранен и транслирован. Согласно Р. Сосису, когнитивный подход, делающий акцент на содержании, и культурный эволюционизм, подчеркивающий необходимость учета контекста, вносят ценный вклад в понимание процесса трансляции религиозных идей, но только системный подход предлагает объединяющую платформу, в рамках которой не только интегрированы взгляды обоих течений, но и предложено более продвинутое его понимание.

Заключение

В статье представлены классические взгляды на проблему происхождения религии первой половины XX века, различия между которыми во многом обусловлены дисциплинарной принадлежностью их авторов — клинико-психологической (З. Фрейд), социально-психологической (Э. Дюркгейм) либо этнопсихологической (Б. Малиновский). Рассмотрены также современные гипотезы о происхождении религии, представленные преимущественно сторонниками когнитивного направления, культурными эволюциони-

стами и исследователями, пытающимися найти компромисс между этими двумя во многом полярными парадигмами.

Автор отдает себе отчет в том, что объем статьи не позволяет более полно и глубоко рассмотреть все особенности зарубежных взглядов на проблему проис-

хождения религии. Однако знакомство с описанными подходами является полезным, поскольку дает возможность лучше представить состояние данной проблемы и выработать собственную позицию на основе разрабатываемых в отечественной психологии направлений.

Литература

1. *Буаие П.* Объясняя религию: природа религиозного мышления. М.: Альпина nonfikshn, 2016. 496 с.
2. *Докинз Р.* Бог как иллюзия. М.: КоЛибри, 2012. 560 с.
3. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.
4. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
5. *Ньюберг Э., Д'Аквали Ю., Рауз В.* Тайна бога и наука о мозге. Нейробиология веры и религиозного опыта. М.: Эксмо, 2013. 320 с.
6. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. Лениздат — классика, 2013. 224 с.
7. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии. К.: Фолио, 2013. 157 с.
8. *Barnard P.J.* Sticks, stones, and the origins of sapience // Squeezing minds from stones: Cognitive archaeology and the evolution of the human mind / Overmann K.A., Coolidge F.L. (Eds.). Oxford University Press, 2019. P. 102–127.
9. *Barrett J.L.* On the naturalness of religion and religious freedom // Homo religiosus? Exploring the roots of religion and religious freedom in human experience / Shah T.S., Friedman J. (Eds.). Cambridge University Press, 2018. P. 67–88.
10. *Clark K.J.* God and the brain: the rationality of belief. Grand Rapids, Michigan, 2019. P. 431.
11. *Dunbar R.I.M.* Religion, the social brain and the mystical stance // Archive for the Psychology of Religion. 2020. Vol. 42(1). P. 46–62. DOI:10.1177/0084672419900547
12. *Jones J.W.* How ritual might create religion: A neuropsychological exploration // Archive for the Psychology of Religion. 2020. Vol. 42(1). P. 29–45. DOI:10.1177/0084672420903112
13. *Lawson E.T., McCauley R.N.* Rethinking religion: Connecting cognition and culture. Cambridge University Press, 1990. P. 385.
14. *Mithen S.J.* The prehistory of the mind. Thames & Hudson, 1996. P. 412.
15. *Sosis R.* Four advantages of a systemic approach to the study of religion // Archive for the Psychology of Religion. 2020. Vol. 42(1). P. 142–157. DOI:10.1177/0084672420905019
16. *Van Slyke J.A., Szocik K.* Sexual selection and religion: Can the evolution of religion be explained in terms of mating strategies? // Archive for the Psychology of Religion. 2020. Vol. 42(1). P. 123–141. DOI:10.1177/0084672420909460
17. *Watts F.* The evolution of religious cognition // Archive for the Psychology of Religion. 2020. Vol. 42(1). P. 89–100. DOI:10.1177/0084672420909479
18. *Whitehouse H.* Modes of religiosity: A cognitive theory of religious transmission. AltaMira Press, 2004. P. 388.

References

1. Buaiе P. Ob'yasnyaya religiyu: priroda religioznogo myshleniya [Explaining Religion: The Nature of Religious Thinking]. Moscow: Al'pina nonfikshn, 2016. 496 p. (In Russ.).
2. Dokinz R. Bog kak illyuziya [God as an illusion]. Moscow: KoLibri, 2012. 560 p. (In Russ.).

3. Dyurkgeim E. Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii [Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia]. Moscow: Elementarnye formy, 2018. 808 p. (In Russ.).
4. Malinovskii B. Magiya, nauka i religiya [Magic, science and religion]. Moscow: Refl-buk, 1998. 288 p. (In Russ.).
5. N'yuberg E., D'Akvili E., Rauz V. Taina boga i nauka o mozge. Neurobiologiya very i religioznogo opyta [The Secret of God and the Science of the Brain. The neurobiology of faith and religious experience]. Moscow: Eksmo, 2013. 320 p. (In Russ.).
6. Freid Z. Totem i tabu. Psikhologiya pervobytnoi kul'tury i religii [Totem and taboo. Psychology of primitive culture and religion]. Lenizdat – klassika, 2013. 224 p. (In Russ.).
7. Freid Z. Budushchee odnoi illyuzii [The future of one illusion]. Kyiv: Folio, 2013. 157 p. (In Russ.).
8. Barnard P.J. Sticks, stones, and the origins of sapience. In Overmann K.A., Coolidge F.L. (eds.). *Squeezing minds from stones: Cognitive archaeology and the evolution of the human mind*. Oxford University Press, 2019, pp. 102–127.
9. Barrett J.L. On the naturalness of religion and religious freedom. In Shah T.S., Friedman J. (eds.). *Homo religiosus? Exploring the roots of religion and religious freedom in human experience*. Cambridge University Press, 2018, pp. 67–88.
10. Clark K.J. God and the brain: the rationality of belief. Grand Rapids, Michigan, 2019. 431 p.
11. Dunbar R.I.M. Religion, the social brain and the mystical stance. *Archive for the Psychology of Religion*, 2020. Vol. 42(1), pp. 46–62. DOI:10.1177/0084672419900547
12. Jones J.W. How ritual might create religion: A neuropsychological exploration. *Archive for the Psychology of Religion*, 2020. Vol. 42(1), pp. 29–45. DOI:10.1177/0084672420903112
13. Lawson E.T., McCauley R.N. Rethinking religion: Connecting cognition and culture. Cambridge University Press, 1990. 385 p.
14. Mithen S.J. The prehistory of the mind. Thames & Hudson, 1996. 412 p.
15. Sosis R. Four advantages of a systemic approach to the study of religion. *Archive for the Psychology of Religion*, 2020. Vol. 42(1), pp. 142–157. DOI:10.1177/0084672420905019
16. Van Slyke J.A., Szocik K. Sexual selection and religion: Can the evolution of religion be explained in terms of mating strategies? *Archive for the Psychology of Religion*, 2020. Vol. 42(1), pp. 123–141. DOI:10.1177/0084672420909460
17. Watts F. The evolution of religious cognition. *Archive for the Psychology of Religion*, 2020. Vol. 42(1), pp. 89–100. DOI:10.1177/0084672420909479
18. Whitehouse H. Modes of religiosity: A cognitive theory of religious transmission. AltaMira Press, 2004. 388 p.

Информация об авторах

Павленко Валентина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (ХНУ имени В.Н. Каразина), г. Харьков, Украина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4947-3995>, e-mail: vnp49@ukr.net

Information about the authors

Valentyna Pavlenko, PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Applied Psychology, Kharkiv National University named by V.N. Karazin, Kharkiv, Ukraine, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4947-3995>, e-mail: vnp49@ukr.net

Получена 03.09.2020

Принята в печать 15.04.2022

Received 03.09.2020

Accepted 15.04.2022

Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения: модели, методики, ключевые исследования и вызовы

Лепиокова З.Х.

**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru**

Цель. Интегративный обзор современных моделей аккультурации. В фокусе внимания два типа моделей: (1) учитывающие проблему реципрокности (взаимности) аккультурационных ориентаций мигрантов и принимающего населения, (2) учитывающие antecedentes и психологические последствия аккультурации мигрантов.

Контекст и актуальность. За последние сто лет было опубликовано более 13000 научных статей по теме, связанной с аккультурацией, благодаря которым мы многое знаем о том, как мигранты и принимающее население, этнические меньшинства и этническое большинство приспособляются друг к другу. Сегодня большая часть этих знаний систематизирована с помощью моделей (таксономий) взаимной аккультурации данных групп, в результате чего назрела необходимость провести интегративный обзор основных и самых влиятельных моделей взаимной аккультурации мигрантов и принимающего населения, методик, созданных на их основе, результатов ключевых исследований и критики, сопровождающей основы данных моделей. Анализ позволяет увидеть развитие теории аккультурации за последние полвека с учетом основных проблем и вызовов, стоящих перед будущими поколениями исследователей аккультурации.

Используемая методология. Системный подход, метод сравнительного и критического анализа.

Основные выводы. Обозначены перспективные исследования в области аккультурации, а также выявлены основы для создания современных системных моделей взаимной аккультурации этнокультурных групп, в основе которых аккультурация могла бы рассматриваться не только через призму взаимности, но и как процесс развития, длящийся всю жизнь в изменяющихся экологических контекстах разного уровня, с учетом последствий пандемии, роста влияния цифровизации и культурной глобализации.

Ключевые слова: аккультурация, модель взаимной аккультурации, интерактивная модель аккультурации, модель аккультурационного соответствия, расширенная модель относительной аккультурации, мигранты, принимающее население, экологический контекст, цифровизация, культурная глобализация, пандемия.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-113-50335.

Для цитаты: Лепиокова З.Х. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения: модели, методики, ключевые исследования и вызовы // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 55–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130205>

Mutual Acculturation of Migrants and the Host Population: Models, Measures, Key Studies and Challenges

Zarina K. Lepshokova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Objective. *An integrative review of modern models of acculturation, taking into account the problem of reciprocity of acculturation orientations of migrants and the host population, as well as antecedents and psychological consequences of migrants acculturation.*

Background. *Over the past 100 years, more than 13000 scientific articles have been published on the topic of acculturation. Thanks to them we know a lot about how migrants and host population, ethnic minorities and ethnic majority adapt to each other. Today, most of this knowledge is systematized using models (taxonomies) of mutual acculturation of these groups. As a result, there is a great need for conducting a qualitative integrative review of the main and most influential models of mutual acculturation of migrants and the host population, the methods created on their basis, the results of key studies and criticism of these models. The analysis allows us to see the development of the theory of acculturation over the past half century, taking into account the main problems and challenges, that future generations of researchers of acculturation will face.*

Methodology. *Systematic approach, method of comparative and critical analysis.*

Conclusions. *The challenges that acculturation researchers meet open up new perspectives for creating modern systematic models of mutual acculturation of ethnocultural groups. Basically, acculturation should be considered as a life-long development process in changing ecological contexts of different levels, taking into account the consequences of the pandemic, the growing impact of digitalization and cultural globalization.*

Keywords: *acculturation, Model of Mutual Acculturation, Interactive Acculturation Model, Concordance Model of Acculturation, Relative Acculturation Extended Model, migrants, host population, ecological context, digitalization, cultural globalization, pandemic.*

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 20-113-50335.

For citation: Lepshokova Z.Kh. Mutual Acculturation of Migrants and the Host Population: Models, Measures, Key Studies and Challenges. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 55–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130205> (In Russ.).

Введение

Беспрецедентный рост интереса ученых к последствиям глобализации и этнических миграций ярко демонстрируют многочисленные исследования аккультурации [42]. За последние сто лет было опубликовано более 13000 научных статей по теме, связанной с аккультурацией [77], благодаря которым мы многое знаем о том, как мигранты и принимающее население, этнические меньшинства и

этническое большинство, недоминирующие культурные группы и доминирующие культурные группы приспособляются друг к другу. В настоящее время многие из этих знаний систематизированы с помощью современных моделей взаимной аккультурации мигрантов и принимающего населения. В основном это зарубежные модели, поскольку их истоки лежат в североамериканской и европейской этнографии, антропологии и кросс-культурной психологии. Цель

настоящей работы — представить интегративный обзор моделей аккультурации, который познакомит русскоязычного читателя с ключевыми аспектами данных моделей, созданными на их основе методиками, результатами ключевых исследований и вызовами, которые стоят перед следующими поколениями исследователей в области аккультурации.

Начнем настоящий интегративный обзор с одного из самых ранних определений аккультурации как процесса, сформулированного американскими социальными антропологами Р. Рэдфилдом, Р. Линтоном и М. Херсковицем: «Под аккультурацией понимается феномен, появляющийся тогда, когда группы людей из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, следствиями которого являются изменения элементов исходной культуры одной или обеих групп» [56, с. 149]. Данное определение было закреплено в словаре ЮНЕСКО в качестве официального определения аккультурации. Но по-настоящему популярным и востребованным данный термин стал в середине 1970-х годов во многом благодаря исследованиям канадского кросс-культурного психолога Д. Берри и его коллег [17; 18]. После многочисленных исследований, основанных на разработанном им Экокультурном подходе [1; 16], Д. Берри сформулировал Модель аккультурации [15; 19], основными элементами которой выступили: (1) аккультурационные установки, (2) изменения в поведении или образе жизни в новом обществе и (3) аккультурационный стресс.

Аккультурационные установки занимают центральное место в Модели Д. Берри и имеют универсальный характер, а также крайне важное прикладное значение для описания и моделирования поведения мигрантов и представителей

принимающего общества, в результате чего активно изучаются в области межкультурных отношений во всех частях света [10; 21]. Модели аккультурации, о которых пойдет речь в настоящем обзоре, во многом опираются на Модель Д. Берри, в частности на концепцию аккультурационных установок, дополняя и усовершенствуя ее, поэтому в некотором смысле ее можно назвать классической и отправной как для развития психологии аккультурации, так и для настоящего обзора.

Модель аккультурации Д. Берри: аккультурационные установки. Д. Берри предложил два независимых измерения для выявления индивидуальных аккультурационных предпочтений мигрантов и представителей принимающего населения. Первое измерение помогает понять, в какой степени мигрант предпочитает сохранять свою родную культуру и культурную идентичность. Второе измерение позволяет понять, насколько мигрант желает контактировать и взаимодействовать с принимающим обществом. При пересечении этих двух измерений образуются четыре аккультурационные стратегии: интеграция, сепарация, ассимиляция и маргинализация [17]. Предложенные аккультурационные стратегии некоторое время позволяли смотреть на процесс аккультурации с точки зрения лишь недоминирующих этнических групп. Однако позже Д. Берри дополняет концепцию аккультурационных стратегий блоком аккультурационных ожиданий представителей доминирующего общества в отношении того, как должны себя вести члены недоминирующих групп, которые так же как и аккультурационные стратегии базируются на тех же измерениях. Таким образом, стратегия интеграции с точки зрения представителей доминирующего обще-

ства становится аккультурационным ожиданием — мультикультурализм, сегрегация — сегрегацией, ассимиляция — плавильным котлом, маргинализация — исключением [11].

Помимо теоретической основы аккультурационных стратегий и ожиданий, Д. Берри разработал и методический инструментарий [19]. Последняя версия данного инструментария сегодня широко используется во многих исследованиях, посвященных межкультурным отношениям [10; 21]. В России данный инструментарий был адаптирован на русский язык Н. Лебедевой и А. Татарко [2], модификация и адаптация шкал аккультурационных ожиданий принимающего общества проведена З. Лепшковой и А. Татарко [3]. Оригинальные версии шкал включают в себя утверждения, касающиеся определенных сфер жизни мигранта: культурные традиции, социальная активность, язык и друзья. В утверждения заложена степень выраженности двух измерений аккультурации. Например, стратегия интеграции мигрантов в сфере культурных традиций измеряется следующим образом: «Я считаю, что [название недоминирующей группы] должны поддерживать как свои собственные культурные традиции, так и усваивать культурные традиции [название доминирующей группы]». Ответы даются по шкале Ликерта от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен. Как мы видим, пункты шкал сформулированы из *double-barrelled* (двуствольных) утверждений, в которых одна часть утверждения посвящена одному измерению, а другая — второму [43].

В литературе, посвященной измерениям в области аккультурации и не только, «двуствольные» утверждения активно критикуются [6; 43; 60]. Так, например, Ф. Рудмин [59], много лет участвующий

в критической оценке Модели аккультурации Д. Берри, отмечает, что одним из последствий использования «двуствольных» утверждений является то, что респонденты могут сосредоточиться лишь на одной части утверждения, в итоге это может приводить к чрезмерному согласию и внутреннему противоречию. Однако Д. Берри и Д. Сэм [20] утверждают, что только благодаря «двуствольным» утверждениям можно «уловить» два измерения аккультурации. Более того, ведущие специалисты в области методологии кросс-культурной психологии и бывшие редакторы ведущих в данной сфере журналов *Journal of Cross-Cultural Psychology* и *Applied Psychology*, обращая внимание на определенные ограничения и предлагая другие способы измерения, тем не менее одобрили использование «двуствольных» вопросов. По их мнению, они позволяют «эффективно отличать наиболее адаптивную стратегию интеграции от других, обычно менее адаптивных стратегий» [73, с. 220].

Предпочтительность стратегии интеграции и ее высокий потенциал в сфере психологической адаптации подтвердили три метааналитических исследования [21; 50; 69]. Однако ранее Ф. Рудмин приводит доказательство того, что стратегия интеграции с точки зрения адаптации психологически самая затратная [60]. Более того, крайний метаанализ лонгитюдных исследований показал, что значимая положительная связь между интеграцией и адаптацией не воспроизводится, тем самым поставив под угрозу существования один из самых важных постулатов теории аккультурации [22; 42]. Кроме того, авторы метаанализа пришли к выводу, что в сфере аккультурационных исследований наступил «кризис причинно-следственной связи». Д. Берри в свою очередь, предвосхищая подобные заключения, утверждает,

что интеграция может быть достигнута только в мультикультурных обществах, характеризующихся взаимным согласием, позитивным восприятием разнообразия и принятием политики, поддерживающей сохранение культуры и равноправное участие всех этнокультурных групп в жизни общества [12]. Данный аргумент Д. Берри отчасти снимает критику в адрес тотальной предпочтительности и психологической адаптивности стратегии интеграции во всех контекстах. Д. Берри с коллегами отмечают, что поддержка гипотез межкультурных отношений, в частности гипотезы о связи интеграции с адаптацией, так называемая «гипотеза интеграции», может зависеть от контекстов, в которых она исследуется. Контексты национальных государств, поселенческих стран, стран-конгломератов, новых независимых государств или постколониальных государств могут сильно отличаться и вносить свой значительный вклад в связь интеграции и адаптации [21].

Ключевым исследованием в рамках Модели аккультурации выступило масштабное исследование Д. Берри с коллегами [13] на молодых иммигрантах и представителях принимающего общества в 13 странах. Кластерный анализ позволил выделить четыре аккультурационных профиля: интеграционный, этнический, национальный и диффузный. С помощью факторного анализа удалось выявить две формы адаптации: психологическую и социокультурную. И самое главное, удалось выяснить, что у людей с интеграционным профилем самые высокие показатели психологической и социокультурной адаптации, тогда как у людей с диффузным профилем показатели адаптации самые худшие [13].

Несмотря на обилие исследований, проведенных в рамках Модели аккультурации Д. Берри, существует мнение, что

данная модель не учитывает контекст межкультурного взаимодействия. Данная проблема отчасти решается в Модели интерактивной аккультурации [26].

Модель интерактивной аккультурации (ИАМ) позволяет интегрировать в одну теоретическую рамку (1) аккультурационные ориентации мигрантов, (2) аккультурационные ориентации принимающего общества и (3) межличностные и межгрупповые отношения, которые являются результатом сочетания аккультурационных ориентаций мигрантов и принимающего общества. Интерактивность модели заключается в том, что она позволяет увидеть динамику отношений между аккультурационными ориентациями мигрантов и принимающего общества.

Согласно данной Модели, мигранты могут принять одну из пяти аккультурационных ориентаций в зависимости от их желания сохранить свое культурное наследие или же перенять обычаи и культуру принимающей стороны. Обращает на себя внимание то, что второе измерение в Модели интерактивной аккультурации раскрывается не через желание контактировать, как в Модели Д. Берри, а через принятие культуры принимающего общества. Таким образом, Р. Борхис с коллегами [26] изменили природу второго измерения аккультурации, сделав его культурным, а не социальным. Такие аккультурационные ориентации, как интеграция, ассимиляция, сепарация и аномия, в определенной степени совпадают с аккультурационными стратегиями Д. Берри, не совпадает лишь аккультурационная ориентация индивидуализма. Данная ориентация связана со стремлением человека рассматривать людей и себя не с точки зрения их групповой принадлежности, а с точки зрения отдельной личности с ее индивидуальными ценностями и целями.

В случае с аккультурационными ориентациями представителей принимающего населения здесь также используется два измерения: Считаете ли вы допустимым, что иммигранты могут сохранять свое культурное наследие? Допускаете ли вы, что иммигранты примут культуру и обычаи вашего общества? Наилучшим вариантом для обеих сторон является принятие интеграционной ориентации принимающим обществом. Эта ориентация предполагает, что представители принимающего общества ценят бiculturalизм среди иммигрантов. Ассимиляция полностью соответствует традиционному представлению о поглощении. Предпочитающие сегрегацию дистанцируются от групп иммигрантов, не желая, чтобы они принимали культуру принимающей страны, но в то же время признают, что иммигранты имеют право сохранять свою культуру. Ориентация на исключение подразумевает то, что представители принимающего общества отказывают иммигрантам в их праве сохранять свое культурное наследие, а также быть включенными в принимающее общество социально и культурно. Ориентация на индивидуализм подразумевает, что представители принимающего общества определяют себя и других как отдельных личностей, без апелляции к культурной принадлежности. Еще одним важным аспектом данной модели являются так называемые кластеры государственных идеологий, которые могут оказать влияние на политику интеграции иммигрантов. Данные идеологии могут обуславливать межгрупповые отношения, которые могут варьировать от консенсуальных до конфликтных с проблемными посередине.

В рамках Модели интерактивной аккультурации созданы шкалы для измерения аккультурационных ориентаций

принимающего общества, охватывающие такие сферы жизни иммигрантов, как работа, аренда жилья, культура и брак [24; 25; 45; 46]. Для измерения аккультурационных ориентаций иммигрантов используется шкала, охватывающая такие сферы жизни иммигрантов, как занятость, жизнь внутри сообщества иммигрантов, культура и брак [19; 45]. Например, аккультурационная ориентация на интеграционизм в культурной сфере измеряется с помощью следующего утверждения: «Жить в [название места пребывания в принимающей стране] означает, что мы должны работать над сохранением своего культурного наследия, одновременно принимая [название основной культуры места пребывания] культуру». Ответы даются по шкале Ликерта от 1 — абсолютно не согласен до 7 — абсолютно согласен.

В рамках Модели интерактивной аккультурации одним из ключевых исследований является исследование А. Монтрей и Р. Борхис [46], в котором изучались аккультурационные ориентации франкофонов Квебека по отношению к «ценным» и «обесцененным» иммигрантам. В результате исследования обнаружилось, что интеграционизм и индивидуализм были наиболее предпочитаемыми ориентациями по сравнению с ассимиляционизмом, сегрегационизмом и исключением. Однако ориентации на интеграционизм и индивидуализм больше проявлялись в отношении «ценных» иммигрантов, тогда как ориентации на ассимиляционизм, сегрегационизм и исключение больше проявлялись в отношении «обесцененных» иммигрантов [46].

Модель аккультурационного соответствия (СМА). Немецкие ученые во главе с У. Пионтковски в 2000-х годах [52; 53] создали Модель на базе четырех аккультурационных стратегий Д. Берри, инкор-

порировав в нее идею Р. Борхиса о том, что недоминирующие и доминирующие группы влияют друг на друга. Модель аккультурационного соответствия предполагает, что доминирующая и недоминирующая группы различаются по степени, в которой они могут контролировать процесс аккультурации, причем первая группа имеет больше полномочий по навязыванию второй группе своих ожиданий относительно правильной стратегии аккультурации [53]. У. Пионтковски и ее коллеги [53] утверждают, что лучшим предиктором результата межгрупповых отношений будет соответствие между желанием одной группы и ее восприятием того, чего хочет другая группа. Кроме этого, в Модель вводится такой индикатор исхода проблемных и конфликтных отношений, как воспринимаемая угроза.

Аккультурационные установки в Модели аккультурационного соответствия измеряются поэтапно. Первыми оцениваются собственные аккультурационные установки: «На мой взгляд, мы должны позволить им жить в нашей стране, как они привыкли» (сохранение культуры); «На мой взгляд, мы должны позволить им полностью участвовать в нашей жизни» (контакт). Вторыми оцениваются аккультурационные установки, приписываемые внешней группе: «Я думаю, что [название недоминирующей группы] хотят полностью участвовать в жизни [название страны]»; «Я думаю, что, когда дело доходит до культурных ценностей и обычаев, [название недоминирующей группы] хотят жить в [название страны] так, как они привыкли». Далее оценивается степень, в которой принимаются аккультурационные установки, приписываемые недоминирующим членам группы: «Я согласен с отношением [название недоминирующей группы] к своей жизни в [название страны]». И в

последнюю очередь оценивается воспринимаемая угроза в отношении внешней группы: «Я чувствовал бы угрозу, если бы [название недоминирующей группы] был членом моей семьи».

Ключевым исследованием в рамках Модели аккультурационного соответствия является сравнительное исследование аккультурационных установок немцев по отношению к польским и итальянским иммигрантам в Германии. Результаты показали, чем больше соответствие между установками аккультурации доминирующей группы и установками, приписываемыми иммигрантам, тем меньше воспринимаемая угроза [53; 57; 58]. Кроме того, У. Пионтковски с коллегами отмечают, что стратегия интеграции является предпочтительной для всех групп, выбор же остальных стратегий зависит от отношения доминирующей группы к недоминирующей группе. Например, немцы видят принципиальное различие между турками и югославами, и они более склонны к интеграции второй группы, чем первой. Точно так же югославы предпочитают стратегию интеграции в большей степени, чем турки, которые выступают за стратегию сепарации [52]. Таким образом, становится ясно, что анализ различных культурных групп в разных странах и регионах делает более полными и точными психологические теории об аккультурации.

Расширенная модель относительной аккультурации (RAEM). Авторы Расширенной модели относительной аккультурации считают, что широкий спектр переменных, влияющих на процесс аккультурации, не был принят во внимание ни в одной из освещенных выше моделей [49]. Суть предложенной ими Модели можно свести к пяти пунктам, три из которых совпадают с тем, что лежит в основе Модели аккультурации Д. Берри и

Модели интерактивной аккультурации Р. Борхиса, два последних можно причислить к инновациям в области теории аккультурации. Первый пункт модели сосредоточен на соотношении аккультурационных стратегий иммигрантов и представителей принимающего общества в соответствии с Моделью интерактивной аккультурации. Данное соотношение стратегий может быть индикатором консенсуальных, проблематичных или конфликтных межгрупповых отношений [26]. Второй пункт сосредоточен на дифференциации различных групп иммигрантов по этнокультурному происхождению. Третий пункт модели сосредоточен на учете психологических и социальных переменных, влияющих на межгрупповые отношения иммигрантов и представителей принимающего общества. Четвертый пункт Модели базируется на различии между идеальным и реальным положением дел в процессе аккультурации. Это связано с тем, что люди могут предпочитать различные аккультурационные установки, но на уровне поведения могут воспроизводить совсем иные. В пятом пункте принимается во внимание то, что процесс адаптации относителен, так как порой не одни и те же стратегии используются в различных областях жизни (например, на работе и в семье) во время взаимодействия с представителями других культур. В RAEM социокультурное пространство разделено на разные домены аккультурации, в которых могут быть выбраны различные стратегии и подходы к аккультурации. Эта идея находится в центре модели и является ключевым элементом для понимания того, как иммигранты адаптируются к новой среде и как это воспринимают представители принимающего общества. Столкновение между двумя культурами приводит иммигрантов к

тому, что им необходимо пройти процесс адаптации к другой культуре и выразить отношение к своей культуре в разных областях жизни (доменах аккультурации): политической, экономической, профессиональной, семейной, социальной, идеологической, религиозной. В связи с этим Г. Горенчук [38] утверждает, что иммигрант может принять, например, стратегию сепарации в отношении выбора супруга, стратегию ассимиляции во внешнем виде (одежде) и стратегию интеграции в отношении употребления определенных продуктов.

В рамках Модели создан инструментарий для оценки реальных и идеальных аккультурационных предпочтений мигрантами и представителями принимающего общества в разных доменах жизни [48; 49]. В России данный инструментарий адаптирован на русский язык Д. Григорьевым [35].

Одной из последних работ в рамках Модели RAEM выступает исследование профилей аккультурационных предпочтений испанцев по отношению к сирийским и ближневосточным беженцам и их связь со стереотипным измерением морали [51]. В исследовании обнаружено, что испанцы с профилями сегрегация или интеграция воспринимают беженцев более «моральными» по сравнению с испанцами с профилями ассимиляция или исключение.

Модели, учитывающие antecedенты и психологические последствия аккультурации мигрантов

Модель многомерных индивидуальных аккультурационных различий (MIDA) ориентирована на изменения, которые происходят на индивидуальном уровне [62], и состоит из antecedентов адапта-

ции иммигрантов. Посредниками между antecedентами и адаптацией в MIDA выступают аккультурационные стратегии Д. Берри [63].

Основными antecedентами в Модели выступают: (1) «Психосоциальные ресурсы», состоящие из психологической устойчивости, воспринимаемой культурной компетентности и воспринимаемой аут-групповой поддержки, (2) «Связь с представителями своей национальности» фокусируется на степени принадлежности к своей этнической группе и воспринимаемой ин-групповой социальной поддержке [64], (3) «Трудности» (проблемы) — это раздражители, специфичные для аккультурации, а также ежедневные трудности, с которыми может столкнуться любой человек. Описанные antecedенты вкупе со стратегиями аккультурации влияют на адаптацию мигрантов. В настоящее время модель MIDA получила широкое распространение в Северной Америке и Европе. Тестируется на выборках иммигрантов [62], беженцев [29], иностранных студентов [9; 54] в разных социокультурных контекстах [64], а также в лонгитюдных исследованиях [54]. В связи с чем обладает большим потенциалом для диагностики проблем адаптации разных категорий мигрантов.

Модель двойной мотивации аккультурационного поведения и адаптации ориентирована на изучение мотивов аккультурационного поведения [55]. Первый мотив связан с сохранением культуры, через него реализуется потребность иметь прочную связь со своим культурным наследием. Второй мотив связан с изучением культуры, через него реализуется потребность в изучении культуры принимающего общества. Основной постулат модели заключается в том, что мотивы иммигрантов к сохранению

культуры или изучению культуры принимающего общества влияют на их аккультурационное поведение, связанное с взаимодействием со сверстниками из своей этнической группы и сверстниками из принимающего общества, что, в свою очередь, влияет на их социокультурную и психологическую адаптацию в принимающем обществе. Модель двойной мотивации аккультурационного поведения и адаптации достаточно новая и еще не получила широкого эмпирического подтверждения, поэтому заложенная в ней идея требует тестирования на разных выборках в разных социокультурных контекстах. Однако уже сейчас данная модель является перспективной в раскрытии мотивационной природы аккультурационного поведения.

Многомерная модель межкультурного обучения аккультурации (MITA) ориентирована на изучение antecedентов аккультурации и адаптации подростков-беженцев. Подростки-беженцы отличаются от иммигрантов и взрослых беженцев тем, что они психологически более уязвимы в силу юного возраста, низкого уровня образования и опыта переживания травмирующих событий, таких как разлука со своими родителями или близкими членами семьи, зачастую по причине их смерти [33]. Модель MITA интегрирует в себе элементы Модели аккультурации Д. Берри [15], Модели MIDA [63] и Модели аккультурационного обучения Ф. Рудмина [59]. Первая часть модели состоит из четырех antecedентов социокультурной адаптации и психического здоровья: (1) межкультурная компетентность, (2) социально-эмоциональная компетентность, (3) намерение вернуться на родину и (4) опыт травмирующих событий. Вторая часть модели фокусируется на трех стратегиях аккультурации (интеграция, ассими-

ляция и сепарация). И, наконец, третья часть модели состоит из таких показателей адаптации, как социокультурная адаптация и психическое здоровье. Связи между межкультурной компетентностью и интеграцией и между социально-эмоциональной компетентностью и ассимиляцией модулируются аут-групповой поддержкой. Тогда как связь между опытом травмирующих событий и сепарацией модулируется ин-групповой поддержкой. Кроме того, связь между опытом травмирующих событий и психическим здоровьем модулируется как аут-групповой, так и ин-групповой поддержкой. Модель МІТА еще не тестировалась эмпирически и пока представляет собой лишь гипотетическую модель, перспективную для исследования аккультурации и адаптации беженцев.

Среди всех antecedентов, представленных в трех вышеприведенных моделях, лишь стратегия интеграции проявила себя как наиболее весомый и универсальный фактор успешной адаптации мигрантов. Но что же детерминирует выбор самой стратегии интеграции? Ответ на данный вопрос частично дает каждая из трех моделей. Так, в рамках уточненной модели MIDA [62] основным antecedентом интеграции выступает «Связь с представителями своей национальности», иными словами, высокий уровень ин-групповой поддержки, тогда как в модели MІТА для беженцев — «Межкультурная компетентность» при высоком уровне аут-групповой поддержки со стороны принимающего общества. В Модели двойной мотивации аккультурационного поведения и адаптации в основе двух измерений аккультурации, заложенных в интеграцию, лежат мотивы сохранения своей культуры и изучения культуры принимающего общества. Как мы

видим, индивидуальные детерминанты интеграции крепко связаны с ее основами, такими как сохранение культуры и взаимодействие с принимающим обществом, однако имеют свою специфику в зависимости от контекста и группы. Например, для интеграции иммигрантов большую роль играет ин-групповая поддержка, тогда как для интеграции беженцев — аут-групповая поддержка со стороны принимающего общества. Вероятно, это связано с тем, что иммигранты, будучи добровольными переселенцами, видимо, больше нуждаются в подпитке, исходящей от ин-группы, и в целом могут ее получить. Тогда как беженцы, будучи недобровольными переселенцами, имеющие опыт травматических событий на родине, к интеграции приходят в большей степени за счет внешней аут-групповой поддержки, поскольку все члены ин-группы находятся в таком же тяжелом положении, если не в еще более худшем, чем они сами.

Далее перейдем к заключительной части статьи, в которой представлены основные вызовы, стоящие перед современными исследователями процесса аккультурации, а также определены перспективы развития будущих аккультурационных исследований.

Вызовы и перспективы развития аккультурационных исследований

Вызов 1. Аккультурация как процесс развития. Аккультурация по своей сути является процессом развития, но исследователи крайне редко изучают аккультурацию именно как процесс. Это в целом говорит о том, что мы не до конца понимаем, как проходит процесс аккультурации на протяжении всей жизни мигрантов и представителей

принимающего населения с момента их контакта. Сегодня большинство аккультурационных исследований проводится с помощью кросс-секционного и реже — экспериментального дизайнов исследования. Данные дизайны позволяют зафиксировать лишь определенный момент процесса аккультурации, что в лучшем случае позволяет увидеть неполную картину происходящего, а в худшем — может приводить к неверному пониманию процесса аккультурации [68]. Основная проблема большинства кросс-секционных аккультурационных исследований заключается в том, что разные люди могут находиться в разных точках процесса аккультурации во время исследования. В результате чего при обнаружении значимых индивидуальных различий остается не ясным, данные различия обусловлены временем (например, один человек находится на одном этапе процесса аккультурации во время исследования, тогда как второй человек — на другом этапе и, возможно, позже наверстает упущенное) или подходом (например, два сравниваемых человека предпочитают разные стратегии аккультурации, и эти различия в стратегиях будут стабильны во времени) [67].

К. Уорд и А. Сабо [76], уточняя так называемый алфавит аккультурации (ABCs of Acculturation), который состоит из трех заглавных букв таких столпов процесса аккультурации, как аффекты (affect-A), поведение (behaviors-B), познание (cognitions-C), добавили четвертый столп — развитие (development-D). Добавление данного столпа объясняется тем, что процессы развития оказывают влияние на процесс аккультурации, в особенности на то, как выбираются и переживаются различные культурные ориентации в процессе межкультурного взаимодействия.

Перспективными на стыке психологии аккультурации и психологии развития представляются лонгитюдные исследования, которые позволили бы изучать процесс аккультурации в изменяющемся контексте [76] с учетом взаимовлияния процессов аккультурации и развития. Кроме этого, исследователи процесса аккультурации не должны игнорировать наработки в области развития, отделяющие аккультурационные изменения от динамических и нормативных аспектов развития и дифференцирующие их эффекты [40; 72]. Также следует использовать и новаторские концепции, учитывающие сложность аккультурации в процессе развития в разных контекстах. Например, Модель интегративного риска и устойчивости для адаптации детей иммигрантов [70], которая в настоящее время является одной из наиболее комплексных, уделяющих большое внимание различным уровням контекста аккультурации и развития детей иммигрантов начиная от индивидуального до глобального уровня. Рассмотрение адаптации детей иммигрантов на глобальном уровне означает признание того, что границы развития выходят далеко за пределы страны и культуры, в которой живут дети.

Вызов 2. Экологический контекст аккультурации. О важности изучения контекста аккультурации говорится очень часто, но тем не менее большая часть исследований, направленных на изучение индивидуальных факторов процесса аккультурации [75], зачастую игнорирует то, что эти факторы действуют в более широком экологическом контексте межкультурного контакта, а не в социальном вакууме [65]. Данную проблему решает экологический подход к аккультурации [65], основан-

ный на концепции Бронфенбреннера [27] о человеческом развитии, идущем на различных уровнях экологических систем, начиная от микросистем, в которых люди принимают непосредственное участие, таких как дом, школа или рабочее место, заканчивая макросистемой. Макросистема — это большая экологическая система, в которую встроены более проксимальные системы. Например, для мигрантов культура принимающего общества — это макросистема, которая может влиять на их адаптацию через микросистемы, в которых участвуют мигранты [23]. Так, одни микросистемы ориентированы на культуру принимающего общества, например, школа или рабочее место (публичная сфера жизни), тогда как другие — на культуру своей этнокультурной группы, например, дом, семья (приватная сфера жизни) [6; 7]. С контекстуальной точки зрения сферы жизни (домены) — это не просто ситуации, в которых мигранты предпочитают один тип аккультурации другому, это культурные контексты, которые предъявляют различные требования к адаптации. Таким образом, очевидно, что в будущих аккультурационных исследованиях следует учитывать контексты от микроуровня до макроуровня с учетом доменной специфики. Кроме того, вместо однонаправленного влияния контекста на аккультурирующегося человека важно брать во внимание и то, что и сам человек со временем может оказывать влияние на контекст [47]. Так, например, контекст, наполненный культурой происхождения мигранта, может привлекать его внимание в большей степени, в результате он начнет искать именно такие контексты [32]. В данном направлении видятся перспективными исследования, в том чис-

ле и лонгитюдные, которые позволили бы проверить данное предположение. Также в исследованиях стоит обращать внимание и на то, как контекст воспринимается мигрантами и принимающим обществом. В этой связи особую актуальность приобретают метавосприятия контекста, раскрывающие то, как люди воспринимают степень, в которой общество поддерживает процесс интеграции мигрантов [5; 39; 44].

Вызов 3. Глобализация и аккультурация. Процесс аккультурации в контексте глобализации запускается через такие аспекты культурного обмена образцами поведения и ценностями, как музыка, телевидение, фильмы, еда, туризм, торговля и интернет [34]. Этот тип аккультурации затрагивает большую часть населения планеты и имеет серьезные последствия, поскольку несколько культурных потоков одновременно вступают в контакт, преодолевая географические и исторические границы. Несмотря на очевидность взаимовлияния локальных и глобальных процессов, тем не менее в современных аккультурационных исследованиях и концепциях упускается из виду растущая и всеобъемлющая роль культурной глобализации. В связи с чем исследования сконцентрированы лишь на локальных эффектах, игнорируя глобальные эффекты. Это говорит об острой необходимости создания многомерных моделей аккультурации, учитывающих адаптацию людей к мультикультурным обществам и глобальной среде. Сегодня в качестве яркого примера концептуальной интеграции процессов глобализации и аккультурации может выступить теоретическая Модель глобальной аккультурации [37]. Данная Модель позволяет объяснить адаптацию людей к глобальной среде (к смешению культур) с учетом

выраженности их локальной (принадлежность к своей национальной локальной культуре) и глобальной (принадлежность к глобальным мультикультурным группам и сообществам) идентичностей, а также баланса между данными идентичностями. Модель позволяет протестировать предположения о том, что люди с доминирующими (несбалансированными) типами идентичности (глобальными или локальными) будут демонстрировать негативные и эксклюзивные реакции на смешение культур, тогда как люди со сбалансированными типами идентичностей (глокальные или маргинальные) будут демонстрировать положительные и инклюзивные реакции на смешение культур. Эмпирических исследований в рамках Модели глобальной аккультурации, которые бы тестировали данные предположения, не проводилось, хотя теоретическая значимость для психологии аккультурации и практическая значимость для международного маркетинга в проведении подобных исследований очевидна. Кроме этого, перспективными видятся исследования на стыке процессов развития, аккультурации и глобализации, которые позволили бы выяснить, какие индивидуальные и контекстуальные факторы лежат в основе инклюзивных и эксклюзивных реакций на культурную глобализацию в процессе аккультурации.

Вызов 4. Цифровизация и аккультурация. Сегодня в научном обиходе укоренилось словосочетание «цифровые аборигены», обозначающее новые поколения людей, выросших полностью погруженными в цифровые медиа [36]. Это значит, что многие процессы, которые происходят традиционно в офлайн-контексте, все больше теперь будут иметь место и в онлайн-контексте.

К таким процессам, безусловно, можно отнести и аккультурацию, которая на стыке виртуального и реального миров именуется «цифровой аккультурацией» [30]. В связи с чем в последние годы набирают оборот исследования, посвященные изучению использования цифровых технологий мигрантами. Благодаря данным исследованиям удалось выяснить, что трудовые мигранты используют мобильные телефоны и Skype для поддержки связи со своей семьей на родине и организации работы в принимающей культуре [8; 74], что облегчает их интеграцию. Кроме этого, мигранты используют интернет, чтобы узнать больше о стране своего пребывания, что в свою очередь также ускоряет их интеграцию в принимающем обществе [4]. В целом, цифровые технологии предоставляют мигрантам и беженцам такие ценные возможности для интеграции, как участие в жизни принимающего общества, понимание его правил жизни, общение, создание социальных связей и выражение своей культурной самобытности [31]. Учитывая столь важную роль цифровых технологий в интеграции мигрантов, можно предположить, что и для адаптации представителей принимающего общества к мигрантам и в целом к росту культурного разнообразия данные технологии играют не менее важную роль. В этой связи перспективными видятся исследования взаимной аккультурации мигрантов и принимающего общества не только в офлайн-контексте, но и в онлайн. Особенно это касается групп с выраженной культурной дистанцией [78], поскольку через использование ИКТ можно больше узнать о незнакомой культуре перед вступлением в контакт, что может потенциально смягчить негативное влияние воспринимаемой культурной

дистанции на межкультурные отношения. Взаимовлияние офлайн- и онлайн-среды сегодня широко обсуждается, поскольку обе среды сильно пересекаются и раскрывают для людей разные способы взаимодействия [30; 36], в том числе межкультурного. Таким образом, современные аккультурационные исследования, в фокусе внимания которых взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения, уже не могут ограничиваться лишь изучением офлайн-контекста в цифровую эпоху.

Вызов 5. Пандемия COVID-19 и аккультурация. Пандемия COVID-19 стала беспрецедентным вызовом для исследователей межкультурных отношений и аккультурации, поскольку привнесла в жизнь людей всей планеты стремительные изменения, последствия которых только предстоит изучить и понять. Но уже сегодня очевидно, что пандемия будет еще длительное время оказывать влияние на то, как люди, группы и целые нации будут относиться друг к другу [66]. К сожалению, представители ООН и Совета Европы все чаще отмечают рост актов расовой дискриминации, стигматизации и предрассудков, проявляющихся в процессе борьбы с пандемией [41]. Более того, в недавних исследованиях установлено, что мигранты и другие этнокультурные меньшинства непропорционально сильно страдают от COVID-19 [28; 71].

Учитывая столь важную роль пандемии в современной жизни людей, в том числе мигрантов, перед социальными и кросс-культурными психологами встают сложные вопросы: Что происходит с нашими установками по отношению к другим людям, когда мы отдаляемся друг от друга, чтобы предотвратить распространение коронавируса? Какие из-

мерения, связанные с коронавирусом и вызванным им стрессом, ученые должны включать в свои исследования [66]? Будут ли представители принимающего населения в условиях неопределенности и угрозы, вызванной пандемией, проявлять сегрегационные или интеграционные установки по отношению к мигрантам? На данные вопросы пока нет ответов, это прерогатива будущих исследований в области межкультурных отношений и аккультурации, в которых важно помнить, что игнорирование последствий пандемии может сильно искажать полученные результаты.

Заключение

Подводя итоги настоящего обзора, важно сказать, что реалии нового времени ставят перед исследователями аккультурации вызовы, которые раскрывают перспективы создания новых современных системных моделей взаимной аккультурации этнокультурных групп. В основе которых аккультурация могла бы рассматриваться не только через призму взаимности, но и как процесс развития, делящийся всю жизнь в изменяющихся экологических контекстах разного уровня, с учетом последствий пандемии, роста влияния цифровизации и культурной глобализации. Разумеется, при разработке данных моделей особое внимание стоит уделять методологической стороне, то есть измерениям и дизайнам новых исследований, которые в будущем должны быть в большей степени обращены в сторону лонгитюдных и экспериментальных дизайнов исследований, с опорой не только на переменнориентированный, но и на личностноориентированный подход.

Литература / References

1. Берри Д.У. Экокультурная психология // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 4. С. 4–16. DOI:10.17759/chp.2019150401
Berri D.U. Ekokul'turnaya psikhologiya [Eco-cultural psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 4, pp. 4–16. DOI:10.17759/chp.2019150401 (In Russ.).
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межэтнического взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009. 423 с.
Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Strategii mezhetnicheskogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii [Intercultural strategies of migrants and host population of Russia]. Moscow: RUDN, 2009. 423 p. (In Russ.).
3. Лепшокова З.Х., Татарко А.Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 3. С. 125–146. DOI:10.17759/sps.2017080310
Lepshokova Z.Kh., Tatarko A.N. Adaptatsiya i modifikatsiya metodiki akkul'turatsionnykh ozhidaniy Dzhona Berri [Adaptation and modification of John Berry's measure of acculturation expectations]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 125–146. DOI:10.17759/sps.2017080310 (In Russ.).
4. Alam K., Imran S. The digital divide and social inclusion among refugee migrants: a case in regional Australia // *Information Technology and People*. 2015. Vol. 28(2). P. 344–365.
5. António J.H.C., Monteiro M.B. Minorities' acculturation and social adjustment: The moderator role of meta-perceptions of majority's acculturation attitudes // *International Journal of Psychology*. 2015. Vol. 50(6). P. 422–430. DOI:10.1002/ijop.12214
6. Arends-Tóth J.V., van de Vijver F.J.R. Acculturation attitudes: A comparison of measurement methods // *Journal of Applied Social Psychology*. 2007. Vol. 37. P. 1462–1488. DOI:10.1111/j.1559-1816.2007.00222.x
7. Arends-Tóth J., van de Vijver F.J.R. Domains and dimensions in acculturation: Implicit theories of Turkish-Dutch // *International Journal of Intercultural Relations*. 2004. Vol. 28(1). P. 19–35. DOI:10.1016/j.ijintrel.2003.09.001
8. Aricat R.G. Is (the study of) mobile phones old wine in a new bottle? A polemic on communication-based acculturation research // *Information Technology and People*. 2015. Vol. 28(4). P. 806–824.
9. Berger R., Safdar S., Spieß E., Bekk M., Font A. Acculturation of Erasmus students: Using the multidimensional individual difference acculturation model framework // *International Journal of Psychology*. 2019. Vol. 54(6). P. 739–749. DOI:10.1002/ijop.12526
10. Berry J.W. Introduction to Mutual Intercultural Relations // *Mutual intercultural relations / In J.W. Berry (Ed.)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 1–33.
11. Berry J.W. Acculturation as varieties of adaptation // *Acculturation: Theory, Models and Some New Findings / In A. Padilla (Ed.)*. Boulder, CO: Westview Press, 1980. P. 9–25.
12. Berry J.W. Acculturation: Living successfully in two cultures // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. P. 697–712.
13. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 2006. Vol. 55. P. 303–332.
14. Berry J.W. Psychological aspects of cultural pluralism // *Culture Learning*. 1974. Vol. 2. P. 17–22.
15. Berry J.W. Psychology of acculturation // *Cross-cultural perspectives, Nebraska Symposium on Motivation / In J. Berman (Ed.)*. Lincoln, NE.: University of Nebraska Press, 1990. P. 201–234.
16. Berry J.W. Temne and Eskimo perceptual skills // *International Journal of Psychology*. 1966. Vol. 1. P. 207–229.
17. Berry J.W., Annis R.C. Acculturativestress: Theroleofecology, cultureanddifferentiation // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1974. Vol. 5(4). P. 382–406. DOI:10.1177/002202217400500402

18. *Berry J.W., Kalin R., Taylor D.M.* Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada. Ottawa: Ministry of Supply and services, 1977.
19. *Berry J.W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M.* Acculturation attitudes in plural societies // *Applied Psychology: An International Review*. 1989. Vol. 38(2). P. 185–206. DOI:10.1111/j.1464-0597.1989.tb01208.x
20. *Berry J.W., Sam D.L.* Accuracy in scientific discourse // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2003. Vol. 44. P. 65–68.
21. *Berry J.W., Lepshokova Z., MIRIPS C., Grigoryev D.* How shall we all live together?: Meta-analytical review of the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project // *Applied Psychology: An International Review*. 2021. DOI:10.1111/apps.12332
22. *Bierwiazzonek K., Kunst J.R.* Revisiting the integration hypothesis: Correlational and longitudinal meta-analyses demonstrate the limited role of acculturation for cross-cultural adaptation // *Psychological Science*. 2021. DOI:10.1177/09567976211006432
23. *Birman D., Simon C.D.* Acculturation research: Challenges, complexities, and possibilities // *APA handbook of multicultural psychology, Vol. 1. Theory and research / In F.T.L. Leong, L. Comas-Díaz, G.C. Nagayama Hall, V.C. McLoyd, J.E. Trimble (Eds.). American Psychological Association*, 2014. P. 207–230. DOI:10.1037/14189-011
24. *Bourhis R.Y., Bougie É.* Le modèle d'acculturation interactif: Une étude exploratoire [The Interactive acculturation model: An exploratory study] // *Revue Québécoise de Psychologie*. 1998. Vol. 19. P. 75–114.
25. *Bourhis R.Y., Barrette G., El-Geledi S., Schmidt R.* Acculturation Orientations and Social Relations Between Immigrant and Host Community Members in California // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. Vol. 40(3). P. 443–467. DOI:10.1177/0022022108330988
26. *Bourhis R.Y., Monse L.C., Perreault S., Senecal S.* Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach // *International Journal of Psychology*. 1997. Vol. 32(6). P. 369–386. DOI:10.1080/002075997400629
27. *Bronfenbrenner U.* Toward an experimental ecology of human development // *American Psychologist*. 1977. Vol. 32(7). P. 513–531. DOI:10.1037/0003-066X.32.7.513
28. *Clark E., Fredricks K., Woc-Colburn L., Bottazzi M.E., Weatherhead J.* Disproportionate impact of the COVID-19 pandemic on immigrant communities in the United States // *PLoS Neglected Tropical Diseases*. 2020. Vol. 14(7). P. 1–9. DOI:10.1371/journal.pntd.0008484
29. *Copoc P.* Acculturation of Syrian Refugees in Germany: Using a Variation of the Multidimensional Individual Difference Acculturation (MIDA) Model in a New Context. 2019. DOI:10.21083/surg.v11i0.5219
30. *Dey B.L., Yen D., Samuel L.* Digital consumer culture and digital acculturation // *International Journal of Information Management*. 2019. DOI:10.1016/j.ijinfomgt.2019.102057
31. *Diaz-Andrade A., Doolin B.* Information and communication technology and the social inclusion of refugees // *Mis Quarterly*. 2016. Vol. 40(2). P. 405–416.
32. *Doucerain M.M.* Heritage Acculturation Is Associated With Contextual Factors at Four Different Levels of Proximity // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018. Vol. 49(10). P. 1539–1555. DOI:10.1177/0022022118796976
33. *Fathi A., El-Awad U., Reinelt T., Petermann F.A.* Brief Introduction to the Multidimensional Intercultural Training Acculturation Model (MITA) for Middle Eastern Adolescent Refugees // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2018. Vol. 15(7). P. 1516. DOI:10.3390/ijerph15071516
34. *Ferguson G.M., Tran S.P., Mendez S.N., van de Vijver F.J.R.* Remote acculturation: Conceptualization, measurement, and implications for health outcomes // *The Oxford handbook of acculturation and health / In S.J. Schwartz, J.B. Unger (Eds.). Oxford University Press*, 2017. P. 157–173.
35. *Grigoryev D., van de Vijver F.* Acculturation expectation profiles of Russian majority group members and their intergroup attitudes // *International Journal of Intercultural Relations*, 2018, Vol. 64. P. 90–99. DOI:10.1016/j.ijintrel.2018.03.001

36. Guan Sh-Sh.A. Digital Acculturation or Displacement?: Examining the Link Between Social Media and Well-Being // *Frontiers in Human Dynamics*. 2021. Vol. 3. DOI:10.3389/fhumd.2021.585906
37. Harush R., Lisak A., Erez M. Extending the Global Acculturation Model to Untangle the Culture Mixing Puzzle // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016. Vol. 47(10). P. 1395–1408. DOI:10.1177/0022022116670261
38. Horenczyk G. Migrant identities in conflict: Acculturation attitudes and perceived acculturation ideologies // *Changing European identities: Social psychological analyses of social change* / In G.M. Breakwell, E. Lyons et al. (Eds.). Oxford: Butterworth-Heinemann, 1996. P. 241–250.
39. Horenczyk G., Munayer S.J. Acculturation Orientations toward Two Majority Groups: The Case of Palestinian Arab Christian Adolescents in Israel // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2007. Vol. 38(1). P. 76–86. DOI:10.1177/0022022106295444
40. Jugert P., Titzmann P.F. Trajectories of victimization in ethnic diaspora immigrant and native adolescents: Separating acculturation from development // *Developmental Psychology*. 2017. Vol. 53. P. 552–566. DOI:10.1037/dev0000254
41. Kulich S.J., Komisarof A., Smith L.R., Cushner K. Re-examining intercultural research and relations in the COVID pandemic // *International Journal of Intercultural Relations*. 2021. Vol. 80. P. A1–A6. DOI:10.1016/j.ijintrel.2020.12.003
42. Kunst J.R. Are we facing a “causality crisis” in acculturation research? The need for a methodological (r)evolution. 2021. July 14. DOI:10.31234/osf.io/892kx
43. Lavrakas P.J. *Encyclopedia of survey research methods*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2008.
44. Lepshokova Z.Kh. Perceived Inclusiveness of the Context, Identities and Acculturation of Russians in Kyrgyzstan and Estonia // *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. 2021. Vol. 17. № 4. P. 25–33. DOI:10.17759/chp.2021170403
45. Montreuil A., Bourhis R.Y. Acculturation orientations of competing host communities toward valued and devalued immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2004. Vol. 28. № 6. P. 507–532. DOI:10.1016/j.ijintrel.2005.01.002
46. Montreuil A., Bourhis R.Y. Majority acculturation orientations toward “valued” and “devalued” immigrants // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. Vol. 32. P. 698–719.
47. Motti-Stefanidi F., Berry J., Chrysochoou X., Sam D.L., Phinney J. Positive immigrant youth adaptation in context: Developmental, acculturation, and social-psychological perspectives // *Realizing the potential of immigrant youth* / In A. Masten, K. Liebkind, D.J. Hernandez (Eds.). New York, NY.: Cambridge University Press, 2012. P. 117–158.
48. Navas M., Rojas A.J., García M., Pumares P. Acculturation strategies and attitudes according to the Relative Acculturation Extended Model (RAEM): The perspectives of natives versus immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2007. Vol. 31. P. 67–86. DOI:10.1016/j.ijintrel.2006.08.002
49. Navas M.S., García M.C., Sánchez J., Rojas A.J., Pumares P., Fernández J.S. Relative acculturation extended model (RAEM): New contributions with regard to the study of acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. P. 21–37. DOI:10.1016/j.ijintrel.2005.04.001
50. Nguyen A.-M.D., Benet-Martinez V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44(1). P. 122–159. DOI:10.1177/0022022111435097
51. Ordóñez-Carrasco J.L., Blanc A., Navas M., Rojas-Tejada A.J. Acculturation preferences of Spaniards towards Middle Eastern and Syrian refugees and their relationship with the stereotypical dimension of morality [Preferencias de aculturación de españoles hacia refugiados sirios y de Oriente Medio y su relación con la dimensión estereotípica de moralidad] // *Revista de Psicología Social*. 2019. P. 1–28. DOI:10.1080/02134748.2019.1682291
52. Piontkowski U., Florack A., Hoelker P., Obdržálek P. Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2000. Vol. 24(1). P. 1–26. DOI:10.1016/s0147-1767(99)00020-6

53. *Piontkowski U., Rohmann A., Florack A.* Concordance of acculturation attitudes and perceived threat // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2002. Vol. 5. P. 221–232.
54. *Rasmi S., Safdar S., Lewis J.R.* A longitudinal examination of the MIDA Model with international students // *Culture and Gender: An Intimate Relation* / In A. Chybicka, S.F. Safdar, A. Kwiatkowska (Eds.). Poland: Gdanskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2009. P. 42–57.
55. *Recker C., Milfont T.L., Ward C.A.* Dual-Process Motivational Model of Acculturation Behaviors and Adaptation Outcomes // *Universitas Psychologica*. 2018. Vol. 16(5). P. 1–15. DOI:10.11144/javeriana.upsy16-5.dmma
56. *Redfield R., Linton R., Herskovits M.J.* Memorandum for the study of acculturation // *American Anthropologist*. 1936. Vol. 38(1). P. 149–152. DOI:10.1525/aa.1936.38.1.02a00330
57. *Rohmann A., Florack A., Piontkowski U.* The role of discordant acculturation attitudes in perceived threat: An analysis of host and immigrant attitudes in Germany // *International Journal of Intercultural Relations*. 2006. Vol. 30(6). P. 683–702. DOI:10.1016/j.ijintrel.2006.06.006
58. *Rohmann A., Piontkowski U., van Randenborgh A.* When Attitudes Do Not Fit: Discordance of Acculturation Attitudes as an Antecedent of Intergroup Threat // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34(3). P. 337–352. DOI:10.1177/0146167207311197
59. *Rudmin F.W.* Constructs, measurements and models of acculturation and acculturative stress // *International Journal of Intercultural Relations*. 2009. Vol. 33. P. 106–123.
60. *Rudmin F.W.* Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization // *Review of General Psychology*. 2003. Vol. 7. P. 3–37.
61. *Rudmin F.W., Ahamdzadeh V.* Psychometric critique of acculturation psychology: The case of Iranian migrants in Norway // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2001. Vol. 42. P. 41–56.
62. *Safdar S., Calvez S., Lewis J.R.* Multi-group analysis of the MIDA model: Acculturation of Indian and Russian immigrants to Canada // *International Journal of Intercultural Relations*. 2012. Vol. 36(2). P. 200–212. DOI:10.1016/j.ijintrel.2011.11.006
63. *Safdar S., Lay C., Struthers W.* The process of acculturation and basic goals: Testing a Multidimensional Individual Difference Acculturation model with Iranian immigrants in Canada // *Applied Psychology: An International Review*. 2003. Vol. 52. P. 555–579. DOI:10.1111/1464-0597.00151
64. *Safdar S., Struthers W., van Oudenhoven J.P.* Acculturation of Iranians in the United States, the United Kingdom, and the Netherlands: A test of the Multidimensional Individual Difference Acculturation (MIDA) model // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. Vol. 40. P. 468–491. DOI:10.1177/0022022108330990
65. *Salo C.D., Birman D.* Acculturation and psychological adjustment of Vietnamese refugees: An ecological acculturation framework // *American Journal of Community Psychology*. 2015. Vol. 56(3–4). P. 395–407. DOI:10.1007/s10464-015-9760-9
66. *Schwartz S.J.* Editorial: Studying the Effects of the Coronavirus Pandemic on Intercultural Relations // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. DOI:10.1016/j.ijintrel.2020.04.001
67. *Schwartz S.J., Szabó Á., Meca A., Ward C., Martinez C.R., Cobb C.L., ... Pantea N.* The Convergence Between Cultural Psychology and Developmental Science: Acculturation as an Exemplar // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. DOI:10.3389/fpsyg.2020.00887
68. *Schwartz S.J., Unger J.B.* Acculturation and health: State of the field and recommended directions // *The Oxford handbook of acculturation and health* / In S.J. Schwartz, J.B. Unger (Eds.). Oxford University Press, 2017. P. 1–14.
69. *Stogianni M., Bender M., Slegers W.W.A., Benet-Martinez V., Nguyen A.* Sample characteristics and country level indicators influencing the relationship between biculturalism and adjustment: An updated meta-analysis. Unpublished Manuscript. 2021. DOI:10.31234/osf.io/8qymv
70. *Suárez-Orozco C., Motti-Stefanidi F., Marks A., Katsiaficas D.* An integrative risk and resilience model for understanding the adaptation of immigrant-origin children and youth // *American Psychologist*. 2018. Vol. 73. P. 781–796. DOI:10.1037/amp0000265

71. *Tai D.B.G., Shah A., Doubeni C.A., Sia I.G., Wieland M.L.* The Disproportionate Impact of COVID-19 on Racial and Ethnic Minorities in the United States // *Clinical Infectious Diseases*. 2020. DOI:10.1093/cid/ciaa815
72. *Titzmann P.F., Lee R.* Adaptation of young immigrants: A developmental perspective on acculturation research // *European Psychologist*. 2018. Vol. 23. P. 72–82.
73. *Van de Vijver F.J.R., Phalet K.* Assessment in Multicultural Groups: The Role of Acculturation // *Applied Psychology*. 2004. Vol. 53(2). P. 215–236. DOI:10.1111/j.1464-0597.2004.00169.x
74. *Vancea M., Olivera N.* E-migrant women in Catalonia: mobile phone use and maintenance of family relationships // *Gender Technology and Development*. 2013. Vol. 17(2). P. 179–203.
75. *Ward C., Geeraert N.* Advancing acculturation theory and research: the acculturation process in its ecological context // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 8. P. 98–104. DOI:10.1016/j.copsyc.2015.09.021
76. *Ward C., Szabo A.* Affect, behavior, cognition and development: Adding to the alphabet of acculturation // *Handbook of culture and psychology (2nd ed.)* / In D. Matsumoto, H.-S. Hwang (Eds.). New York, NY: Oxford University Press, 2019. P. 640–692.
77. Web of Science [Электронный ресурс]. URL: https://apps-whoofknowledge-com.ezproxy.uio.no/Search.do?product=WOS&SID=E6T4T6vDVwqJKEDyZgi&search_mode=GeneralSearch&prID=8043cd73-8fdc-4784-a292-d8aaf2cbbc8e (дата обращения: 31.03.2021).
78. *Yau A.* The role of social media in negotiating identity during the process of acculturation *Information* // *Technology and People*. 2020. Vol. 33(2). P. 554–575. DOI:10.1108/ITP-09-2017-0305

Информация об авторах

Лепшокова Зарина Хизировна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Information about the authors

Zarina K. Lepshokova, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Centre for sociocultural research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Получена 03.08.2021

Received 03.08.2021

Принята в печать 15.04.2022

Accepted 15.04.2022

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Отношение пользователей интернета к экономике в условиях пандемии: кросс-культурный анализ

Журавлев А.Л.

**ФГБОУ «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБОУ ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Китова Д.А.

**ФГБОУ «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБОУ ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Цель. Анализ психологических особенностей отношения россиян к экономическим явлениям в условиях пандемии коронавируса с рассмотрением его кросс-культурных характеристик в сравнении со странами, имеющими отличную от российской этнокультурную историю становления и развития экономик (США и Японией).

Контекст и актуальность. Россия является лидером в международном рейтинге стран с самыми богатыми природными ресурсами, но уровень жизни россиян на протяжении многих лет остается недостаточно высоким, а по оценкам самих россиян, отрицательная динамика жизни проявляется по заметному числу социально-экономических показателей. Вместе с тем полученные в последние годы научные данные указывают на наличие непосредственных взаимосвязей между экономическими и психологическими факторами развития общества, природа которых до конца еще не раскрыта. Исследование носит поисковый характер.

Используемая методология. Концепция психологических отношений, структурно-содержательный анализ поисковых запросов, методы сплошной выборки и сравнительного анализа, метод обоснованной теории, экспертная оценка, прогностические методы.

Основные выводы. Интерес пользователей к пандемии менялся сообразно характеру ее протекания в каждой из трех стран. Вместе с тем в США и Японии интерес к экономическим реалиям значительно превышал интерес к пандемии, а в России несопоставимо выше оказался интерес к пандемии. Изначально высокий интерес населения к пандемии со временем стал резко снижаться, но популярность экономико-ориентированных запросов сохраняется на высоком уровне: выявлено снижение интереса к теоретическим проблемам и его усиление к реальным экономическим ситуациям. Характер тематических запросов пользователей из США, Японии и России позволяет констатировать, что в первых двух странах резко возросли запросы по проблемам бизнеса, что не свойственно россиянам, чьи доходы в основном определяются государством. Вместе с тем выгоды оперативного характера предположительно могут стать сопутствующими причинами возможного стратегического кризиса как в объективном — экономическом, так и в субъективном — психологическом плане.

Ключевые слова: отношение к экономике, пандемия коронавируса, поисковые системы, экономико-психологические ресурсы общества, экономический менталитет, социокультурные особенности.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 21-18-00541.

Для цитаты: Журавлев А.Л., Китова Д.А. Отношение пользователей интернета к экономике в условиях пандемии: кросс-культурный анализ // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 74–88. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130206>

The Attitude of Internet Users to the Economy in a Pandemic: a Cross-Cultural Analysis

Anatoly L. Zhuravlev

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Dzhuletta A. Kitova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Objective. *Analysis of the psychological characteristics of the attitude of Russians to economic phenomena in the context of the coronavirus pandemic with an examination of its cross-cultural characteristics in comparison with countries that have a different from Russian ethnocultural history of the formation and development of economies (United States and Japan).*

Background. *Russia is a leader in the international ranking of countries with the richest natural resources, but the standard of living of Russians for many years remains insufficiently high, and according to the estimates of Russians themselves, negative dynamics of life is manifested in a noticeable number of socio-economic indicators. At the same time, scientific data obtained in recent years indicate the presence of direct relationships between economic and psychological factors of the development of society, the nature of which has not yet been fully disclosed. The research is exploratory in nature.*

Methodology. *The concept of psychological relations, structural and content analysis of search queries, methods of continuous sampling and comparative analysis, method of grounded theory, expert assessment, predictive methods.*

Conclusions. *User interest in the pandemic has varied according to the course of the pandemic in each of the three countries. At the same time, in the United States and Japan, interest in economic realities significantly exceeded interest in a pandemic, and in Russia, interest in a pandemic turned out to be incomparably higher. The initially high interest of the population in the pandemic began to decline sharply over time, but the popularity of economically oriented inquiries remains at a high level: a decrease in interest in theoretical problems and its strengthening in real economic situations have been revealed. The nature of thematic requests from users from the United States, Japan and Russia allows us to state that in the first two countries, inquiries on business problems have sharply increased, which is not typical of Russians, whose income is mainly determined by the state. At the same time, the benefits of an operational nature, presumably, can become concomitant causes of a possible strategic crisis both in the objective – economic and subjective – psychological terms.*

Keywords: *attitude to the economy, the coronavirus pandemic, search engines, economic and psychological resources of society, economic mentality, socio-cultural characteristics.*

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-18-00541.

For citation: Zhuravlev A.L., Kitova D.A. The Attitude of Internet Users to the Economy in a Pandemic: a Cross-Cultural Analysis. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 74–88. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130206>_ (In Russ.).

Введение

11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определила масштабы распространения коронавирусной инфекции как пандемию и призвала весь мир на борьбу с ней. Пандемия не только проявила себя в качестве специальной медицинской проблемы, но и затронула практически все *социальные сферы* жизнедеятельности людей во всем мире [5; 8; 13]. Так, социальные ограничения и введение требований санитарной безопасности вызвали волну политических протестов в Америке, Германии, Франции и ряде других стран мира, политические лидеры столкнулись с необходимостью внеплановых расходов бюджетных средств на поддержание жизнеспособности населения, бизнеса и государства¹ (*политический аспект*). Сотни тысяч людей остались без работы, предприятия сферы услуг в своем большинстве были вынуждены практически прекратить свою деятельность, экономика во многих странах оказалась на грани коллапса, а разработка вакцин породила жесткую конкуренцию на фармацевтическом рынке (*экономический аспект*). Образовательные учреждения в спешном порядке (без должной подготовки) переводились на дистанционные формы обучения, руководители частных и государственных медицинских учреждений регистрировали медицинский персонал в единой государственной системе, наделе-

ние самоорганизовывалось для оказания поддержки пожилым людям, нуждающимся в помощи волонтеров (*социальный аспект*). Правительства призывали граждан своих стран ответственно относиться к соблюдению карантинных мер и обязательному использованию средств индивидуальной защиты, также звучали призывы не поддаваться панике, не игнорировать требования медиков (*психологический аспект*) [15; 16]. Полиция с трудом справлялась с увеличением случаев домашнего насилия, а Генеральный секретарь ООН призвал все страны усилить поддержку жертв насилия в семье в период пандемии (*правовой аспект*) [20].

Представленное исследование направлено на анализ особенностей отношения населения к экономическим явлениям в период развития пандемии коронавируса. С целью более полного понимания происходящих в России экономико-психологических процессов рассмотрены аналогичные события, происходившие в двух других странах мира, имеющих специфическую (отличную от российской) социально-культурную историю становления и развития экономик — это США и Япония.

Методологические подходы и методы исследования

Россия является лидером в международном рейтинге стран с самыми бо-

¹ В России, по официальным данным, они составили в 2020 году 2,86 трлн рублей, что составляет 12,5% общих расходов бюджета.

гатыми природными ресурсами [19]², но уровень жизни россиян на протяжении многих лет остается недостаточно высоким, а по оценкам самих россиян, отрицательная динамика жизни проявляется по большому числу социально-экономических показателей [11]. В свою очередь, в экономических исследованиях выявлено, что Россия по уровню жизни населения занимает 96-е место в мире, а по Индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) — 43-е [3]. Вместе с тем полученные в последние годы научные данные показывают наличие непосредственной связи между экономическими и психологическими факторами развития общества. Так, Всемирный обзор ценностей, проведенный в лонгитюдном режиме на территории 97 стран, показал, что качество жизни населения коррелирует со сложившимися у него ценностными ориентациями [17]. Тем не менее характерные особенности и конкретные взаимосвязи экономических и психологических факторов современная наука еще не сумела раскрыть в полной мере и сколь-нибудь подробно описать их [6; 7; 9; 12]. Предполагается, что обращение к массовым (многомиллионным) запросам пользователей интернет-ресурсов позволит выявить такого рода отличительные особенности в характере отношения населения разных стран к экономике, которые обостряются в условиях пандемии и вызванного ею мирового экономического кризиса. Данная позиция выступила *гипотезой* исследования. Исследование носит поисковый характер.

Если рассматривать искомые психологические факторы в рамках теоретических представлений о менталитете как образ мыслей, свойственный определенной этнической или общественной группе,

проявляющийся в виде эмоциональных, культурных, интеллектуальных особенностей отношения народа к социальным явлениям и характеризующий его отличие от других общностей, то *экономический менталитет* можно рассматривать как внутреннюю модель экономического мира личности, посредством которой осуществляется познание и преобразование экономической действительности, что проявляется в отношении к экономическим явлениям. Концептуально исследование выстраивается в рамках теории отношений, основным принципом которой является изучение различных объектов в процессе взаимоотношений с окружающей средой [4; 5; 9].

Таким образом, выявление характерных особенностей отношения россиян к экономическим явлениям, имеющим место в современном обществе в условиях пандемии коронавируса, выступает *целью* проведенного исследования. Основной задачей исследования выступает анализ общероссийских, не свойственных представителям других стран мира, социокультурных особенностей отношения к экономике. С *методологической* позиции важно акцентировать внимание на развитии интернета как *ресурса* психологических исследований [1; 4] с широкими возможностями для изучения массовых явлений, «*релевантных обществу* в целом» [2; 10; 14].

Анализ интереса к пандемии в поисковой системе Google

Методологические подходы и методы исследования. Для выявления характерных особенностей отношения населения к коронавирусной инфекции можно обратиться к web-приложению корпорации

² Со стоимостью природных ресурсов 75,7 трлн долларов.

Google, которая представлена публичным ресурсом Google Trends. Приложение показывает, в какой мере определенный термин востребован в интернет-пространстве относительно общего объема поисковых запросов. Кроме того, приложение позволяет фиксировать популярность слова с визуализацией по регионам: по всему миру, конкретным континентам, определенным странам, отдельным регионам внутри страны. Особенности экономико-ориентированных запросов (избранных слов) изучались в двух информационных режимах: «по всему миру» (1) и по конкретным странам (2) — «Россия», «США» и «Япония».

При добавлении новой площадки в Google Аналитик система генерирует уникальный идентификатор и код отслеживания событий, в том числе статистические отклонения по числу пользователей за один месяц. На первом этапе система выбирает период обучения для своей модели прогнозирования: 90 дней для обнаружения ежедневных отклонений и 32 недели — для еженедельных. На втором этапе к первичным данным применяется байесовская модель пространственно-временного ряда для прогнозирования значения последней наблюдаемой точки данных во временном ряде. На третьем — помечает точку данных как отклонение, используя тест статистической значимости с порогом Р-значения на основе количества данных в представлении.

Для изучения специфики запрашиваемой информации о характерных особенностях отношения населения к экономическим ситуациям были запланированы четыре этапа анализа, которые отражают первоначальный период протекания пандемии (когда интерес к ней был макси-

мальным) и способствуют разрешению следующих задач:

— выявить характер общего интереса³ населения к коронавирусной инфекции в анализируемых странах и в мире в целом (Россия, США, Япония);

— проанализировать популярность запросов по поисковым терминам «экономика», «бизнес» и «работа» (наемная работа) в условиях пандемии, выявить соотношение интереса к экономическим явлениям и к коронавирусной инфекции;

— произвести *структурно-содержательный* анализ экономико-ориентированных запросов и их количественных показателей;

— выделить и произвести оценку *типовых* и *нестандартных* запросов, свойственных представителям конкретных стран;

— обобщить итоговые данные и описать *национальную специфику* полученных результатов.

Эмпирические результаты исследования. Обращение к приложению Google Trends в режиме «по всему миру» показало, что запрос «коронавирус» с 1 января по 31 июня 2020 года обрел высокую популярность как во всем мире, так и в каждой из трех анализируемых стран мира (рис. 1). Важно отметить, что числа на рисунке показывают уровень интереса к термину «коронавирус» в конкретный период времени, что определяется как динамика популярности: 0 баллов указывает на наименьший уровень интенсивности запросов, 100 баллов — на наивысший. Первая позиция связана с тем, что высокий уровень интереса к распространению коронавирусной инфекции свойственен всем трем странам. Как видно из рис. 1, запросы с термином «ко-

³ Понятие «отношение» в психологии отражает внутреннюю сторону связи человека с реальностью, содержательно характеризующую личность как активного субъекта жизнедеятельности, с его избирательным характером внутренних переживаний и внешних действий, которые (внешние действия) первоначально проявляются в форме интереса к объективным явлениям реального мира.

ронавирус» в поисковой системе Google со второй половины января 2020 года стали быстро набирать популярность, в конце апреля они достигли своего пика (100 баллов) как во всем мире, так и в России, США и Японии, а в мае и июне 2020 года они стали терять свою интенсивность и сохранились на отметке менее 20 баллов, т.е. на стабильно невысоком уровне по сравнению с пиковым интересом в период «первой волны» пандемии. Также из рис. 1 очевидно, что как для России, так и для США запрос «коронавирус» имеет соотносимую с мировыми запросами динамику популярности: начало интереса, достижение плато и его спад⁴. Поскольку в Японии удавалось

блокировать пандемию с первых ее дней, соответственно, и интерес к ней отражает специфические для этой страны тенденции развития, которые не были характерны для России, США и большинства стран мира в целом.

Вместе с тем основная задача представляемого исследования связана с необходимостью анализа соотношения интереса к коронавирусной инфекции с запросами пользователей экономического содержания. Напомним, что для рассмотрения нами выбраны три слова — это непосредственно «экономика» и две ведущие формы экономической деятельности современного человека — «бизнес» и «работа».

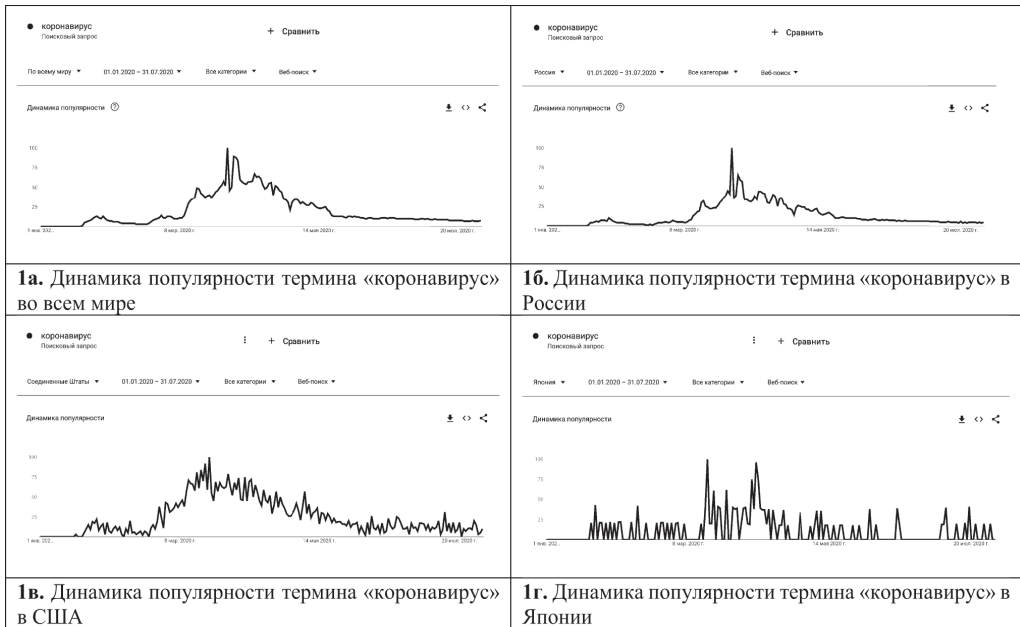

Рис. 1. Динамика популярности термина «коронавирус» в поисковой системе Google в период с 01.01.2020 по 31.07.2020, %

⁴ Проведенные ранее исследования позволили выявить, что популярность запросов «коронавирус» на начальном этапе развития пандемии имеет две ведущие тенденции: привязанность к эпидемиологической ситуации в определенном регионе (страна, округ, город и т.д.) и прямо пропорциональную связь между интенсивностью интереса к пандемии коронавируса и количеством смертей на территории проживания/пребывания пользователей (подробнее см. [1]).

Как видно из рис. 2а, интерес к проблемам распространения пандемии в режиме «по всему миру» даже в пиковый период пандемии не смог превзойти интерес жителей планеты к «работе», при этом популярность запроса «работа» на начальном этапе пандемии заметно снизилась, а к концу июля того же года хотя и возросла, но уже не вышла на характерный до пандемии уровень популярности. Это, скорее, связано с нежеланием основной массы людей экспериментировать с поиском новой работы в условиях кризиса. При этом популярность запросов «экономика» в условиях пандемии практически не изменилась.

Если рассматривать ситуацию отдельно по странам, то в США запросы по слову «работа» соответствовали характеру общемировых тенденций и мало чем от них отличались, но вот интерес к «бизнесу» в условиях пандемии в стране заметно усилился (рис. 2в). Сложившуюся тенденцию можно рассматривать как поиск американцами дополнительного заработка в условиях пандемии, а также как желание уберечь уже имеющийся бизнес от возможных проблем в динамично изменяющихся условиях «коронакризиса». Второй особенностью запросов в США является ничтожно малая, по сравнению с общемировым характером запросов, популярность запроса «коронавирус», хотя, как мы видели выше, интерес к пандемии сам по себе достигал высших показателей. Здесь важно отметить, что интерес к коронавирусной инфекции несопоставим с соответствующим интересом американцев к работе, экономике и бизнесу, который как до пандемии, так и в условиях ее протекания (в условиях прямых угроз жизни и здоровью населения) чрезвычайно высок. Полученная информация позволяет констатировать,

что повышенное внимание американцев к экономическим явлениям имеет приоритетное значение при любых, даже чрезвычайных, ситуациях. Это суждение можно подтвердить также, опираясь на ранее полученную информацию о том, что поисковые системы Google и Яндекс за всю историю своего существования не фиксировали столь повышенного внимания пользователей к событиям, которое было проявлено к проблемам распространения коронавирусной инфекции (подробнее см. [2]).

В Японии, как и в Америке, интерес к пандемии также не очень высок на фоне экономико-ориентированных запросов. Разница проявляется лишь в том, что «лидером популярности» среди анализируемых слов в этой стране является «бизнес», а запросы «экономика» и «работа» практически соотносимы друг с другом и незначительно уступают популярности запросов по бизнесу. К примеру, разрыв между наиболее популярным запросом «работа» и запросами «экономика» и «бизнес» во всем мире и в Америке очевиден: в частности, кривые запросов не пересекаются между собой (см. рис. 2а, 2в). В Японии же (рис. 2г) запросы «экономика», «бизнес» и «работа» тесно переплетены между собой, несмотря на некоторое доминирование запросов по бизнесу.

Россия демонстрирует результаты, несопоставимые как с общемировыми трендами, так и с характером интереса к экономической проблематике пользователей США и Японии. Как видно из рис. 2б, у россиян интерес к экономическим факторам на фоне популярности запроса «коронавирус» незначителен: неразличим настолько, что в заданном для всех стран масштабе особенности проявляемого россиянами интереса к экономическим реалиям жизнедея-

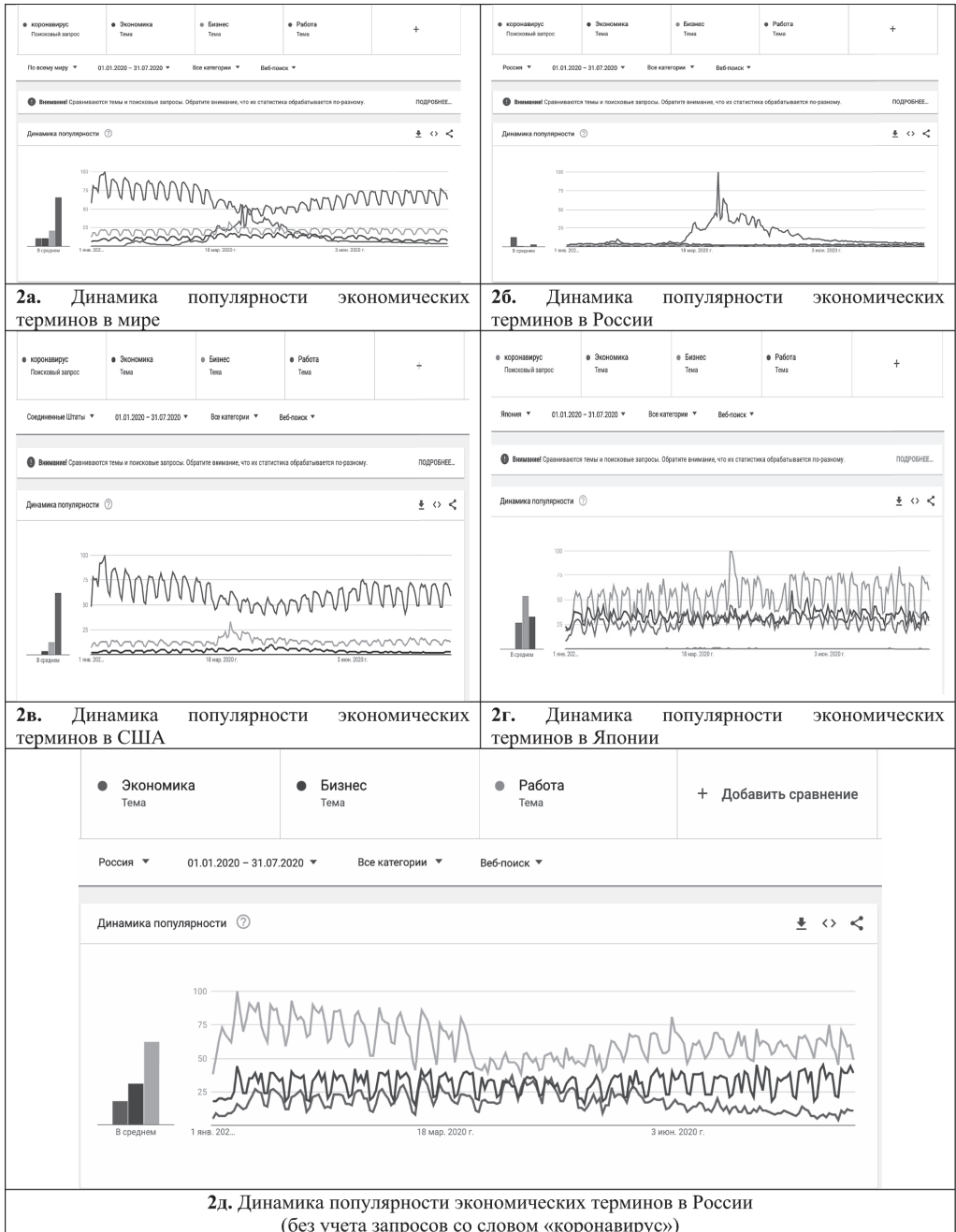

Рис. 2. Динамика популярности терминов «коронавирус», «экономика», «бизнес» и «работа» в поисковой системе Google в период с 01.01.2020 по 31.07.2020, %

тельности человека и общества трудно разглядеть на графике. Для изучения характера российских запросов по экономике нами произведен дополнительный «срез» тех же самых запросов по анализируемому экономическим терминам в изучаемый период времени, но без учета запросов «коронавирус» (см. рис. 2д). Из такого «повторного» рисунка очевидно, что общероссийские тенденции запроса экономических терминов соответствуют общемировым тенденциям: происходит снижение запросов по термину «работа», немного усиливается интерес к «бизнесу» и заметно уменьшается интерес к экономике как социальному явлению. Это можно объяснить тем, что в условиях пандемии происходит сужение сферы интересов населения до уровня индивидуальных проблем, что является закономерным в условиях чрезвычайных ситуаций. Также можно предположить, что снижение запросов «работа» аналогично запросам из других стран, что связано с необходимостью «переждать» пандемию, чтобы не ухудшить уже сложившиеся условия жизни. Усиление интереса к бизнесу сопряжено с поиском дополнительных источников доходов, чему мог способствовать и дистанционный режим работы, который предоставил новые возможности для самостоятельного распределения рабочего времени.

Структурно-содержательный анализ поисковых запросов

Для дальнейшего анализа проблемы важно обратиться к изучению *структуры* и содержания поисковых запросов. В составе функций web-приложения Google Trends существуют возможности для получения информации по чис-

лу показов не только с запрашиваемым словом, но и связанными с ним словами и словосочетаниями (например, «бизнес новости», «экономика России», «работа из дома» и т.д.). Такой подход позволяет определить наиболее популярные темы по исследуемому направлению. Наиболее популярным «словам-спутникам» система Google также присваивает 100 баллов (см. выше), менее популярные словосочетания, соответственно, получают меньше баллов. Ученные в соответствии с приведенным принципом данные представлены в таблице.

Как видно из таблицы, экономические интересы пользователей из всех трех стран во многом схожи между собой. Всем интересны теоретические проблемы экономики, экономическое состояние своей страны (страны проживания), экономика Китая, деятельность ведущих учебных заведений экономического профиля в стране, мировая экономика, новости экономики.

Вместе с тем в характере интересов пользователей существуют и различия. Так, в Соединенных Штатах высоко популярны запросы, связанные с экономическим влиянием и экономическими мерами государства, включая меры по противодействию пандемии. Интересы американцев можно объединить под общим названием «живая экономика», или «тенденции американской экономики». Японцы, в свою очередь, заинтересованы в информации об экономике Кореи, а также им присущ интерес к тонкостям экономического взаимодействия и экономической деятельности. Такого рода интерес находится в русле приоритетов предпринимательской деятельности, где взаимная выгода и этика отношений выступают ведущими факторами успеха.

Таблица

**Структурно-содержательные показатели популярности термина «экономика»
в поисковой системе Google, 01.01.2020–31.07.2020**

ВСЕ КАТЕГОРИИ						
№ п\п	Россия	Баллы	Япония	Баллы	США	Баллы
1.	экономика	100	経済 – экономика ⁵	100	economy – экономика	100
2.	экономика это	13	経済 コロナ – экономика корона	17	economic – экономический	60
3.	economy	9	日本 経済 – японская экономика	11	the economy – экономика	45
4.	экономика России	7	経済 大学 – экономический университет	10	economic impact – экономическое влияние	13
5.	новости экономики	7	経済 学 – экономика	9	what is economy – что такое экономика?	13
6.	рыночная экономика	5	経済 と は – что такое экономика?	9	us economy – экономика США	11
7.	экономический рост	5	経済 対策 – экономические меры	7	market economy – рыночная экономика	8
8.	ВВП	5	経済 ニュース – экономика новости	5	coronavirus economy – коронавирус экономика	7
9.	мировая экономика	4	世界 経済 – мировая экономика	4	China economy – экономика Китая	7
10.	что такое экономика	4	コロナ ウイルス 経済 – коронавирус экономика	4	economic system – экономическая система	6
11.	экономический кризис	4	日本 の 経済 – экономика Японии	4	trump economy – Трамп экономика	5
12.	экономическая система	3	コロナ 経済 対策 – антикоронавирусные меры в экономике	3	world economy – мировая экономика	5

Россиян, в свою очередь, выделяет интерес к ВВП (валовому внутреннему продукту) и темпам экономического роста в стране, что напрямую связано с уровнем жизни населения. Также необходимо отметить ориентацию российских пользователей на теоретические проблемы экономики, никак не связан-

ные с происходящими реальными событиями, например, пандемией.

Обсуждение результатов

Как известно, в период роста экономики бизнес интенсивно развивается,

⁵ В таблице приведен перевод на русский язык запросов пользователей поисковой системы Google из Японии и США.

а его собственники и сотрудники получают стабильный доход [18]. В условиях кризиса бизнес — это всегда риск, который связан не только с возможным снижением доходов его участников, но и банкротством предприятия, частичным сокращением/ликвидацией штата. Такая ситуация вызывает пристальное внимание населения именно к экономическим процессам, особенно в условиях кризисов [3; 9; 11], чем и объясняется внимание к экономике со стороны пользователей поисковых систем в странах с высоким уровнем частного капитала. К примеру, в США в условиях пандемии около 90 миллионов человек остались без работы [1]. В Японии, которая изначально является экономикой, ориентированной на интеллектуальный капитал, интерес пользователей был закономерно связан с проблемами бизнеса.

В России сложилась иная ситуация. Если объединить под понятием «бюджетники» всех работающих в государственных структурах и корпорациях россиян, а также лиц, задействованных в исполнении государственных заказов/проектов, общая доля населения в этом секторе составит 51,8%⁶. Количество лиц, реально задействованных в поддержании негосударственного сектора экономики страны, по разным подсчетам, составляет лишь 23,5% от численности работающего населения. Таким образом, большая часть россиян в условиях распространения пандемии фактически сохранила свои доходы (зарплаты), т.к. во время кризиса государство оказывается наиболее устойчивым субъектом экономики, а сотрудники государственных структур становятся наименее уязвимой частью населения [12; 17]. Такая особенность

развития экономики России сказалась на том, что в слабо изменившихся экономических условиях населению было важно сохранить свое здоровье.

Выводы

Исходя из представленных результатов исследования, можно сформулировать следующие выводы.

Интерес населения к коронавирусной инфекции оказался чрезвычайно высоким, но по мере понимания природы вируса и способов противодействия ему он стал резко снижаться, что можно объяснить, опираясь на теории чрезвычайных ситуаций, как привыкание к новым условиям проживания и уяснение необходимых мер профилактики.

Популярность экономико-ориентированных запросов (в частности, с терминами «экономика», «бизнес» и «работа») в условиях пандемии сохранилась на высоком уровне, хотя при этом проявилось снижение общего интереса населения к абстрактным (теоретическим) проблемам экономики и поиску новой работы.

Структурно-содержательный анализ экономико-ориентированных запросов и их сравнение с запросами «коронавирус» показали, что характер общего интереса населения к коронавирусной инфекции в различных странах (Россия, США, Япония) имеет специфические особенности.

Соотнесение разных тематических запросов пользователей из конкретных стран позволяет констатировать как общие (популярность запросов «экономика» в условиях пандемии практически не изменилась), так и специфические тенденции. Так, в США и Японии воз-

⁶ Здесь же можно сказать о пенсионерах и несовершеннолетних, которые не участвуют в формировании бюджета страны.

росли запросы по проблемам бизнеса, а в России внимание пользователей больше концентрировалось на пандемии.

Обобщение результатов исследования позволяет констатировать, что интерес к экономическим явлениям среди американцев и японцев, как и во всем мире в целом, имеет преобладающее значение при любых, даже чрезвычайных ситуациях, что не свойственно россиянам, доходы большей части которых мало зависят от рыночной конъюнктуры, а в основном определяются государством.

Заключение

Если перейти к социальным прогнозам на основе представленной информации, то предположительно можно отметить угрозы, связанные со сложившейся ситуацией. С экономической точки зрения отстраненность большей части россиян (как объективная, так и субъективная) от рыночных процессов свидетельствует об ограниченном использовании государством возможностей

человеческого капитала — самого главного фактора формирования ведущих экономик мира. С психологической точки зрения фактором усиления субъективного благополучия населения выступает сдвиг от ценностей выживания к ценностям самореализации, что проявляется возрастанием чувства уверенности, веры в возможность влиять на мир и др. Как показали результаты социологических исследований [11], россияне далеки от таких эмоциональных переживаний. Оба фактора, взятые вместе, позволяют говорить сдержанно о позитивном характере стратегических прогнозов как в развитии экономики России, так и в возрастании субъективного благополучия населения. Сложившаяся ситуация с целью ее улучшения требует самого пристального изучения психологических детерминант низкого (относительно США и Японии) интереса россиян к проблемам бизнеса, что выступает *перспективным* планом дальнейших исследований. Полученная информация требует дополнительного внимания со стороны науки и социальной практики, включая представителей органов государственной власти.

Литература

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Стратегии совладания, психологическое благополучие и проблемное использование интернета в период пандемии // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 31–40. DOI:10.17759/pse.2020250603
2. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Анализ интереса населения к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 5–18. DOI:10.31857/S020595920010383-7
3. Индексы и индикаторы человеческого развития [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 20.08.2020).
4. Китова Д.А. Отечественная психология в условиях развития глобальных процессов // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 128–131.
5. Луковцева З.В. Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психопсихиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 13–25. DOI:10.17759/sps.2020110402
6. Малюкова О.В. Структурные компоненты экономического сознания // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 9. С. 163–164.

7. Магера Т.Н. Психология денег в условиях социальной изоляции // Экономика и предпринимательство. 2020. № 4(117). С. 59–61.
8. Польская Н.А., Развалыева А.Ю. Межличностная чувствительность в период самоизоляции: роль в выборе мер социального дистанцирования // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 63–76. DOI:10.17759/pse.2020250606
9. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 448 с.
10. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы. М.: Изд-во «ИП РАН», 2020. 503 с.
11. О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан [Электронный ресурс] // Отчет по итогам массового социологического исследования. М., 2019. URL: <https://www.bankdelo.ru/news/100in1/pub/2570> (дата обращения: 16.10.2019).
12. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Изд-во «АСТ», «Ермак», 2004. 730 с.
13. Arden M.A., Chilcot J. Health psychology and the coronavirus (COVID-19) global pandemic: a call for research // British Journal of Health Psychology. 2020. Vol. 25(2). P. 231–232. DOI:10.1111/bjhp.12414
14. Barros J.M., Melia R., Francis K., Bogue J., O'Sullivan M., Young K., Bernert R.A., RebholzSchuhmann D., Duggan J. The Validity of Google Trends Search Volumes for Behavioral Forecasting of National Suicide Rates in Ireland // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16(17). 3201 p. DOI:10.3390/ijerph16173201
15. Forte G., Favieri F., Tambelli R., Casagrande M. The Enemy Which Sealed the World: Effects of COVID-19 Diffusion on the Psychological State of the Italian Population [Электронный ресурс] // Journal of Clinical Medicine. 2020. Vol. 9. № 6. P. 1802. DOI:10.3390/jcm9061802
16. Holmes E.A. et al. Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: a call for action for mental health science // Lancet Psychiatry. 2020. Vol. 7(6). P. 547–560. DOI:10.1016/S2215-0366(20)30168-1
17. Inglehart R., Welzel C. Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. N.-Y.: Cambridge University Press, 2005. 464 p.
18. Schultze T., Huber J., Kirchler M., Mojzisch A. Replications in Economic Psychology and Behavioral Economics // Journal of Economic Psychology. 2019. Vol. 75(5): 102199. DOI:10.1016/j.joep.2019.102199
19. The World's Most Resource-Rich Countries [Электронный ресурс]. URL: <https://247wallst.com/special-report/2012/04/18/the-worlds-most-resource-rich-countries> (дата обращения: 23.08.2020).
20. UN Policy Brief: COVID-19 and the need for action on mental health. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-05/UN-Policy-Brief-COVID-19-and-mental-health.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

References

1. Gerasimova A.A., Kholmogorova A.B. Strategii sovladaniya, psikhologicheskoe blagopoluchie i problemnoe ispol'zovanie interneta v period pandemii [Coping strategies, psychological well-being and problematic use of the Internet during a pandemic]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 31–40. DOI:10.17759/pse.2020250603 (In Russ.).
2. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Analiz interesa naseleniya k informatsii o pandemii koronavirusa (na primere pol'zovatelei poiskovykh sistem interneta) [Analysis of public interest in information about the coronavirus pandemic (using the example of Internet search engine users)]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2020. Vol. 41, no. 4, pp. 5–18. DOI:10.31857/S020595920010383-7 (In Russ.).

3. Indeksy i indikatoriy chelovecheskogo razvitiya [Human Development Indices and Indicators]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (Accessed 20.08.2020). (In Russ.).
4. Kitova D.A. Otechestvennaya psikhologiya v usloviyakh razvitiya global'nykh protsessov [Domestic psychology in the context of the development of global processes]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 2019. Vol. 40, no. 2, pp. 128–131. (In Russ.).
5. Lukovtseva Z.V. Pandemiya COVID-19 kak sotsial'nyi stressor: faktory psikhologopshikhiatricheskogo riska (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [The COVID-19 pandemic as a social stressor: psychological and psychiatric risk factors (based on foreign studies)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 13–25. DOI:10.17759/sps.2020110402 (In Russ.).
6. Malyukova O.V. Strukturnye komponenty ekonomicheskogo soznaniya [Structural components of economic consciousness]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Simvol nauki» = International scientific journal “Symbol of Science”*, 2016, no. 9, pp. 163–164. (In Russ.).
7. Magera T.N. Psikhologiya deneg v usloviyakh sotsial'noi izolyatsii [Psychology of money in conditions of social isolation]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2020, no. 4(117), pp. 59–61. (In Russ.).
8. Pol'skaya N.A., Razvalyayeva A.Yu. Mezhlichnostnaya chuvstvitel'nost' v period samoizolyatsii: rol' v vybore mer sotsial'nogo distantsirovaniya [Interpersonal sensitivity during the period of self-isolation: the role in the choice of measures of social distancing]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 63–76. DOI:10.17759/pse.2020250606 (In Russ.).
9. Psikhologicheskie issledovaniya global'nykh protsessov: predposylki, tendentsii, perspektivy [Psychological research of global processes: preconditions, trends, prospects]. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2018. 448 p. (In Russ.).
10. Psikhologicheskie issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovyie sistemy, sotsial'nye seti, elektronnyie bazy [Psychological research in the Internet space: search engines, social networks, electronic databases]. Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2020. 503 p. (In Russ.).
11. O nasushchnykh problemakh nashei zhizni i vzaimodeistviiy regul'yatorov, biznesa i grazhdan / Otchet po itogam massovogo sotsiologicheskogo issledovaniya [On the pressing problems of our life and the interaction of regulators, business and citizens]. Moscow, 2019. URL: <https://www.bankdelo.ru/news/100in1/pub/2570> (Accessed 16.10.2019). (In Russ.).
12. Fukuyama F. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Moscow: Publ. «ACT», «Ermak», 2004. 730 p. (In Russ.).
13. Arden M.A., Chilcot J. Health psychology and the coronavirus (COVID-19) global pandemic: a call for research [Health psychology and the coronavirus (COVID-19) global pandemic: a call for research]. *British Journal of Health Psychology*, 2020. Vol. 25(2), pp. 231–232. DOI:10.1111/bjhp.12414
14. Barros J.M., Melia R., Francis K., Bogue J., O'Sullivan M., Young K., Bernert R.A., RebholzSchuhmann D., Duggan J. The Validity of Google Trends Search Volumes for Behavioral Forecasting of National Suicide Rates in Ireland [The Validity of Google Trends Search Volumes for Behavioral Forecasting of National Suicide Rates in Ireland]. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019. Vol. 16(17), 3201 p. DOI:10.3390/ijerph16173201
15. Forte G., Favieri F., Tambelli R., Casagrande M. The Enemy Which Sealed the World: Effects of COVID-19 Diffusion on the Psychological State of the Italian Population [Elektronnyy resurs]. *Journal of Clinical Medicine*, 2020. Vol. 9, no. 6, p. 1802. DOI:10.3390/jcm9061802
16. Holmes E.A. et al. Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: a call for action for mental health science. *Lancet Psychiatry*, 2020. Vol. 7(6), pp. 547–560. DOI:10.1016/S2215-0366(20)30168-1
17. Inglehart R., Welzel S. Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. New York: Publ. Cambridge University Press, 2005. 464 p.

18. Schultze T., Huber J., Kirchler M., Mojzisch A. Replications in Economic Psychology and Behavioral Economics. *Journal of Economic Psychology*, 2019. Vol. 75(5): 102199. DOI:10.1016/j.joep.2019.102199
19. The World's Most Resource-Rich Countries [Elektronnyi resurs]. URL: <https://247wallst.com/special-report/2012/04/18/the-worlds-most-resource-rich-countries> (Accessed 23.08.2020).
20. UN Policy Brief: COVID-19 and the need for action on mental health. 2020 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-05/UN-Policy-Brief-COVID-19-and-mental-health.pdf> (Accessed 15.07.2020).

Информация об авторах

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Китова Джульетта Альбертовна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Information about the authors

Anatoly L. Zhuravlev, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2555-7599>, e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Dzhuletta A. Kitova, Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher, Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8185-3974>, e-mail: j-kitova@yandex.ru

Получена 18.05.2021

Received 18.05.2021

Принята в печать 15.04.2022

Accepted 15.04.2022

Социальные аксиомы и страх перед COVID-19: мультигрупповой анализ связи у студенческой молодежи трех стран

Муращенкова Н.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Цель. Анализ выраженности страха COVID-19, иерархии социальных аксиом и эквивалентности связей между этим страхом и социальными аксиомами у студентов-миллениалов — граждан государств постсоветского пространства с различными стратегиями противодействия пандемии.

Контекст и актуальность. В условиях пандемии риск травматизации страхом COVID-19 ставит задачи мониторинга выраженности данного страха у различных социально-демографических групп, а также выявления психологических факторов, снижающих его уровень.

Дизайн исследования. Эмпирические данные были собраны в ходе онлайн-опроса в период с января по апрель 2021 года. Анализ различий проводился с помощью U-критерия Манна-Уитни. Характер и эквивалентность связей определялись с помощью мультигруппового моделирования структурными уравнениями (MGSEM).

Участники. Русскоговорящие студенты университетов — граждане Беларуси (208 человек, 25% мужчин), Казахстана (200 человек, 26% мужчин) и России (250 человек, 25% мужчин) в возрасте от 18 до 25 лет.

Методы (инструменты). Онлайн-анкета включала краткую версию методики «Опросник социальных аксиом» (ОСА-31), разработанную А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой, Шкалу страха COVID-19 (FCV-19S), апробированную на русскоязычной выборке А.Д. Резником с коллегами, а также ряд вопросов, выявляющих социально-демографические параметры респондентов.

Результаты. Страх перед COVID-19 у казахстанских и белорусских студентов выше, чем у российских. Для студентов трех стран характерна идентичность иерархической структуры социальных аксиом и инвариантность связей страха перед COVID-19 с аксиомами «контроль судьбы» (положительная связь) и «социальная сложность» (отрицательная связь).

Основные выводы. Страх перед COVID-19 в большей степени выражен у молодежи стран с наиболее слабыми и наиболее сильными ограничительными мерами в период пандемии. Студенты-миллениалы проявляют большую приверженность аксиомам «награда за усилия» и «социальная сложность», нежели аксиомам «социальный цинизм», «религиозность» и «контроль судьбы». Принятие сложности и противоречивости социального мира наряду с отрицанием тотального контроля судьбы над жизнью человека могут рассматриваться как психологические ресурсы профилактики страха перед COVID-19 в молодежной среде.

Ключевые слова: социальные аксиомы, страх перед COVID-19, студенческая молодежь, белорусская молодежь, казахстанская молодежь, российская молодежь, поколение миллениалов, мультигрупповой анализ.

Финансирование. В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитаты: Мурашченкова Н.В. Социальные аксиомы и страх перед COVID-19: мультигрупповой анализ связи у студенческой молодежи трех стран. 2022. Том 13. № 2. С. 89–108. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130207>

Social Axioms and Fear of COVID-19: a Multigroup Analysis of the Relationship among Student Youth of the three Countries

Nadezhda V. Murashchenkova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Objective. *In our study we implemented analysis of the COVID-19 fear, the hierarchy of social axioms and the equivalence of the relationships between fear of COVID-19 and social axioms among students-millennials, citizens of post-Soviet States with different strategies for dealing with the pandemic.*

Background. *The risk of being traumatized by fear of COVID-19 requires monitoring of this fear manifestation among different socio-demographic groups. It is additionally important to identify the psychological factors that reduce fear.*

Study design. *Empirical data were collected through the online survey from January 2021 to April 2021. The data were processed using Mann-Whitney U-criterion as well as multigroup structural equation modeling (MGSEM).*

Participants. *Russian-speaking university students aged 18 to 25 participated in the study. They were citizens of Belarus (208 respondents, 25% men), Kazakhstan (200 respondents, 26% men) and Russia (250 respondents, 25% men).*

Measurements. *The online questionnaire included the Fear of COVID-19 Scale (FCV-19S), tested on the Russian-language sample by A. Reznik with colleagues, and the “Social Axiom Questionnaire” (QSA-31), developed and tested by A.N. Tatarko and N.M. Lebedeva. Moreover, the online questionnaire included questions about socio-demographic characteristics.*

Results. *The study showed that the fear of COVID-19 is higher among Kazakhstanians and Belarusians than among Russians. Students of these countries have the same hierarchical structure of social axioms. Additionally they have the positive relationship of the COVID-19 fear to the social axiom “fate control” and the negative relationship of the COVID-19 fear to the social axiom “social complexity”.*

Conclusions. *Fear of COVID-19 is more prevalent among young people in countries with the weakest and most severe restrictive measures during the pandemic. Students-millennials are more focused on the axioms «reward for application» and «social complexity» than on the axioms «social cynicism», «religiosity» and «fate control». The belief in the complexity of the social world and the denial of total fate control over human life can be psychological resources of COVID-19 fear preventing among youth.*

Keywords: *social axioms, fear of COVID-19, student youth, Belarusian youth, Kazakhstani youth, Russian youth, millennial generation, multigroup analysis.*

Funding. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

For citation: Murashchenkova N.V. Social Axioms and Fear of COVID-19: a Multigroup Analysis of the Relationship among Student Youth of the three Countries. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 89–108. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130207> (In Russ.).

Введение

Страх перед COVID-19 как психологическое новообразование пандемии

COVID-19 поставил много важных задач перед учеными. Для психологов особенно актуальным стало определение факторов сохранения психологического здоровья и благополучия населения в условиях пандемии [10]. Эффективное решение данной задачи предполагает в том числе изучение психологических предикторов выраженности страха перед COVID-19 у представителей разных социально-демографических групп. Страх перед COVID-19 — психологическое новообразование пандемии, сложный многосоставной конструкт, который может включать в себя различные компоненты и измеряется различными психологическими инструментами [40].

Страх — это адаптивная реакция человека на опасность. Он может побуждать людей к осмотрительному поведению в период пандемии [20]. Но в ситуации длительного воздействия и/или чрезмерной выраженности страх перед COVID-19 способен оказывать крайне пагубное влияние как на здоровье отдельных людей, провоцируя развитие тревожных, депрессивных состояний, возникновение суицидальных мыслей, так и на общество в целом, способствуя распространению массовой паники, росту ксенофобии [14]. Ученые небезосновательно отмечают, что страхи, возникающие в условиях пандемии, являются не менее серьезной проблемой, чем сама пандемия [14]. В научной литературе уже описывается такой феномен современности, как «пандемия страха» [14]. В нынешних условиях страх перед COVID-19 особенно опасен тем, что способен усиливать ущерб от самой болезни.

Высокий уровень страха не позволяет людям ясно и рационально реагировать на вирус и его угрозу.

От возникновения страха перед коронавирусом заболеванием и его пагубных последствий не застрахован никто, в том числе и студенческая молодежь, признаваемая учеными группой риска с высокой вероятностью проявления неблагоприятных последствий пандемии [1; 25; 41]. Студенты всего мира столкнулись со значительными изменениями образа жизни (переход на дистанционное обучение, нарушение привычного академического распорядка, социальная изоляция, ограничение контактов со сверстниками и другие). Проведенный китайскими и канадскими учеными метаанализ 89-и современных научных исследований, посвященных оценке психологического состояния молодежи в пандемию, подтвердил рост тревожных и депрессивных симптомов, а также нарушений сна у студентов университетов разных стран [41]. Результаты исследований, проведенных на российской, белорусской и казахстанской студенческих выборках в 2020 году [21; 22; 23], свидетельствуют о том, что для трети молодых респондентов этих стран характерна высокая степень выраженности страха перед COVID-19. Таким образом, научные работы подтверждают, что молодежь может быть подвержена страху коронавирусного заболевания. В связи с этим задачи мониторинга выраженности страха перед COVID-19 у студентов разных стран, а также определения его предикторов становятся особенно актуальными.

Предикторами выраженности страха перед коронавирусом заболеванием могут быть как средовые, так и психологические факторы. При этом ученые-психологи [8] обосновывают значимость *комплексного* рассмотрения личностных

и средовых детерминант отношения людей к ситуации пандемии и беспокойства относительно коронавирусной инфекции. В разных странах и регионах государств фиксируется различная степень выраженности страха COVID-19, что связывают в том числе и с реализуемыми стратегиями противодействия пандемии (средовой фактор) [8; 16; 18]. Отмечается, что в странах и регионах с наиболее жесткими ограничительными мерами (введение режима чрезвычайного положения, обязательный карантин и др.) выраженность страха и беспокойства среди населения выше [16; 18]. В то же время М.А. Одинцова с коллегами на примере сравнения стратегий России и Беларуси демонстрируют, что отрицание пандемии на государственном уровне (как это было в Беларуси в 2020 году) также может приводить к росту страхов среди населения [8]. Опираясь на эти данные, можно предположить, что страх COVID-19 у российских студентов (столкнувшихся с режимом самоизоляции) будет выражен в меньшей степени, нежели у белорусов (длительное время находящихся в ситуации отрицания пандемии) и казахстанцев (столкнувшихся с введением режима чрезвычайного положения). Таким образом, мы ставим исследовательский вопрос: различается ли выраженность страха перед COVID-19 у студентов стран с различными стратегиями противодействия пандемии?

Вклад психологических факторов в переживание страха перед COVID-19 представителями различных групп населения не менее значим, чем вклад средовых факторов. Результаты современных исследований подтверждают наличие у молодежи специфических связей между страхом перед коронавирусом заболеванием и базовыми убеждениями [12], удовлетворенностью жизнью [27], не-

гативным аффектом, нейротизмом и экстраверсией [35], нетерпимостью к неопределенности [31], тревожными состояниями [39]. Однако при этом слабо представлены исследования, описывающие характер связи страха перед коронавирусом заболеванием с психологическими переменными социокультурного уровня. Так, например, проведенный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что на данный момент в отечественной и зарубежной психологии отсутствуют работы, раскрывающие характер связи страха перед COVID-19 с социальными аксиомами у молодежи. При этом многочисленные исследования демонстрируют, что социальные аксиомы являются мощными психологическими факторами, оказывающими влияние на отношение и поведение людей в различных сферах [34], в том числе и в сфере оценки риска заболеваний и формирования различных страхов [30; 42]. Таким образом, в условиях пандемии, охватившей весь мир, решение задачи нахождения универсальных (общих для представителей разных стран) социокультурных психологических факторов снижения страха COVID-19 становится особенно актуальным и может повысить эффективность психологической профилактики и коррекции неблагоприятных последствий пандемии на индивидуальном и социальном уровнях.

Социальные аксиомы как предикторы выраженности страха перед COVID-19

Согласно теории М. Бонда и К. Леунга социальные аксиомы — это «обобщенные верования о себе, социальной и физической среде, духовном мире, высказанные в форме утверждений об отношениях между реально существующими фактами или идеями» [36, с. 289]. Эти верования,

как и ценности в теории Ш. Шварца, могут рассматриваться как межкультурные характеристики [24] и фундаментальные психологические конструкты [13]. Они универсальны и определяют поведение и отношение людей в различных ситуациях [34]. М. Бонд и К. Леунг с коллегами выделили 5 измерений социальных аксиом, названных «социальный цинизм», «социальная сложность», «награда за усилия», «религиозность» и «контроль судьбы» [24]. «Социальный цинизм» предполагает негативный взгляд на природу человека и низкий уровень доверия социальным институтам. «Социальная сложность» связана с убежденностью в том, что существуют разные способы достижения целей, а поведение человека может варьироваться в разных ситуациях и быть противоречивым. «Награда за усилия» — это вера в то, что положительные результаты являются итогом приложения усилий, знаний и других ресурсов. «Религиозность» предполагает веру в существование высших сил и позитивное влияние религиозных практик на людей. «Контроль судьбы» связан с убежденностью в предопределенности жизненных событий наряду с возможностью улучшить судьбу, предпринимая определенные действия.

Социальные аксиомы обладают функциями, связанными с выживанием и адаптацией людей [24], что подтверждает возможность рассмотрения их в качестве предикторов выраженности страха перед COVID-19 в ситуации пандемии. Данные конструкты имеют познавательную (понимание мира), инструментальную (достижение цели) функции, а также функцию защиты Эго (сохранение самооценки) и функцию выражения человеческих ценностей [24]. Социальные аксиомы формируются в процессе социализации и зависят от личного опы-

та человека [36]. В связи с этим особую значимость приобретают вопрос трансмиссии социальных аксиом, а также изучение социальных аксиом у различных культурных и социально-демографических групп, в частности — у представителей поколений, социализирующихся в определенных условиях [17]. Результаты зарубежных исследований подтверждают межпоколенные различия в выраженности социальных аксиом, а также указывают на влияние социокультурного контекста на формирование обобщенных верований [17; 32]. При этом отмечается, что социальные аксиомы — это устойчивые образования и им присуща временная стабильность [37].

В своем исследовании мы обратились к изучению социальных аксиом у младших миллениалов Беларуси, Казахстана и России, чье рождение и детство пришлось на конец 1990-х — начало 2000-х годов. Это молодежь, никогда не жившая в СССР, но выросшая в независимых государствах постсоветского пространства, имеющих общую историю, тесные связи и общий язык. Попытка определить, существует ли сходство в общих взглядах на мир у молодых россиян и русскоговорящих представителей поколения миллениалов Беларуси и Казахстана, связана с решением более общей актуальной задачи по оценке единства и характера проявления различных социально-психологических феноменов у граждан бывшего СССР [2]. Как подчеркивают социологи, молодость младших миллениалов проходит без значительных потрясений в относительно стабильных условиях [6], но в то же время их ценности, образ жизни и контекст взросления заметно отличаются в сравнении с представителями других поколений [3; 6; 11]. Эти данные позволяют выдвинуть предположение о единстве иерархической

структуры социальных аксиом у студентов-миллениалов стран постсоветского пространства со схожими условиями социализации молодежи.

Современные исследования подтверждают значимую роль социальных аксиом в формировании отношения людей к пандемии COVID-19 [7; 26]. Так, на китайской выборке (18–85 лет) обнаружено, что более высокий уровень убежденности в контроле судьбы связан с более высоким восприятием риска COVID-19, а также с большей внутригрупповой предвзятостью к пациентам с COVID-19 в ситуации пожертвований [26]. Эти данные соотносятся с результатами более ранних исследований, согласно которым аксиома «контроль судьбы» положительно связана с выраженностью восприятия риска раковых заболеваний [42] и с тревогой относительно смерти [30]. Представленные результаты позволяют выдвинуть предположение о том, что социальная аксиома «контроль судьбы» может быть положительно связана со страхом перед COVID-19.

Относительно аксиомы «социальная сложность» мы выдвигаем предположение об отрицательной связи страха перед коронавирусом заболеванием и данным верованием у студенческой молодежи. Как отмечают М. Бонд с коллегами, аксиома «социальная сложность» связана с дифференцированным взглядом на проблемную ситуацию, тщательной ее оценкой и выработкой сбалансированных решений [19]. В связи с этим, вероятно, у человека, убежденного в сложности и многозначности мира, эмоциональная реакция на пандемию в форме страха может подвергаться критической оценке на когнитивном уровне, что будет способствовать снижению выраженности страха, в связи с чем и связь между страхом и данной аксиомой может быть отрицательной.

Мы не выдвигаем теоретических предположений о характере связи страха перед COVID-19 с аксиомами «социальный цинизм», «награда за усилия» и «религиозность» у молодежи в связи с разнообразностью представленных в научных исследованиях данных. С одной стороны, на выборке россиян в возрасте от 17 до 80 лет была обнаружена положительная связь между верой в конспирологические теории происхождения COVID-19 и аксиомой «социальный цинизм» [7], а также отрицательная корреляционная связь между верой в конспирологические теории и тревогой по поводу пандемии COVID-19. В то же время на китайской выборке (18–87 лет) выявлено, что аксиома «социальный цинизм» отрицательно, а «награда за усилия» положительно связаны с соблюдением мер предосторожности в отношении COVID-19 [15]. Опираясь на эти данные и учитывая тот факт, что опасения относительно коронавирусного заболевания стимулируют соблюдение мер предосторожности [1; 20], можно было бы предположить, что страх перед COVID-19 будет иметь отрицательную связь с аксиомой «социальный цинизм» и положительную связь с аксиомой «награда за усилия». Однако в более раннем исследовании [30] было показано, что аксиомы «социальный цинизм» и «награда за усилия» никак не связаны со страхом смерти — страхом, который во многом содержательно ассоциирован со страхом перед COVID-19. В связи с этим мы не выдвигаем гипотезы, а формулируем исследовательский вопрос: существует ли связь между страхом перед COVID-19 и аксиомами «социальный цинизм» и «награда за усилия» у студенческой молодежи?

Представленные в научной литературе данные о связи тревог и страхов молодежи с аксиомой «религиозность» и с религиозностью как психологическим

конструктом также неоднозначны. Так, например, в более раннем исследовании у гонконгских студентов обнаружена отрицательная связь аксиомы «религиозность» с тревогой относительно смерти [30]. Данные современных исследований свидетельствуют о положительной связи страха перед коронавирусом заболеванием с уровнем религиозности у студентов Беларуси, Казахстана и России [22; 23]. Описанные результаты в сочетании с объективно существующими взаимосвязями между страхом смерти и страхом перед COVID-19, а также между убежденностью в позитивном влиянии религиозных практик (аксиома «религиозность») и самой религиозностью не позволяют выдвинуть четкого теоретического предположения. В связи с этим мы формулируем исследовательский вопрос: существует ли связь между страхом перед COVID-19 и аксиомой «религиозность» у студенческой молодежи?

Таким образом, целью нашего эмпирического исследования стал анализ выраженности страха перед COVID-19, иерархии социальных аксиом и эквивалентности связей между этим страхом и аксиомами у студентов-миллениалов — граждан Беларуси, Казахстана и России (государств постсоветского пространства с различными стратегиями противодействия пандемии). Сформулированы две гипотезы.

1. Для русскоговорящих студентов-граждан Беларуси, Казахстана и России, как представителей поколения миллениалов, характерна общая иерархическая структура социальных аксиом.

2. Существуют общие универсальные связи между страхом перед COVID-19 и социальными аксиомами у русскоговорящих студентов-граждан Беларуси, Казахстана и России (аксиома «контроль судьбы» положительно, а аксиома «соци-

альная сложность» отрицательно связаны со страхом перед COVID-19; характер связей страха с аксиомами «социальный цинизм», «награда за усилия» и «религиозность» будет определен на основе полученных эмпирических данных).

Метод

Процедура сбора данных. Сбор эмпирических данных проводился в ходе анонимного онлайн-опроса на платформе anketolog.ru в период с января по апрель 2021 г. (так называемая «вторая волна пандемии») на фоне роста числа зараженных и погибших от коронавируса во всех трех исследуемых странах, согласно данным еженедельных эпидемиологических сводок Всемирной организации здравоохранения [43; 44].

Выборку исследования составила молодежь в возрасте от 18 до 25 лет — студенты университетов Беларуси, Казахстана и России со следующими направлениями специализации: гуманитарная, техническая, экономическая (соответственно по выборкам: 87,50%, 8,17%, 4,33% (Беларусь); 68,50%, 22,50%, 9,00% (Казахстан), 70,40%, 8,00%, 21,60% (Россия)). Все респонденты являлись русскоговорящими гражданами соответствующих стран. Это была выборка согласных, вознаграждение за участие в опросе не предусматривалось (табл. 1).

Помимо основной задачи по анализу характера и эквивалентности связей социальных аксиом и страха перед COVID-19 у студентов разных стран при формировании выборки учитывались и дополнительные задачи. В связи с этим, с одной стороны, выборку составили представители поколения младших миллениалов, родившиеся в конце 1990-х — начале 2000-х годов. С другой стороны,

Таблица 1

Параметры выборки

Страны (города)	Количество респондентов	Возраст (Mean/SD)	Количество мужчин (%)	Количество проживающих в столице (%)
Беларусь (Минск, Витебск, Гродно)	208	19,80/1,91	52 (25%)	68 (33%)
Казахстан (Нур-Султан, Павлодар, Усть-Каменогорск)	200	20,54/1,89	52 (26%)	62 (31%)
Россия (Москва, Санкт-Петербург, Пенза, Смоленск, Омск, Хабаровск)	250	20,03/1,51	63 (25%)	115 (46%)

это были русскоговорящие граждане государств с различиями в стратегиях противодействия пандемии и степени строгости ограничительных мер. На этапе, предшествующем сбору данных (2020 г.), для Беларуси была характерна стратегия отрицания пандемии, Казахстан первым среди трех государств стал вводить ограничительные меры и единственный из этих стран ввел режим чрезвычайного положения, в России был объявлен режим самоизоляции. В период проведения онлайн-опроса страны различались по показателям индекса строгости ограничительных мер COVID-19 [33]. На момент начала онлайн-опроса (январь 2021 г.) наименьший показатель строгости ограничительных мер был характерен для Беларуси (43), наибольший — для Казахстана (69), промежуточный — для России (50). На момент окончания сбора эмпирических данных (апрель 2021 г.) этот показатель в Казахстане оставался наиболее высоким (63). В Беларуси (42) и России (42) эти параметры сравнялись. Формирование выборки, гомогенной по языковому параметру (русскоговорящие респонденты), помимо прочего явилось попыткой нивелировать культурные различия и акцентировать фокус исследовательского внимания на средовых факторах, в данном случае — на различиях в

стратегиях противодействия пандемии со стороны государств и строгости применяемых ограничительных мер.

Методы исследования. В онлайн-анкету был включен валидный и надежный психологический инструментарий для определения выраженности социальных аксиом и страха перед COVID-19, а также ряд вопросов, позволяющих определить социально-демографические параметры респондентов.

Оценка социальных аксиом

В онлайн-анкету был включен «Опросник социальных аксиом» (ОСА-31), разработанный и апробированный А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой [13], являющийся сокращенной версией методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга. ОСА-31 обладает высокой надежностью-согласованностью и подтверждает пятифакторную структуру модели социальных аксиом [13]. При обработке данных проводился подсчет средних значений по 5-и социальным аксиомам: социальный цинизм, контроль судьбы, религиозность, награда за усилия, социальная сложность. Эти измеренные переменные выступили предикторами в мультигрупповой структурной модели связи социальных аксиом и страха перед COVID-19.

Диагностика страха перед COVID-19

Степень переживания страха коронавирусного заболевания определялась с помощью Шкалы страха COVID-19 (FCV-19S), разработанной группой ученых из Великобритании, Гонконга, Ирана и Швеции, прошедшей проверку на надежность и валидность на иранской выборке [38]. Шкала активно используется уже более чем в 20-и странах мира [28]. Аprobация русскоязычной версии методики была проведена на русскоязычной выборке в России и Беларуси [21]. Шкала FCV-19S — это однофакторный инструмент, включающий 7 утверждений с пятибалльной шкалой ответов. Степень выраженности страха перед COVID-19 вычислялась как сумма баллов по всем утверждениям. Данный показатель выступил зависимой переменной в мультигрупповой структурной модели связи социальных аксиом и страха перед COVID-19.

Определение социально-демографических параметров

В онлайн-анкету респонденты самостоятельно вносили данные, отражающие их возраст, пол, гражданство, место жительства, получаемую специальность. Оценивая свое материальное положение на момент опроса, респонденты выбирали один из следующих вариантов ответа: на данный момент я испытываю значительные материальные трудности (1 балл); сейчас мне хватает денег только на самое необходимое (2); на данный момент я не испытываю материальных трудностей, могу позволить себе многое (3); мое нынешнее материальное положение позволяет мне ни в чем себе не отказывать (4). Уровень своей религиозности респонденты оценивали по десятибалльной шкале от 1 — совсем не религиозны до 10 — очень религиозны. Объективная

дистанция с COVID-19 определялась с помощью вопроса «Болели ли Вы, Ваши родные, знакомые COVID-19?» с возможностью множественного выбора ответов: я сам(а) болел(а)/болею (1 балл); переболели/болеют мои родные (2); переболели/болеют мои знакомые (3); не болел(а) ни я, ни мои родные, ни знакомые (4). В связи с возможностью множественного выбора ответов данные по каждому респонденту кодировались в соответствии с наиболее близкой отмеченной дистанцией с болезнью.

Обработка данных

Использовались пакет IBM SPSS Statistics 23 и программа IBM SPSS Amos 23. Применялись частотный анализ, описательная статистика, анализ надежности шкал (α -Кронбаха), анализ различий (U-критерий Манна-Уитни), мультигрупповое моделирование структурными уравнениями (MGSEM). При мультигрупповом моделировании структурными уравнениями осуществлялся контроль социально-демографических переменных (пол, возраст, материальное положение, проживание в столице или регионе, уровень религиозности, объективная дистанция с COVID-19), имеющих статистически значимые регрессионные связи с зависимой и независимыми переменными, включенными в модель. Используемая процедура контроля социально-демографических параметров уже описывалась нами ранее [5].

Результаты

Рассмотрим показатели дескриптивных статистик и коэффициентов α -Кронбаха основных переменных (табл. 2).

Все шкалы имеют приемлемые показатели внутренней согласованности.

Таблица 2

**Дескриптивные статистики и показатели внутренней согласованности шкал
основных переменных (Беларусь/Казахстан/Россия)**

Переменные	Min	Max	Mean	SD	α -Кронбаха
Страх перед COVID-19 (шкала от 7 до 35 баллов)	7/7/7	34/30/29	15.05/15.25/13.21	5.98/6.03/4.71	0.86/0.84/0.78
Социальные аксиомы (шкала от 1 до 5 баллов)					
Награда за усилия	1.5/1.8/2.2	5.0/5.0/5.0	4.12/4.44/4.20	0.62/0.55/0.57	0.81/0.82/0.80
Социальная сложность	2.4/2.3/3.0	4.9/4.8/5.0	4.01/4.02/4.04	0.34/0.38/0.33	0.69/0.66/0.58
Социальный цинизм	1.1/1.0/1.3	4.6/5.0/4.4	2.94/2.94/2.93	0.61/0.69/0.61	0.66/0.72/0.64
Религиозность	1.0/1.0/1.0	5.0/5.0/5.0	2.67/2.92/2.72	0.96/1.09/0.98	0.91/0.93/0.91
Контроль судьбы	1.0/1.0/1.0	5.0/5.0/4.4	2.34/2.56/2.41	0.81/0.76/0.73	0.78/0.75/0.73

Средние по шкале страха у респондентов трех стран не достигают высокого уровня (табл. 3). Однако данные статистического анализа различий (U-критерий Манна-Уитни) свидетельствуют о том, что выраженность страха перед COVID-19 у казахстанских ($Z=3.343$, $p=0.001$) и белорусских ($Z=3.010$, $p=0.003$) студентов все же значимо выше, нежели у российских студентов. Наряду с этим обнаружены различия в степени приверженности некоторым социальным аксиомам в среде молодежи трех стран: для белорусов и россиян в меньшей степени, нежели для казахстанцев, характерна ориентация на социальные аксиомы «награда за усилия» ($Z=5.854$, $p=0.000$; $Z=5.033$, $p=0.000$), «контроль судьбы» ($Z=2.848$, $p=0.004$; $Z=1.983$, $p=0.047$) и «религиозность» ($Z=2.130$, $p=0.033$; $Z=1.967$, $p=0.049$). Однако, несмотря на данные различия, анализ средних значений по шкалам социальных аксиом в трех выборках (табл. 3) свидетель-

ствует об идентичности иерархической структуры социальных аксиом у студентов Беларуси, Казахстана и России. На вершине иерархической структуры расположились аксиомы «награда за усилия» и «социальная сложность» (со средними значениями по выборкам более 4-х баллов), далее следуют аксиомы «социальный цинизм» и «религиозность» (со средними значениями по выборкам менее 3-х баллов), завершает иерархию аксиома «контроль судьбы» (со средними значениями по выборкам менее 2,6 баллов).

Обратимся к результатам проверки гипотезы об эквивалентности связей социальных аксиом и страха перед COVID-19 у студентов трех стран, которая осуществлялась с помощью мультигруппового моделирования структурными уравнениями. Модель была построена при контроле социально-демографических параметров респондентов, так как были обнаружены статистически значимые связи социальных аксиом и

страха перед COVID-19 с возрастом, полом респондентов, их материальным положением, проживанием в столице или регионе, уровнем религиозности и объективной дистанцией с COVID-19. Согласно результатам регрессионного анализа, возраст положительно связан с аксиомой «социальный цинизм» ($\beta=0.143$, $p=0.025$) и отрицательно — с аксиомой «награда за усилия» ($\beta=-0.159$, $p=0.013$) у российских студентов, а также положительно связан с аксиомой «религиозность» ($\beta=0.120$, $p=0.014$) у казахстанских студентов. Для белорусских ($\beta=-0.145$, $p=0.015$) и российских ($\beta=-0.120$, $p=0.016$) юношей в большей степени, нежели для девушек, характерна приверженность аксиоме «религиозность». К тому же российские юноши в большей степени, нежели российские девушки, придерживаются аксиомы «социальный цинизм» ($\beta=-0.143$, $p=0.023$), а казахстанские юноши в меньшей степени, нежели девушки, склоняются к аксиоме «контроль судьбы» ($\beta=0.172$, $p=0.008$). В свою очередь страх перед COVID-19 в большей степени характерен для казахстанских студенток, нежели для студентов из этой страны ($\beta=0.210$, $p=0.003$). Значимая отрицательная связь материального положения обнаружена с аксиомой «социальный цинизм» у белорусской молодежи ($\beta=-0.145$, $p=0.013$) и со страхом перед COVID-19 — у казахстанской молодежи ($\beta=-0.175$, $p=0.012$). Проживание в регионе, а не в столице, является предиктором выраженности аксиомы «контроль судьбы» у белорусских студентов ($\beta=0.191$, $p=0.008$) и аксиомы «социальный цинизм» — у российских студентов ($\beta=0.137$, $p=0.035$). Уровень религиозности положительно связан с аксиомами «контроль судьбы» и «религиозность» у белорусских ($\beta=0.187$, $p=0.007$; $\beta=0.571$, $p=0.000$), ка-

захстанских ($\beta=0.432$, $p=0.000$; $\beta=0.727$, $p=0.000$) и российских ($\beta=0.190$, $p=0.003$; $\beta=0.657$, $p=0.000$) студентов, а также со страхом перед COVID-19 у белорусов ($\beta=0.196$, $p=0.006$), казахстанцев ($\beta=0.147$, $p=0.035$) и россиян ($\beta=0.151$, $p=0.017$). Выраженность аксиомы «награда за усилия» положительно связана с уровнем религиозности только у российской ($\beta=0.164$, $p=0.010$) и казахстанской ($\beta=0.186$, $p=0.009$) молодежи. Помимо этого, на выборке российских студентов обнаружена положительная связь дистанции с COVID-19 и страха перед этим заболеванием ($\beta=0.215$, $p=0.001$) — чем больше дистанция (не болел ни сам респондент, ни его родные/знакомые), тем более выражен страх.

Обратимся к анализу общих связей между социальными аксиомами и страхом перед COVID-19, обнаруженных у студентов трех стран (рис.).

Мультигрупповая структурная модель связи социальных аксиом и страха перед COVID-19 имеет хорошие индексы пригодности (табл. 3).

Модель обладает метрической инвариантностью (ΔCFI не превышает 0,01). Это позволяет анализировать универсальные для трех стран связи между социальными аксиомами и страхом перед COVID-19, основываясь на структурных весах. В результате мультигруппового анализа обнаружены две общие для респондентов трех стран статистически значимые связи (рис.): страх перед COVID-19 положительно связан с аксиомой «контроль судьбы» и отрицательно — с аксиомой «социальная сложность». Статистически значимых общих связей между страхом перед COVID-19 и социальными аксиомами «награда за усилия», «религиозность» и «социальный цинизм» не обнаружено.

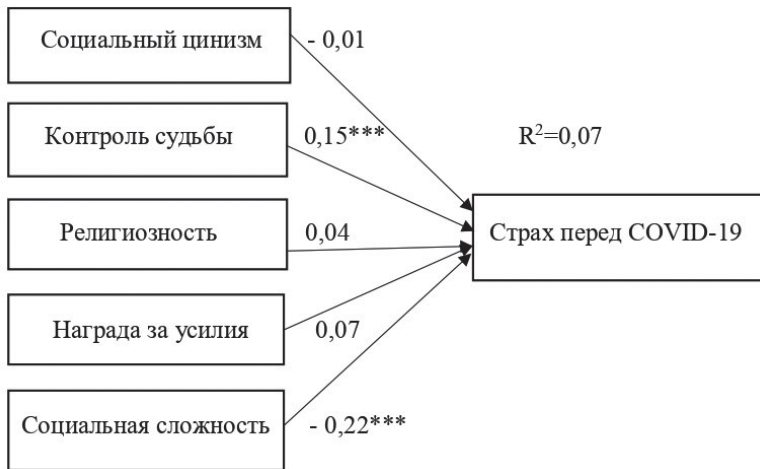

Рис. Мультигрупповая структурная модель связи социальных аксиом и страха перед COVID-19 у студентов Беларуси, Казахстана и России, построенная при контроле социально-демографических параметров (пол, возраст, материальное положение, уровень религиозности, проживание в столице или регионе, объективная дистанция с COVID-19); *** – $p \leq 0,001$

Таблица 3

Статистики согласия мультигрупповой структурной модели связи социальных аксиом и страха перед COVID-19 у студентов Беларуси, Казахстана и России

Модель инвариантности	CFI	Δ CFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	p
Конфигурационная	0.994		0.03	160.42	0.72	4.42	3	0.22
Метрическая	1.000	0.006*	0.00	147.32	1.00	11.32	13	0.58

Примечания: CFI – сравнительный индекс согласия; RMSEA – корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; AIC – информационный критерий Акаике; PCLOSE – тест значимости; Chi-square – критерий хи-квадрат; df – число степеней свободы; p – уровень значимости; * – метрическая инвариантность.

Обсуждение результатов

Все выдвинутые в исследовании гипотезы получили подтверждение и на все исследовательские вопросы получены ответы.

Страх перед коронавирусом заболеванием в большей степени оказался выражен у студентов-граждан Беларуси и Казахстана, нежели у россиян. Эти результаты соотносятся с данными других исследований [8; 16; 18], согласно кото-

рым стратегия отрицания пандемии и слабые ограничительные меры, так же как и режим чрезвычайного положения, способны усиливать чувство страха у населения. В первом случае механизм повышения тревоги вероятнее всего связан с когнитивным диссонансом, возникающим при рассогласовании информации, транслируемой представителями власти, со сведениями, получаемыми населением из других источников (интернет, СМИ, социальные сети, родственники

и знакомые и т.д.). Это способствует росту напряжения и тревоги относительно недостаточности мер, уровня защиты и контроля ситуации со стороны государства, провоцирует актуализацию страхов. Во втором случае мы имеем дело скорее с механизмом внушения и нагнетания страха, когда применяемые меры ассоциируются у населения с высоким уровнем существующих рисков.

Стоит отметить, что в нашем исследовании зафиксирован меньший уровень страха перед COVID-19 у студентов трех стран, нежели в работах коллег, проводивших опрос белорусской, казахстанской и российской молодежи в начале пандемии в 2020 году [21; 22; 23]. И хотя в данном случае речь не идет о лонгитюдном сравнении студенческой молодежи трех стран, тенденция снижения страха перед коронавирусным заболеванием в 2021 году, в сравнении с началом пандемии, объективно присутствует и может быть связана с массовой вакцинацией. Это подтверждают и социологи [9]. Однако динамика тревог населения относительно пандемии и коронавирусной инфекции имеет волнообразный характер. Так, данные опроса ВЦИОМ, проведенного в октябре 2021 года, свидетельствуют о новом росте опасений россиян относительно коронавирусной инфекции [4]. В связи с этим задача мониторинга выраженности страха перед коронавирусным заболеванием у различных социально-демографических групп не теряет своей актуальности, и данная работа должна быть продолжена, как и работа по изучению психологических предикторов выраженности страха перед COVID-19.

В ходе нашего исследования подтверждено предположение о единстве иерархической структуры социальных аксиом у младших миллениалов Беларуси, Казахстана и России. Исходя из

полученных данных общий мировоззренческий профиль современных студентов-миллениалов можно представить так: они убеждены в том, что позитивные результаты являются итогом приложения усилий, знаний и других ресурсов; проявляют гибкость при оценке социального мира, соглашаясь с тезисом о сложности и противоречивости социального поведения человека и высказывая уверенность в существовании множества путей достижения целей. Наряду с этим младшим миллениалам чужд негативный взгляд на природу человека, они отрицают идею о том, что взаимодействие с социальным миром ведет к пагубным последствиям; склонны подвергать сомнению тезис о благотворных социальных функциях религии; отрицают тотальный контроль судьбы над жизнью человека.

Интересен тот факт, что данный иерархический профиль социальных аксиом современных студентов-миллениалов трех стран может рассматриваться как психологический ресурс, защищающий их от страха перед COVID-19. Согласно результатам нашего исследования, в большей степени боятся коронавирусного заболевания те студенты, чья система взглядов на мир отличается от установившейся в группе по двум параметрам: нетипичная для большинства младших миллениалов убежденность в тотальном контроле судьбы в сочетании с отрицанием сложности социального поведения и наличия разнообразных способов разрешения проблемных ситуаций.

В более ранних исследованиях доказано, что социальные аксиомы могут выступать защитными механизмами, оберегающими людей от страхов [30]. Аксиома «социальная сложность» является когнитивным ресурсом, связанным с ориентацией на стратегию решения проблем [19], особенно значимым и функ-

циональным в ситуации адаптации к новым необычным условиям [29], какими и являются условия пандемии. В свою очередь, аксиома «контроль судьбы» связана с дистанцированием от решения проблемы и искаженным фокусом восприятия (принятием желаемого за действительное) [19]. Как демонстрируют результаты нашего исследования, вера в высокий контроль судьбы в сочетании с низкой убежденностью в сложности социального мира может вести к фаталистической оценке настоящего, провоцируя рост страха перед COVID-19 у молодежи. Таким образом, студенческая молодежь с подобными взглядами на мир имеет высокие риски психологической травматизации страхом перед COVID-19, в связи с чем требует особого внимания со стороны специалистов при организации психологической помощи в период пандемии.

Обнаруженные общие связи между страхом перед коронавирусом заболеванием и аксиомами «контроль судьбы» и «социальная сложность» у студентов трех стран могут свидетельствовать об универсальном надкультурном характере связи данных аксиом и страха перед COVID-19. Однако это предположение требует дополнительной эмпирической проверки с привлечением выборок молодежи из других культур.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выво-

ды, репрезентативные для студенческой молодежи изучаемых стран:

1. Страх перед COVID-19 в большей степени выражен у молодежи стран с наиболее слабыми и наиболее сильными ограничительными мерами в период пандемии.

2. Студенты-миллениалы проявляют большую приверженность аксиомам «награда за усилия» и «социальная сложность», нежели аксиомам «социальный цинизм», «религиозность» и «контроль судьбы».

3. Убежденность в сложности и противоречивости социального мира в сочетании с отрицанием тотального контроля судьбы над жизнью человека могут рассматриваться как психологические ресурсы профилактики страха перед COVID-19 в молодежной среде.

Несмотря на существующие ограничения исследования (данные получены на основании самоотчетов, в выборке преобладают женщины, представлено только одно поколение, что не позволяет вести речь о межпоколенных сходствах или различиях), полученные данные могут быть использованы при организации профилактической и коррекционной психологической работы, направленной на сохранение здоровья и благополучия населения разных стран в условиях пандемии. В то же время дальнейшая проверка сформулированных в исследовании гипотез на выборках нескольких поколений разных стран может внести вклад в область изучения влияния социальных аксиом на психологическое благополучие людей в период пандемии.

Литература

1. Кисляков П.А. Психологическая устойчивость студенческой молодежи к информационному стрессу в условиях пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2020. № 5(47). С. 343–356. DOI:10.32744/pse.2020.5.24

2. *Лебедева Н.М.* Предисловие тематического редактора // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 4–6. DOI:10.17759/chp.2021170400
3. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. Сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 502 с. DOI:10.17323/978-5-7598-2128-1
4. Мониторинг мнений (ВЦИОМ): сентябрь—октябрь 2021 [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 199–215.
5. *Муращенкова Н.В.* Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 77–93. DOI:10.17759/sps.2021120106
6. *Нартова Н.А., Фатехов А.М.* Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 319–344. DOI:10.14515/monitoring.2021.4.1832
7. *Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А.* Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 87–104. DOI:10.17759/sps.2020110407
8. *Одишова М.А., Радчикова Н.П., Янчук В.А.* Оценка ситуации пандемии COVID-19 жителями России и Беларуси // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 2. С. 56–77. DOI:10.17759/sps.2021120204
9. Опрос показал максимальное снижение страха россиян перед коронавирусом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/781223> (дата обращения: 20.12.2021).
10. Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] / Под ред. Ю.П. Зинченко. М.: Изд-во Московского университета, 2021. 600 с. DOI:10.11621/гро.2021.00
11. *Радаев В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. DOI:10.17323/978-5-7598-1985-1
12. Страх перед коронавирусным заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности [Электронный ресурс] / В.В. Гриценко [и др.] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 99–118. DOI:10.17759/cpse.2020090205
13. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 96–110. DOI:10.17759/chp.2020160110
14. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] / В.И. Екимова [и др.] // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1. С. 27–38. DOI:10.17759/jmfp.2021100103
15. Adherence to COVID-19 Precautionary Measures: Applying the Health Belief Model and Generalised Social Beliefs to a Probability Community Sample / K.K. Tong [et al.] // APPLIED PSYCHOLOGY-HEALTH AND WELL BEING. 2020. Vol. 12. P. 1205–1223. DOI:10.1111/aphw.12230
16. *Al-Mahadin S.* Laughing it off: Coronavirus superspreaders, anxiety, and fear in Jordan and Australia // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. Vol. 12. No. 5. P. 45–46. DOI:10.1037/tra0000630
17. *Boehnke K.* Are Parents Decisive? The Intergenerational Transmission of Social Axioms Under Conditions of Rapid Social Change // Leung K., Bond M.H. (Eds.). Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems. 2009. P. 109–127. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4
18. China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention / L. Wu [et al.] // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. Vol. 12. No. 5. P. 3–5. DOI:10.1037/tra0000609

19. Combining social axioms with values in predicting social behaviours / M.H. Bond [et al.] // *European Journal of Personality*. 2004. Vol. 18(3). P. 177–191. DOI:10.1002/per.509
20. COVID-19 fear and compliance in preventive measures precautions in workers during the COVID-19 pandemic / E. Kabasakal [et al.] // *International Archives of Occupational and Environmental Health*. 2021. Vol. 94. No. 6. P. 1239–1247. DOI:10.1007/s00420-021-01682-2
21. COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale / A. Reznik [et al.] // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2021. Vol. 19. P. 1903–1908. DOI:10.1007/s11469-020-00283-3
22. COVID 19 Fear, Stress, Anxiety, and Substance Use Among Russian and Belarusian University Students / V. Gritsenko [et al.] // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2021. Vol. 19. P. 2362–2368. DOI:10.1007/s11469-020-00330-z
23. COVID-19 Impact on Kazakhstan University Student Fear, Mental Health, and Substance Use / V. Konstantinov [et al.] // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020. DOI:10.1007/s11469-020-00412-y
24. Culture-level dimensions of social axioms and their correlations across 41 cultures / M.H. Bond [et al.] // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2004. No. 5(35). P. 548–570. DOI:10.1177/0022022104268388
25. Factors Associated With Mental Health Disorders Among University Students in France Confined During the COVID-19 Pandemic / M. Wathelet [et al.] // *JAMA network open*. 2020. Vol. 3(10). e2025591. DOI:10.1001/jamanetworkopen.2020.25591
26. Fate control and ingroup bias in donation for the fight with the coronavirus pandemic: The mediating role of risk perception of COVID-19 / W.-Q. Li [et al.] // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 171. 110456. DOI:10.1016/j.paid.2020.110456
27. *Fawzy El-Bardan M., Lathabhavan R.* Fear of COVID-19 scale: Psychometric properties, reliability and validity in Egyptian population // *Diabetes & Metabolic Syndrome: Clinical Research & Reviews*. 2021. Vol. 15(4). 102153. DOI:10.1016/j.dsx.2021.05.026
28. Fear of COVID-19 Scale (FCV-19S) across countries: Measurement invariance issues / C.-Y. Lin [et al.] // *Nursing Open*. 2021. Vol. 8. P. 1892–1908. DOI:10.1002/nop.2.855
29. *Hui C.M., Hui N.H.H.* Mileage from social axioms: Learning from the past and looking forward / Leung K., Bond M.H. (Eds.) // *Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems*. New York: Springer, 2009. P. 13–30. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4_2
30. *Hui V.K.-Y., Bond M.H., Ng T.S.W.* General Beliefs about the World as Defensive Mechanisms against Death Anxiety // *OMEGA – Journal of Death and Dying*. 2007. Vol. 54. No. 3. P. 199–214. DOI:10.2190/8NQG-1420-4347-H1G1
31. Intolerance of Uncertainty and Mental Wellbeing: Serial Mediation by Rumination and Fear of COVID-19 / B. Satici [et al.] // *International journal of mental health and addiction*. 2020. P. 1–12. DOI:10.1007/s11469-020-00305-0
32. *Oceja L.* Processes of Transmission and Change of Social Axioms and their Behavioral Influence in Spanish Culture / Leung K., Bond M.H. (Eds.) // *Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems*. New York: Springer, 2009. P. 129–141. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4
33. Our World in Data [Электронный ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/covid-stringency-index?tab=chart&time=earliest..2020-03-18&country=BLR~RUS~KAZ> (дата обращения: 10.12.2021).
34. Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems / K. Leung, M.H. Bond [eds.]. 2009. 348 p. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4
35. Psychometric Validation of the Persian Version of the COVID-19-Related Psychological Distress Scale and Association with COVID-19 Fear, COVID-19 Anxiety, Optimism, and Lack of Resilience / N. Nazari [et al.] // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2021. P. 1–16. DOI:10.1007/s11469-021-00593-0

36. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions / K. Leung [et al.] // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. Vol. 33. P. 286–302. DOI:10.1177/0022022102033003005
37. Testing the Associations among Social Axioms, School Belonging, and Flourishing in University Students: A Two-Year Longitudinal Study / Y. Li [et al.] // *Applied psychology-health and well being*. 2020. Vol. 12(3). P. 749–769. DOI:10.1111/aphw.12205
38. The Fear of COVID-19 Scale: Development and Initial Validation / D.K. Ahorsu [et al.] // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2020. P. 1–9. DOI:10.1007/s11469-020-00270-82020
39. The fear of COVID-19 scale: Validation in spanish university students / M. Martínez-Lorca [et al.] // *Psychiatry Research*. 2020. Vol. 293. 113350. DOI:10.1016/j.psychres.2020.113350
40. The latent and item structure of COVID-19 fear: A comparison of four COVID-19 fear questionnaires using SEM and network analyses / G. Mertens [et al.] // *Journal of Anxiety Disorders*. 2021. Vol. 81. 102415. DOI:10.1016/j.janxdis.2021.102415
41. The prevalence of depressive symptoms, anxiety symptoms and sleep disturbance in higher education students during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis / J. Deng [et al.] // *Psychiatry Research*. 2021. Vol. 301. 113863. DOI:10.1016/j.psychres.2021.113863
42. Trumbo C.W., McComas K.A., Kannaovakun P. Cancer anxiety and the perception of risk in alarmed communities // *Risk Analysis*. 2007. Vol. 27. P. 337–350. DOI:10.1111/j.1539-6924.2007.00886.x
43. Weekly epidemiological update – 27 January 2021. Data as received by WHO from national authorities, as of 24 January 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-epidemiological-update---27-january-2021> (дата обращения: 10.12.2021).
44. Weekly epidemiological update on COVID-19 – 20 April 2021. Data as received by WHO from national authorities, as of 10am CET 18 April 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-epidemiological-update-on-covid-19---20-april-2021> (дата обращения: 10.12.2021).

References

1. Kislyakov P.A. Psikhologicheskaya ustoichivost' studencheskoi molodezhi k informatsionnomu stressu v usloviyakh pandemii COVID-19 [Elektronnyi resurs] [Psychological resistance of student youth to information stress in the COVID-19 pandemic]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science & Education*, 2020, no. 5(47), pp. 343–356. DOI:10.32744/pse.2020.5.24 (In Russ.).
2. Lebedeva N.M. Predislovie tematicheskogo redaktora [Foreword by Issue Editor]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 4–6. DOI:10.17759/chp.2021170400 (In Russ.).
3. Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti [Youth in Cities: Cultures, Scenes and Solidarity]. Sost. i nauch. red. E.L. Omel'chenko. Moscow: Publ. Dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2020. 502 p. DOI:10.17323/978-5-7598-2128-1 (In Russ.).
4. Monitoring mnenii (VTsIOM): sentyabr'—oktyabr' 2021 [Elektronnyi resurs] [Public Opinion Poll (VCIOM): September—October 2021]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, no. 5, pp. 199–215. (In Russ.).
5. Murashchenkova N.V. Vzaimosvyaz' tsennostei i emigratsionnykh namerenii studencheskoi molodezhi g. Smolenska [Interrelation of Values and Emigration Intentions of Student's Youth of Smolensk]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 77–93. DOI:10.17759/sps.2021120106 (In Russ.).
6. Nartova N.A., Fatekhov A.M. Perekhod vo vzroslost' rossiiskikh millenialov: na puti ot polucheniya obrazovaniya k obretneniyu otvetstvennosti i potere optimizma? [The Transition

- Into Adulthood of Russian Millennials: On the Way From Getting an Education to Gaining Responsibility and Losing Optimism?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* = *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, no. 4, pp. 319–344. DOI:10.14515/monitoring.2021.4.1832 (In Russ.).
7. Nestik T.A., Deineka O.S., Maksimenko A.A. Sotsial'no-psikhologicheskie predposylki very v konspirologicheskie teorii proiskhozhdeniya COVID-19 i вовлечennost' v setevye kommunikatsii [Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 87–104. DOI:10.17759/sps.20201100407 (In Russ.).
8. Odintsova M.A., Radchikova N.P., Yanchuk V.A. Otsenka situatsii pandemii COVID-19 zhitelyami Rossii i Belarusi [Assessment of the COVID-19 Pandemic Situation by Residents of Russia and Belarus]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* = *Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 56–77. DOI:10.17759/sps.2021120204 (In Russ.).
9. Opros pokazal maksimal'noe snizhenie strakha rossiyan pered koronavirusom [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/781223> (Accessed 20.12.2021). (In Russ.).
10. Psikhologicheskoe soprovozhdenie pandemii COVID-19 [Elektronnyi resurs] [Psychological guidance during the COVID-19 pandemic]. In Yu.P. Zinchenko (eds.). Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2021. 600 p. DOI:10.11621/rpo.2021.00 (In Russ.).
11. Radaev V. Millenialy: Kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo [Millennial generation: How Russian Society Is Changing]. Moscow: Publ. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2019. 224 p. DOI:10.17323/978-5-7598-1985-1 (In Russ.).
12. Gritsenko V.V. [i dr.]. Strakh pered koronavirusnym zabolevaniem (COVID-19) i bazisnye ubezhdeniya lichnosti [Elektronnyi resurs] [Fear of Coronavirus Disease (COVID-19) and Basic Personality Beliefs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* = *Clinical Psychology and Special Education*, 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 99–118. DOI:10.17759/cpse.2020090205 (In Russ.).
13. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Razrabotka i aprobatsiya sokrashchennoi versii metodiki «Sotsial'nye aksiomy» M. Bonda i K. Leunga [Developing and Testing a Short Version of the Social Axioms Questionnaire by M. Bond and K. Leung]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 96–110. DOI:10.17759/chp.2020160110 (In Russ.).
14. Ekimova V.I. [i dr.]. Travmatizatsiya strakhom: psikhologicheskie posledstviya pandemii Covid-19 [Elektronnyi resurs] [The Fear Traumatization: Psychological Consequences of Covid-19 Pandemic]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* = *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 27–38. DOI:10.17759/jmfp.2021100103 (In Russ.).
15. Tong K.K. [et al.]. Adherence to COVID-19 Precautionary Measures: Applying the Health Belief Model and Generalised Social Beliefs to a Probability Community Sample. *Applied psychology-health and well being*, 2020. Vol. 12, pp. 1205–1223. DOI:10.1111/aphw.12230
16. Al-Mahadin S. Laughing it off: Coronavirus superspreaders, anxiety, and fear in Jordan and Australia. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12, no. 5, pp. 45–46. DOI:10.1037/tra0000630
17. Boehnke K. Are Parents Decisive? The Intergenerational Transmission of Social Axioms Under Conditions of Rapid Social Change. In Leung K., Bond M.H. (Eds.). *Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems*, 2009, pp. 109–127. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4
18. Wu L. [et al.]. China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020. Vol. 12, no. 5, pp. 3–5. DOI:10.1037/tra0000609
19. Bond M.H. [et al.]. Combining social axioms with values in predicting social behaviours. *European Journal of Personality*, 2004. Vol. 18(3), pp. 177–191. DOI:10.1002/per.509
20. Kabasakal E. [et al.]. COVID-19 fear and compliance in preventive measures precautions in workers during the COVID-19 pandemic. *International Archives of Occupational and Environmental Health*, 2021. Vol. 94, no. 6, pp. 1239–1247. DOI:10.1007/s00420-021-01682-2

21. Reznik A. [et al.]. COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2021. Vol. 19, pp. 1903–1908. DOI:10.1007/s11469-020-00283-3
22. Gritsenko V. [et al.]. COVID 19 Fear, Stress, Anxiety, and Substance Use Among Russian and Belarusian University Students. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2021. Vol. 19, pp. 2362–2368. DOI:10.1007/s11469-020-00330-z
23. Konstantinov V. [et al.]. COVID-19 Impact on Kazakhstan University Student Fear, Mental Health, and Substance Use. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020. DOI:10.1007/s11469-020-00412-y
24. Bond M.H. [et al.]. Culture-level dimensions of social axioms and their correlations across 41 cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2004, no. 5(35), pp. 548–570. DOI:10.1177/0022022104268388
25. Wathelet M. [et al.]. Factors Associated With Mental Health Disorders Among University Students in France Confined During the COVID-19 Pandemic. *JAMA network open*, 2020. Vol. 3(10), e2025591. DOI:10.1001/jamanetworkopen.2020.25591
26. Li W.-Q. [et al.]. Fate control and ingroup bias in donation for the fight with the coronavirus pandemic: The mediating role of risk perception of COVID-19. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 171, 110456. DOI:10.1016/j.paid.2020.110456
27. Fawzy El-Bardan M., Lathabhavan R. Fear of COVID-19 scale: Psychometric properties, reliability and validity in Egyptian population. *Diabetes & Metabolic Syndrome: Clinical Research & Reviews*, 2021. Vol. 15(4), 102153. DOI:10.1016/j.dsx.2021.05.026
28. Lin C.-Y. [et al.]. Fear of COVID-19 Scale (FCV-19S) across countries: Measurement invariance issues. *Nursing Open*, 2021. Vol. 8, pp. 1892–1908. DOI:10.1002/nop.2.855
29. Hui C.M., Hui N.H.H. Mileage from social axioms: Learning from the past and looking forward. In Leung K., Bond M.H. (Eds.). *Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems*. New York: Springer, 2009, pp. 13–30. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4_2
30. Hui V.K.-Y., Bond M.H., Ng T.S.W. General Beliefs about the World as Defensive Mechanisms against Death Anxiety. *OMEGA – Journal of Death and Dying*, 2007. Vol. 54, no. 3, pp. 199–214. DOI:10.2190/8NQ6-1420-4347-H1G1
31. Satici B. [et al.]. Intolerance of Uncertainty and Mental Wellbeing: Serial Mediation by Rumination and Fear of COVID-19. *International journal of mental health and addiction*, 2020, pp. 1–12. DOI:10.1007/s11469-020-00305-0
32. Oceja L. Processes of Transmission and Change of Social Axioms and their Behavioral Influence in Spanish Culture. In Leung K., Bond M.H. (Eds.). *Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems*. New York: Springer, 2009, pp. 129–141. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4
33. Our World in Data [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/covid-stringency-index?tab=chart&time=earliest..2020-03-18&country=BLR-RUS-KAZ> (Accessed 10.12.2021).
34. Psychological aspects of social axioms: Understanding global belief systems. K. Leung, M.H. Bond (eds.). 2009. 348 p. DOI:10.1007/978-0-387-09810-4
35. Nazari N. [et al.]. Psychometric Validation of the Persian Version of the COVID-19-Related Psychological Distress Scale and Association with COVID-19 Fear, COVID-19 Anxiety, Optimism, and Lack of Resilience. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2021, pp. 1–16. DOI:10.1007/s11469-021-00593-0
36. Leung K. [et al.]. Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2002. Vol. 33, pp. 286–302. DOI:10.1177/0022022102033003005
37. Li Y. [et al.]. Testing the Associations among Social Axioms, School Belonging, and Flourishing in University Students: A Two-Year Longitudinal Study. *Applied psychology-health and well being*, 2020. Vol. 12(3), pp. 749–769. DOI:10.1111/aphw.12205

38. Ahorsu D.K. [et al.]. The Fear of COVID-19 Scale: Development and Initial Validation. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020, pp. 1–9. DOI:10.1007/s11469-020-00270-82020
39. Martínez-Lorca M. [et al.]. The fear of COVID-19 scale: Validation in spanish university students. *Psychiatry Research*, 2020. Vol. 293, 113350. DOI:10.1016/j.psychres.2020.113350
40. Mertens G. [et al.]. The latent and item structure of COVID-19 fear: A comparison of four COVID-19 fear questionnaires using SEM and network analyses. *Journal of Anxiety Disorders*, 2021. Vol. 81, 102415. DOI:10.1016/j.janxdis.2021.102415
41. Deng J. [et al.]. The prevalence of depressive symptoms, anxiety symptoms and sleep disturbance in higher education students during the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis. *Psychiatry Research*, 2021. Vol. 301, 113863. DOI:10.1016/j.psychres.2021.113863
42. Trumbo C.W., McComas K.A., Kannaovakun P. Cancer anxiety and the perception of risk in alarmed communities. *Risk Analysis*, 2007. Vol. 27, pp. 337–350. DOI:10.1111/j.1539-6924.2007.00886.x
43. Weekly epidemiological update – 27 January 2021. Data as received by WHO from national authorities, as of 24 January 2021 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-epidemiological-update---27-january-2021> (Accessed 10.12.2021).
44. Weekly epidemiological update on COVID-19 – 20 April 2021. Data as received by WHO from national authorities, as of 10am CET 18 April 2021 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-epidemiological-update-on-covid-19---20-april-2021> (Accessed 10.12.2021).

Информация об авторах

Мурашченкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Information about the authors

Nadezhda V. Murashchenkova, PhD in Psychology, Research Fellow of the Centre for Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Получена 28.12.2021

Принята в печать 15.04.2022

Received 28.12.2021

Accepted 15.04.2022

Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран

Федотова В.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),

г. Пермь, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>, e-mail: vera_goldyreva@mail.ru

Цель. Выявление и анализ влияния стратегий аккультурации, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию у студентов из арабских стран (Марокко, Сирия, Египет).

Контекст и актуальность. В представленном исследовании мы рассматриваем этническую идентичность, культурную дистанцию и стратегии аккультурации в качестве предикторов социокультурной адаптации. Этническая идентичность относится к самоощущению человека как принадлежности к определенной этнической группе. Культурная дистанция оказывает влияние на адаптацию иммигрантов. При этом чем выше уровень культурной дистанции, тем труднее проходит адаптация.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса. Для измерения стратегий аккультурации, этнической идентичности, культурной дистанции и социокультурной адаптации был использован специальный инструментарий. Для обработки и анализа данных использовались описательные статистики, дисперсионный анализ и регрессионный анализ, реализованные в программе SPSS 22.0.

Участники. Респондентами в представленном исследовании выступили студенты первого, второго и третьего курсов из арабских стран (Марокко, Сирия, Египет). В настоящее время респонденты обучаются в вузах Перми, Москвы, Астрахани, Казани, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга. Общее количество респондентов составило 248 (56 из Сирии, 84 из Египта, 108 из Марокко). Средний возраст респондентов – 28 лет (минимальный возраст – 20 лет, максимальный – 34 года).

Методы (инструменты). «Аккультурационные стратегии» (Берри, 2014); шкалы для измерения социокультурной адаптации (Уорд, Кеннеди, 1993); методика Дж. Финни, измеряющая степень выраженности этнической идентичности; шкалы для измерения культурной дистанции (Уорк, Галлихер, 2007).

Результаты. Культурная дистанция оказывает влияние на социокультурную адаптацию. Среди молодых мигрантов из арабских стран (Сирия, Египет и Марокко) этническая идентичность и аккультурационные стратегии не влияют на социокультурную адаптацию.

Основные выводы. Полученные данные способствуют дальнейшему развитию представлений о роли культурной дистанции, этнической идентичности, стратегий аккультурации в адаптации у иностранных студентов из Марокко, Сирии и Египта, а также могут быть использованы при разработке программ адаптации для иностранных студентов из арабских стран, обучающихся в российских вузах.

Ключевые слова: студенты из арабских стран, аккультурация, социокультурная адаптация, этническая идентичность, культурная дистанция.

Для цитаты: Федотова В.А. Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 109–122. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130208>

The Influence of Acculturation Strategies, Ethnic Identity, Cultural Distance on the Socio-Cultural Adaptation of Students from Arab Countries

Vera A. Fedotova

National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>, e-mail: vera_goldyreva@mail.ru

Objectives. Identification and analysis of the influence of acculturation strategies, ethnic identity, cultural distance on the socio-cultural adaptation of students from Arab countries (Morocco, Syria, Egypt).

Background. In the present study, we consider ethnic identity, cultural distance, and acculturation strategies as predictors of socio-cultural adaptation. Ethnic identity is associated with a person's sense of belonging to a particular ethnic group. Cultural distance has an impact on the adaptation of immigrants. At the same time, the higher the level of cultural distance, the more difficult it is to adapt.

Study design. The study was conducted using a socio-psychological survey. Special tools were used to measure acculturation strategies, ethnic identity, cultural distance and socio-cultural adaptation. For data processing and analysis, descriptive statistics, analysis of variance and regression analysis implemented in the SPSS 22.0 program were used.

Participants. The respondents in the presented study were first, second and third year students from Arab countries (Morocco, Syria, Egypt). Currently, the respondents are studying at the universities of Perm, Moscow, Astrakhan, Kazan, Nizhny Novgorod, St. Petersburg. The total number of respondents was 248 (56 from Syria, 84 from Egypt, 108 from Morocco). The average age of the respondents is 28 years (the minimum age is 20 years, the maximum is 34 years).

Measurements. "Acculturation Strategies" (Berry, 2014); scales for measuring sociocultural adaptation (Ward and Kennedy, 1993); J. Finney's method, which measures the degree of ethnic identity; scales for measuring cultural distance (Wark, Galliher, 2007).

Results. Cultural distance has an impact on socio-cultural adaptation. Among young migrants from Arab countries (Syria, Egypt and Morocco), ethnic identity and acculturation strategies do not affect socio-cultural adaptation.

Conclusions. The data obtained contribute to the further development of ideas about the role of cultural distance, ethnic identity, and acculturation strategies in adaptation among foreign students from Morocco, Syria and Egypt. The data obtained in the study can be used in the development of adaptation programs for foreign students from Arab countries studying in Russian universities.

Keywords: students from Arab countries, acculturation, socio-cultural adaptation, ethnic identity, cultural distance.

For citation: Fedotova V.A. The Influence of Acculturation Strategies, Ethnic Identity, Cultural Distance on the Socio-Cultural Adaptation of Students from Arab Countries. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 109–122. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130208> (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день растет число студентов, стремящихся получить высшее образование за пределами своей страны. Пребывание в другой культуре дает возможность расширить межкультурные знания и мировоззрение человека, что, в свою очередь, способствует личному развитию и будущим карьерным перспективам [21]. Однако процесс адаптации к новой культуре может быть достаточно долгим и трудным [2; 5].

Как отмечают ученые, иностранные студенты в процессе адаптации к иной культурной среде испытывают чувство одиночества [12], сталкиваются с трудностями, вызванными изменением привычного образа жизни [22], дискриминацией [19] и культурными различиями [10].

Аккультурация включает в себя широкий спектр моделей поведения, установок, ценностей, норм, личностных характеристик, которые могут измениться при взаимодействии с представителями иной культуры [24]. На сегодняшний день широкое распространение получила модель аккультурации, предложенная Дж. Берри [6]. Он описывает четыре стратегии, которые являются результатом сочетания отношения к сохранению родной культуры и контактов с группой принимающей культуры. К стратегиям относятся: ассимиляция (отказ от собственной культуры в пользу культуры большинства), сегрегация (сохранение только своей культуры), интеграция (сохранение ключевых черт своей культуры при одновременном принятии элементов культуры большинства) и маргинализация (отказ от обеих культур). Стратегии аккультурации взаимосвязаны с ее результатами — психологической и социокультурной адаптацией [8].

Социокультурная адаптация определяется как способность понимать куль-

туру принимающей страны и правильно функционировать в новой культурной среде [13]. В процессе социокультурной адаптации человек испытывает стресс [9], который может быть облегчен социальной поддержкой [4]. Исследователи утверждают, что еще одним важным аспектом социокультурной адаптации является психологическая адаптация, подчеркивая тесную связь между культурным стрессом и психическим здоровьем личности. Люди с высоким уровнем аккультурационного стресса подвержены не только депрессии [15; 20], но и суицидальным мыслям [11]. Дальнейшие исследования показали, что аккультурационный стресс коррелирует с высоким уровнем тревожности и депрессии у иностранных студентов.

В представленном исследовании мы рассматриваем этническую идентичность, культурную дистанцию и стратегии аккультурации в качестве предикторов социокультурной адаптации. В первую очередь следует затронуть вопрос структуры идентичности молодых студентов из арабских стран. О различных комбинациях религиозного и национально-государственного компонентов в структуре идентичности молодых арабов-мусульман дает представление социологическое исследование, проведенное в 2015 и 2017 гг. исламским фондом Tabah Foundation. Респондентам было предложено ранжировать в первом случае пять, а во втором — четыре источника идентичности. Результаты исследования показывают, что национально-государственная идентичность становится доминирующей в структуре идентичности молодых жителей арабских стран, за исключением Египта, КСА, ОАЭ, Бахрейна. Арабизм, который имеет не только культурно-историческое, но и паннациональное измерение, является наиболее важным источником самоидентификации для

респондентов в КСА, ОАЭ и Иордании (в Кувейте значение национально-государственного и арабского компонентов оценено одинаково высоко). Религиозную идентичность ставят на первое место участники опроса в Египте и Бахрейне. Племенная, или, по-другому, семейная, идентичность остается весьма значимой для граждан Ливии, Мавритании, Судана, Ирака, Ливана, Йемена, что препятствует территориально-политической консолидации в этих странах. С другой стороны, утрачивает свою важность локально-территориальная идентичность [1]. В настоящей работе мы рассматриваем этническую идентичность, которая определяется как сложный социальный феномен, как осознание своего единства с локальной группой. Этническая идентичность относится к самоощущению человека как принадлежности к определенной этнической группе [14]. Она базируется на языке, культуре, традициях, обычаях, территории и т.д. Стоит отметить, что арабская идентичность определяется независимо от религиозной идентичности. Арабы — это разнообразная группа с точки зрения религиозной принадлежности и обычаев. Большинство арабов исповедуют ислам, а меньшинство придерживается других религий, в основном христианства, но есть также друзы и бахаи. Соотношение этнической идентичности сопоставимо со стратегиями аккультурации в модели Дж. Берри. Интеграция соответствует бiculturalной идентичности — это выраженные этнические идентичности. Разделенная идентичность — это сочетание ярко выраженной этнической идентичности и отсутствия идентификации с большинством, ассимилированная идентичность — это ярко выраженная идентификация с большинством, маргинализованная идентичность — это отсутствие идентификации с обеими группами [14]. Бикультурная

идентичность является наиболее благоприятной для адаптации [8; 16].

Второй предиктор социокультурной адаптации — культурная дистанция, она неоднократно становилась предметом для изучения в кросс-культурной психологии [23]. Культурная дистанция оказывает влияние на адаптацию иммигрантов. При этом чем выше уровень культурной дистанции, тем труднее проходит адаптация [5]. Результаты современных исследований демонстрируют, что культурный шок положительно взаимосвязан с культурной дистанцией. Чем больше новая культура похожа на родную, тем менее травматичен процесс адаптации. Для оценки сходства культур используется индекс культурной дистанции, предложенный И. Бабикиром и соавторами, который включает язык, религию, ценность семьи, уровень образования, материальный статус, климат, питание, одежду и т.д. Согласно Дж. Берри, различие между культурами прямо пропорционально количеству изменений, которые мигранту придется внести в свое поведение, чтобы приспособиться к новой культурной среде [5].

Таким образом, в нашем исследовании мы используем выраженность этнической идентичности, культурную дистанцию и стратегии аккультурации как условия адаптации молодых мигрантов из арабских стран к обучению в России. Основная цель исследования — выявить влияние этнической идентичности, культурной дистанции и стратегий аккультурации на социокультурную адаптацию иностранных студентов из Сирии, Египта и Марокко в России.

Метод

Схема проведения исследования. С целью выявления предикторов соци-

окультурной адаптации были использованы четыре методики. Студенты из Москвы, Астрахани, Казани, Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга заполняли онлайн-анкету, которая была распространена через факультеты, работающие с иностранными студентами. Мы также распространяли анкету в социальных сетях. Иностранные студенты из Перми заполняли анкету в присутствии интервьюера. Респонденты были незнакомы друг с другом, и цель исследования не была указана в самой анкете.

Выборка исследования. Респондентами в представленном исследовании выступили студенты первого, второго и третьего курсов из арабских стран (Марокко, Сирия, Египет). В настоящее время респонденты обучаются в вузах Перми, Москвы, Астрахани, Казани, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга. Общее количество респондентов составило 248 человек, 163 респондента мужского пола и 85 студентов женского пола (56 из Сирии, 84 из Египта, 108 из Марокко). Средний возраст респондентов — 28 лет (минимальный возраст — 20 лет, максимальный — 34 года).

Методы исследования. Были использованы следующие методики:

1. «Аккультурационные стратегии». Оценивались стратегии аккультурации в соответствии с теорией Дж. Берри [6; 7]. Методика включает 16 вопросов, составляющих 4 шкалы, соответствующие четырем стратегиям аккультурации: интеграции, ассимиляции, сепарации, маргинализации.

2. Шкалы для измерения социокультурной адаптации [23]. Респондентам необходимо было оценить степень согласия с двадцатью утверждениями по пятибалльной шкале [23]. Иностранным студентам было предложено оценить трудности, с которыми они сталкива-

ются при адаптации в инокультурном обществе. Полученные ответы были перекодированы, чтобы получить оценку адаптации, а не дезадаптации. В методике использованы 3 шкалы: формальные отношения, неформальные отношения и адаптация к повседневной жизни. Методика апробирована и адаптирована ранее, надежность-согласованность методики — $\alpha=0,95$.

3. Методика Дж. Финни, измеряющая степень выраженности этнической идентичности [17; 18]. Средний балл по всем вопросам является общим показателем выраженности этнической идентичности.

4. Шкалы для измерения культурной дистанции [25]. Для оценки культурной дистанции студентам нужно было оценить показатели с точки зрения их различий в двух разных культурах (родной и принимающей). Вопрос звучал следующим образом: «Насколько похожи и различны следующие показатели в России и в Вашей стране?». К таким показателям относятся: прием пищи, отношение в семье, воспитание детей, отношение к женщинам, религия, традиции и обычаи, ценности и верования и т.д.

Различия в особенностях социокультурной адаптации выявлены с помощью дисперсионного анализа. С помощью корреляционного и регрессионного анализа была установлена взаимосвязь между этнической идентичностью, культурной дистанцией, стратегиями аккультурации и адаптацией молодых мигрантов из арабских стран.

Результаты

Обратимся к результатам, полученным в первом блоке опросника и отражающим выраженность этнической идентичности студентов из арабских стран при анализе данных опросника Дж. Финни. Первичный

анализ ответов респондентов позволил рассчитать минимальное, максимальное и среднее значения, стандартное отклонение для каждой переменной (см. табл. 1).

Студенты из арабских стран, обучающиеся в российских вузах, гордятся своей этнической группой, испытывают к ней сильную привязанность. Как было отмечено ранее, этническая идентичность отражает самоощущение челове-

ка относительно его принадлежности к определенной этнической группе, при этом базируется на языке, культуре, традициях, обычаях, территории и т.д. Арабская идентичность определяется независимо от религиозной идентичности.

Далее была выявлена воспринимаемая культурная дистанция при анализе данных «Методики для измерения культурной дистанции» (табл. 2) [25].

Таблица 1

Этническая идентичность студентов из арабских стран

Шкалы	Min	Max	M	SD	Skew.	Kurt.
Этническая идентичность (альфа Кронбаха=0,76)	2,00	3,60	3,02	0,39	-0,70	-0,18
Гордость за свою этническую группу	1,00	4,00	3,05	0,77	-1,27	2,06
Поддержание традиций этнической группы	2,00	4,00	2,56	0,67	0,78	-0,50
Сильная привязанность к этнической группе	1,00	4,00	3,29	0,93	-1,20	0,47
Принадлежность к этнической группе	1,00	4,00	3,13	0,62	-0,43	0,88
Связь со своей этнической группой	2,00	4,00	3,10	0,64	-0,09	-0,60

Условные обозначения: M – среднее, SD – стандартное отклонение, Skew. – коэффициент асимметрии, Kurt. – коэффициент эксцесса.

Таблица 2

Воспринимаемая культурная дистанция студентов из арабских стран

Шкалы	Min	Max	M	SD	Skew.	Kurt.
Культурная дистанция (альфа Кронбаха=0,64)	1,17	3,42	2,30	0,57	-0,13	0,07
Прием пищи	1,00	5,00	2,11	1,26	0,96	0,04
Отношение к семье	1,00	4,00	2,94	1,23	-0,45	-1,53
Воспитание детей	1,00	4,00	2,93	0,90	-0,60	-0,32
Отношение к женщине	1,00	4,00	1,89	0,77	1,27	2,10
Религия	1,00	3,00	2,46	0,64	-0,81	-0,40
Традиции и обычаи	1,00	4,00	1,74	0,97	1,16	0,24
Социальные нормы	1,00	4,00	2,48	0,90	0,48	-0,73
Внешний вид	1,00	3,00	1,91	0,68	0,10	-0,84
Ценности и убеждения	1,00	4,00	2,47	1,08	0,30	-1,24
Отношение к труду	1,00	4,00	2,80	1,02	-0,10	-1,33
Дружба	1,00	4,00	2,53	0,89	0,28	-0,79
Язык	1,00	3,00	1,35	0,63	1,56	1,17

Условные обозначения: M – среднее, SD – стандартное отклонение, Skew. – коэффициент асимметрии, Kurt. – коэффициент эксцесса.

Респонденты из арабских стран отмечают достаточно высокую культурную дистанцию с российской культурой по таким показателям, как язык, внешний вид, отношение к женщинам, режим питания. Отношение к труду имеет некоторое сходство с российской культурой. У россиян и представителей арабских стран, по мнению арабских молодых мигрантов, имеются схожие взгляды на семейные отношения и воспитание детей.

Обратимся к анализу результатов исследования стратегий аккультурации (см. табл. 3).

Студенты из арабских стран, обучающиеся в России, чаще прибегают к стратегии интеграции, предполагающей отождествление как с арабской, так и с российской культурой. Процесс интеграции этой группы студентов может привести к сохранению их собственного культурного наследия в сочетании с доброжелательным отношением к российской культуре. Интеграция студентов из арабских стран может сыграть положительную роль в уменьшении культурного шока для мигрантов и поддержании их позитивной самоидентификации.

Далее приведены результаты исследования социокультурной адаптации при анализе данных опросника Уорда и Кеннеди (табл. 4) [23].

Студенты из арабских стран, обучающиеся в России, имеют достаточно

низкий уровень социокультурной адаптации. Наибольшие трудности они испытывают в общении с людьми разных национальностей. В сложившихся условиях арабским молодым мигрантам крайне сложно соблюдать свою религию. Им непросто найти жилье, пользоваться транспортом и делать покупки.

В ходе интерпретации данных были также установлены различия в этнической идентичности, культурной дистанции, аккультурации и адаптации среди арабских студентов в зависимости от страны, откуда прибыли студенты – Марокко, Египет, Сирия. С помощью дисперсионного анализа были установлены различия в социокультурной адаптации и культурной дистанции. Результаты представлены в табл. 5 и 6.

Были обнаружены различия в социокультурной адаптации студентов из арабских стран, обучающихся в России. Несмотря на довольно низкий уровень социокультурной адаптации всех арабских респондентов, наибольшие трудности испытывают студенты из Сирии ($F=386,8$; $p<0,001$). Студенты из Марокко лучше адаптируются ($M=2,51$), они испытывают меньше трудностей при вступлении в другое культурное сообщество по сравнению со студентами из Египта ($M=1,77$). Наблюдаются различия в воспринимаемой культурной дистанции среди арабских респондентов.

Таблица 3
Аккультурационные стратегии у студентов из арабских стран

Шкалы	Min	Max	M	SD	Skew.	Kurt.
Сепарация	1,00	2,25	1,58	0,49	-0,29	-1,82
Исключение	1,00	3,00	1,73	0,51	1,19	1,25
Интеграция	2,00	5,00	4,14	0,61	-0,62	-0,06
Ассимиляция	1,00	3,25	1,91	0,62	0,40	0,12

Условные обозначения: M – среднее, SD – стандартное отклонение, Skew. – коэффициент асимметрии, Kurt. – коэффициент эксцесса.

Таблица 4

Особенности социокультурной адаптации студентов из арабских стран

Шкалы	Min	Max	M	SD	Skew.	Kurt.
Социокультурная адаптация (альфа Кронбаха=0,813)	1,00	2,85	1,96	0,57	-0,23	-1,05
Заводить друзей	1,00	5,00	2,15	1,18	1,27	0,69
Покупать продукты	1,00	5,00	2,36	1,30	0,80	-0,65
Следовать правилам и распоряжениям	1,00	5,00	2,02	1,23	1,21	0,63
Иметь дело с представителями власти	1,00	4,00	2,47	1,23	-0,07	-1,60
Пользоваться транспортом	1,00	3,00	1,36	0,64	1,53	1,03
Взаимодействовать с чиновниками	1,00	4,00	2,36	1,30	0,05	-1,75
Добиться понимания	1,00	4,00	2,36	1,06	0,12	-1,22
Делать покупки	1,00	3,00	1,45	0,65	1,14	0,11
Понимать шутки и юмор	1,00	4,00	2,26	1,14	0,19	-1,42
Находить жилье	1,00	2,00	1,35	0,48	0,59	-1,66
Находиться в общественных местах	1,00	3,00	1,90	0,79	0,17	-1,39
Общаться с людьми разных национальностей	1,00	2,00	1,35	0,47	0,60	-1,64
Понимать этнические и культурные различия	1,00	4,00	1,97	1,27	0,82	-1,10
Соблюдать свою религию	1,00	2,00	1,27	0,44	1,00	-0,99
Строить взаимоотношения с противоположным полом	1,00	4,00	1,90	1,15	0,86	-0,80
Найти свой путь в жизни	1,00	5,00	2,23	1,27	0,80	-0,41
Говорить о себе с другими людьми	1,00	5,00	2,33	1,22	0,47	-0,45
Жить в этом климате	1,00	4,00	2,54	1,15	-0,11	-1,42
Взаимоотношения в семье	1,00	3,00	1,35	0,63	1,59	1,27
Темп жизни	1,00	5,00	2,16	1,09	1,23	1,27

Условные обозначения: M – среднее, SD – стандартное отклонение, Skew. – коэффициент асимметрии, Kurt. – коэффициент эксцесса.

Таблица 5

Различия в социокультурной адаптации и воспринимаемой культурной дистанции: результаты дисперсионного анализа

Шкалы	Страны	N	Mean	95%-й доверительный интервал		Min	Max
				Нижняя граница	Верхняя граница		
Культурная дистанция	Сирия	56	2,42	2,39	2,44	2,25	2,58
	Египет	84	2,05	1,93	2,18	1,58	2,50
	Марокко	108	2,71	2,57	2,84	1,92	3,42
Социокультурная адаптация	Сирия	56	2,08	1,97	2,19	1,70	2,50
	Египет	84	1,77	1,73	1,80	1,55	1,95
	Марокко	108	2,51	2,47	2,56	2,30	2,85

Таблица 6

Различия в социокультурной адаптации и воспринимаемой культурной дистанции: результаты дисперсионного анализа

Шкалы		Сумма квадратов	Ст. св	Средний квадрат	F	p
Культурная дистанция	Между группами	53,75	4	13,43	86,83	<,001
	Внутри группы	46,26	299	0,15		
	Общий	100,01	303			
Социокультурная адаптация	Между группами	83,96	4	20,99	386,84	<,001
	Внутри группы	16,22	299	0,054		
	Общий	100,19	303			

тов. Для студентов из Египта арабская культура больше всего отличается от российской ($M=2,05$) по сравнению со студентами из Сирии ($M=2,42$), Марокко ($M=2,71$). Таким образом, иностранному студенту чрезвычайно сложно адаптироваться к жизни и учебе в чужом культурном обществе, если культура принимающей стороны и культура его родной страны отличны друг от друга по ряду показателей. Дополнительно мы провели регрессионный анализ с целью установить влияние этнической идентичности, воспринимаемой культурной дистанции, стратегий аккультурации на социокультурную адаптацию. Связь была установлена только между куль-

турной дистанцией и социокультурной адаптацией (см. табл. 7).

Культурная дистанция оказывает влияние на социокультурную адаптацию. Высокий уровень культурной дистанции приводит к низкому уровню социокультурной адаптации. Следовательно, чем больше различий между культурой мигранта и принимающей культурой, тем сложнее процесс адаптации.

Обсуждение результатов

Адаптация к жизни в иной культурной среде — долгий процесс, который усложняется в результате существую-

Таблица 7

Влияние этнической идентичности, культурной дистанции и стратегий аккультурации на социокультурную адаптацию: результаты регрессионного анализа

Независимые переменные	Зависимые переменные			
	Этническая идентичность	Культурная дистанция	Интеграция	Ассимиляция
Социокультурная адаптация	0,09	-0,18	-0,38	0,01
R ²	0,37	0,33	0,43	0,43
F	5,84	10,29**	2,64	2,20

Условные обозначения: * $p<0,05$, ** $p<0,01$, *** $p<0,001$.

щих языковых, климатических, межкультурных и межэтнических барьеров. У студентов из арабских стран, обучающихся в России, возникают серьезные трудности, связанные с адаптацией к обычаям, традициям, еде, необходимостью общаться с людьми разных национальностей и т.д. Религия также может влиять на адаптацию. В некоторых арабских странах женщин-преподавателей нет, поэтому студентам из таких стран приходится привыкать к русским преподавателям-женщинам. Наибольшим авторитетом среди студентов из арабских стран на начальном этапе адаптации и вхождения в образовательную среду будет пользоваться преподаватель-мужчина.

Выявлены различия в социокультурной адаптации арабских студентов в зависимости от страны их пребывания. В выборку вошли студенты из Марокко, Египта и Сирии. Несмотря на достаточно низкий уровень социокультурной адаптации всех арабских респондентов, наибольшие трудности испытывают студенты из Египта. Им сложно покупать и готовить еду, пользоваться общественным транспортом, общаться с другими и т.д. Студенты из Марокко адаптируются немного лучше, они испытывают меньше трудностей при вступлении в другое культурное сообщество. Данные, полученные в ходе работы, согласуются с ранее проведенными исследованиями, которые демонстрируют, что особенности обучения, восприятия информации и уровень академической успеваемости студентов из разных арабских стран различаются. Например, студенты из Марокко, Алжира и Туниса учатся намного лучше, чем студенты из других арабских стран. Это связано с французской системой образования, которая сохранилась в этих странах со времен колонизации [1].

Студенты из арабских стран, обучающиеся в России, отмечают различия между арабской и русской культурой в плане языка, внешнего вида, отношения к женщинам, питания. У россиян и представителей арабских стран имеются схожие взгляды на семейные отношения и воспитание детей.

Анализируя особенности этнической идентичности, мы обнаружили, что студенты из арабских стран обладают довольно выраженной этнической идентичностью; они гордятся своей этнической группой и испытывают к ней сильную привязанность. При адаптации в чужой культурной среде предпочтение отдается двум стратегиям аккультурации — интеграции и ассимиляции. Стратегия ассимиляции содержит три опасности: возможность быть отвергнутым членами родной культуры; возможность быть отвергнутым членами группы большинства; вероятность переживания стресса при попытке одновременно сохранить свою культуру и перенять черты другой культуры. Исследования зарубежных психологов показали, что стратегия интеграции позитивно влияет на успешность психологической и социокультурной адаптации [5; 6].

Наконец, нам удалось выявить, что культурная дистанция влияет на социокультурную адаптацию среди студентов из арабских стран, обучающихся в России. Высокий уровень культурной дистанции ведет к социокультурной дезадаптации. Различия между культурами прямо пропорциональны количеству изменений, которые мигранту придется внести в свое поведение, чтобы приспособиться к новой культурной среде.

Несомненно, этническая идентичность и стратегии аккультурации влияют на социокультурную адаптацию мигрантов в принимающей стране. Однако

на выборке иностранных студентов из арабских стран мы установили, что именно различие культур сильно влияет на низкий уровень социокультурной адаптации. Дальнейшие исследования на выборке других групп иностранных студентов помогут получить дополнительные данные о социокультурной адаптации молодых мигрантов в России.

Заключение

Возрастающее внимание к проблеме адаптации иностранных студентов и создания для них в России благоприятной образовательной среды пробуждает интерес к изучению особенностей адаптации студентов в инокультурных условиях. Социокультурная адаптация

способствует быстрому включению в учебный процесс, повышению качества подготовки молодых людей, их безболезненному вовлечению в новый культурный контекст. Полученные данные способствуют дальнейшему развитию представлений о роли культурной дистанции, этнической идентичности, стратегий аккультурации в адаптации у иностранных студентов из Марокко, Сирии и Египта, а также могут быть использованы при разработке программ адаптации для иностранных студентов из арабских стран, обучающихся в российских вузах. Ограничением исследования является невозможность распространения результатов на всех представителей изучаемой культуры, однако результаты могут служить основой для дальнейших исследований в этой области.

Литература

1. *Кудряшова И.В.* Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. № 4. С. 349–365.
2. *Павлюкова Ю.В., Дрягалова Е.А.* Особенности социально-педагогической адаптации иностранных студентов в вузе (на примере арабских студентов в центре предвузовской подготовки) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. С. 499–504.
3. *Черкас В.В., Турк С.Н.* Дискриминация женщин в арабских странах // E-SCIO. 2019. № 10(37). С. 287–290.
4. *Чупова А.А., Турк С.Н.* Женское образование в арабских странах // Colloquium-Journal. 2019. № 8(32). С. 46–47.
5. *Adelman M.B.* Cross-cultural adjustment: A theoretical perspective on social support // International Journal of Intercultural Relations. 1988. Vol. 12(3). P. 183–204.
6. *Berry J.W.* Acculturation: living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. P. 697–712.
7. *Berry J.W.* Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. P. 5–68.
8. *Berry J. W.* Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS 2014) Questionnaire [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wgtn.ac.nz/cacr/research/mirips> (дата обращения: 25.08.2021).
9. *Berry J.W., Sabatier C.* Variations in the assessment of acculturation attitudes: Their relationships with psychological wellbeing // International Journal of Intercultural Relations. 2011. Vol. 35. P. 658–669.
10. *Berry J.W., Annis R.C.* Acculturative stress: The role of ecology, culture, and differentiation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1974. Vol. 5(4). P. 382–406.

11. Hirai R., Frazier P., Syed M. Psychological and sociocultural adjustment of first-year international students: Trajectories and predictors // *Journal of Counseling Psychology*. 2015. Vol. 62(3). P. 438–452.
12. Hovey J.D., King C.A. Acculturative stress, depression, and suicidal ideation among immigrant and second-generation Latino adolescents // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 1996. Vol. 35. P. 1183–1192.
13. Hunley H.A. Students' functioning while studying abroad: The impact of psychological distress and loneliness // *International Journal of Intercultural Relations*. 2010. Vol. 34(4). P. 386–392.
14. Kim Y.Y. Communication and cross-cultural adaptation: An integrative theory // *International Journal of Intercultural Relations*. 1998. Vol. 12. P. 291–293.
15. Liebkind K., Larja L., Brylka A. Ethnic and Gender Discrimination in Recruitment: Experimental Evidence From Finland // *Journal of Social and Political Psychology*. 2016. Vol. 4. P. 403–426.
16. Mui A.C., Kang S. Acculturation stress and depression among // *Asian immigrant elders*. *Social Work*. 2006. Vol. 51. P. 243–255.
17. Nguyen A.D., Benet-Marti nez V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. P. 122–159.
18. Phinney J. The Multigroup Ethnic Identity Measure: A new scale for use with diverse groups // *Journal of Adolescent Research*. 1992. Vol. 7. P. 156–176.
19. Phinney J., Ong A. Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // *Journal of Counseling Psychology*. 2007. Vol. 54. P. 271–281.
20. Poyrazli S., Lopez M.D. An exploratory study of perceived discrimination and homesickness: A comparison of international students and American students // *The Journal of Psychology*. 2007. Vol. 141(3). P. 263–280.
21. Rahman O., Rollock D. Acculturation, competence, and mental health among South Asian students in the United States // *Journal of Multicultural Counselling and Development*. 2004. Vol. 32. P. 130–140.
22. Rienties B., Tempelaar D. The role of cultural dimensions of international and Dutch students on academic and social integration and academic performance in the Netherlands // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. P. 188–201.
23. Szabo A., Ward C., Jose P.E. Uprooting stress, coping, and anxiety: A longitudinal study of international students // *International Journal of Stress Management*. 2016. Vol. 23(2). P. 190–208.
24. Ward C., Kennedy A. Acculturation and Cross-Cultural Adaptation of British residents in Hong Kong // *Journal of Social Psychology*. 1993. Vol. 133(3). P. 395–397.
25. Ward C., Geeraert N. Advancing acculturation theory and research: The acculturation process in its ecological context // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 8. P. 98–104.
26. Wark C., Galliher J. Emory Bogardus and the Origins of the Social Distance Scale // *The American Sociologist*. 2007. Vol. 38. P. 383–395.

References

1. Kudryashova I.V. Musul'manskaya politicheskaya identichnost' v sovremennuyu epokhu: svyashchennyi tekst i sotsial'nyi opyt [Muslim political identity in the modern era: sacred text and social optics]. *Vestnik rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 2017, no. 4, pp. 349–365. (In Russ.).
2. Pavlyukova Yu.V., Dryagalova E.A. Osobennosti sotsial'no-pedagogicheskoi adaptatsii inostrannykh studentov v vuze (na primere arabskikh studentov v tsentre predvuzovskoi podgotovki) [Features of the social and pedagogical adaptation of foreign students at the university (on the example of Arab students in pre-university training)]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2015, no. 6, pp. 499–504. (In Russ.).

3. Cherkas V.V., Turk S.N. Diskriminatsiya zhenshchin v arabskikh stranakh [Discrimination against women in Arab countries]. *E-SCIO = E-SCIO*, 2019, no. 10, pp. 287–290. (In Russ.).
4. Chupova A.A., Turk S.N. Zhenskoe obrazovanie v arabskikh stranakh [Women's Education in Arab Countries]. *Colloquium-Journal = Colloquium-Journal*, 2019, no. 8, pp. 46–47. (In Russ.).
5. Adelman M.B. Cross-cultural adjustment: A theoretical perspective on social support. *International Journal of Intercultural Relations*, 1988. Vol. 12(3), pp. 183–204.
6. Berry J.W. Acculturation: living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005. Vol. 29, pp. 697–712.
7. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 1997. Vol. 46, pp. 5–68.
8. Berry J.W. Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS 2014) Questionnaire [Electronic resource]. URL: <https://www.wgtn.ac.nz/cacr/research/mirips> (Accessed: 25.08.2021).
9. Berry J.W., Sabatier C. Variations in the assessment of acculturation attitudes: Their relationships with psychological wellbeing. *International Journal of Intercultural Relations*, 2011. Vol. 35, pp. 658–669.
10. Berry J.W., Annis R.C. Acculturative stress: The role of ecology, culture, and differentiation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1974. Vol. 5(4), pp. 382–406.
11. Hirai R., Frazier P., Syed M. Psychological and sociocultural adjustment of first-year international students: Trajectories and predictors. *Journal of Counseling Psychology*, 2015. Vol. 62(3), pp. 438–452.
12. Hovey J.D., King C.A. Acculturative stress, depression, and suicidal ideation among immigrant and second-generation Latino adolescents. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 1996. Vol. 35, pp. 1183–1192.
13. Hunley H.A. Students' functioning while studying abroad: The impact of psychological distress and loneliness. *International Journal of Intercultural Relations*, 2010. Vol. 34(4), pp. 386–392.
14. Kim Y.Y. Communication and cross-cultural adaptation: An integrative theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 1998. Vol. 12, pp. 291–293.
15. Liebkind K., Larja L., Brylka A. Ethnic and Gender Discrimination in Recruitment: Experimental Evidence From Finland. *Journal of Social and Political Psychology*, 2016. Vol. 4, pp. 403–426.
16. Mui A.C., Kang S. Acculturation stress and depression among. *Asian immigrant elders. Social Work*, 2006. Vol. 51, pp. 243–255.
17. Nguyen A.D., Benet-Martinez V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. Vol. 44, pp. 122–159.
18. Phinney J. The Multigroup Ethnic Identity Measure: A new scale for use with diverse groups. *Journal of Adolescent Research*, 1992. Vol. 7, pp. 156–176.
19. Phinney J., Ong A. Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions. *Journal of Counseling Psychology*, 2007. Vol. 54, pp. 271–281.
20. Poyrazli S., Lopez M.D. An exploratory study of perceived discrimination and homesickness: A comparison of international students and American students. *The Journal of Psychology*, 2007. Vol. 141(3), pp. 263–280.
21. Rahman O., Rollock D. Acculturation, competence, and mental health among South Asian students in the United States. *Journal of Multicultural Counseling and Development*, 2004. Vol. 32, pp. 130–140.
22. Rienties B., Tempelaar D. The role of cultural dimensions of international and Dutch students on academic and social integration and academic performance in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013. Vol. 37, pp. 188–201.
23. Szabo A., Ward C., Jose P.E. Uprooting stress, coping, and anxiety: A longitudinal study of international students. *International Journal of Stress Management*, 2016. Vol. 23(2), pp. 190–208.
24. Ward C., Kennedy A. Acculturation and Cross-Cultural Adaptation of British residents in Hong Kong. *Journal of Social Psychology*, 1993. Vol. 133(3), pp. 395–397.

25. Ward C., Geeraert N. Advancing acculturation theory and research: The acculturation process in its ecological context. *Current Opinion in Psychology*, 2016. Vol. 8, pp. 98–104.
26. Wark C., Galliher J. Emory Bogardus and the Origins of the Social Distance Scale. *The American Sociologist*, 2007. Vol. 38, pp. 383–395.

Информация об авторах

Федотова Вера Александровна, аспирант кафедры психологии развития ПГНИУ, старший преподаватель департамента менеджмента, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>, e-mail: vera_goldyreva@mail.ru

Information about the authors

Vera A. Fedotova, Post-Graduate Student of the Department of Developmental Psychology, Perm State National Research University, senior lecturer in National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>, e-mail: vera_goldyreva@mail.ru

Получена 21.09.2021

Received 21.09.2021

Принята в печать 15.04.2022

Accepted 15.04.2022

Особенности психологического благополучия русских и армянских студентов

Самохвалова А.Г.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ),
г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru**

Тихомирова Е.В.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ),
г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirowa82@mail.ru**

Вишневецкая О.Н.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ),
г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@ksu.edu.ru**

Шипова Н.С.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (ФГБОУ ВО КГУ),
г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: n_shipova@ksu.edu.ru**

Асриян Э.В.

**Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4970-3527>, e-mail: elina.asriyan@gmail.com**

Цель. Изучение и описание специфики психологического благополучия русских и армянских студентов (на примере студентов, обучающихся в Костроме и Ереване).

Контекст и актуальность. В условиях снижения жизнестойкости, жизнеспособности, адаптивности, удовлетворенности жизнью и собой у современной молодежи актуальной становится проблема повышения психологического благополучия студентов. Особую значимость играют исследования, выполняемые в рамках кросс-культурного подхода, которые позволяют выделить и описать общие и специфические для отдельных этнокультурных групп референты и особенности психологического благополучия студентов.

Дизайн исследования. В работе проанализированы особенности психологического благополучия русских и армянских студентов. С помощью корреляционного анализа установлена взаимосвязь интегрального показателя благополучия с отдельными переменными, а также описаны предикторы психологического благополучия у русских и армянских студентов.

Участники. Выборку исследования составили 360 студентов вузов в возрасте от 17 до 28 лет ($M=19,9$; $SD=2,1$), которые были разделены на две исследовательские группы по критерию этнокультурной принадлежности (русские и армяне).

Методы (инструменты). Исследование проводилось с помощью «Шкалы психологического благополучия (RPWB)»; «Шкалы субъективного счастья»; «Шкалы удовлетворенности жизнью»; методики цветowych метафор; самооценочных шкал, методики «Иновационная компетентность»; теста «Смыслжизненные ориентации (СЖО)».

Результаты. В исследовании установлены сходства и различия в референтах психологического благополучия у русских и армянских студентов. Отмечено, что уровень психологического

благополучия студентов из разных стран находится ниже нормативных значений, что говорит об общих тенденциях снижения у молодежи оптимизма, веры в будущее, в себя и свои возможности. В работе также описана специфика связей референтов психологического благополучия в русской и армянской выборках. Психологическое благополучие у армянских студентов связано с оценкой субъективного благополучия, степени независимости от родителей, здоровья и удовлетворенности жизнью; у русских студентов — с высокой оценкой состояния здоровья, академической успешности, успешности в жизни и удовлетворенностью романтическими отношениями. В целом, важную роль в восприятии психологического благополучия у студентов разных этнокультурных групп играет осмысленность жизни. При этом армянские студенты имеют более ярко выраженные жизненные намерения и направленность, ставят четкие цели на будущее. В фокусе их внимания находится саморазвитие. Сам процесс жизни предстает для них наполненным смыслом и интересом. Русские студенты в большей степени удовлетворены своей жизнью именно в настоящем, хотя и нацелены на повышение статуса и достижение успеха в будущем.

Основные выводы. Существуют общекультурные и культурно-специфические тенденции психологического благополучия студентов, обучающихся в России и Армении.

Ключевые слова: студенты, социокультурная среда, психологическое благополучие, субъективное благополучие, счастье, удовлетворенность жизнью.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-513-05005\20 «Теоретические и методические основы оценки психологического благополучия студенческой молодежи».

Для цитаты: Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.В., Вишневецкая О.Н., Шипова Н.С., Асриян Э.В. Особенности психологического благополучия русских и армянских студентов // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 123–143. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130209>

Features of the Psychological Well-Being of Russian and Armenian Students

Anna G. Samokhvalova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samokhvalova@ksu.edu.ru

Elena V. Tikhomirova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirova82@mail.ru

Oksana N. Vishnevskaya

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@ksu.edu.ru

Natalya S. Shipova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: n_shipova@ksu.edu.ru

Elina V. Asriyan

Yerevan State University, Yerevan, Armenia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4970-3527>, e-mail: elina.asriyan@gmail.com

Objective. *The study and description of the specifics of the psychological well-being of Russian and Armenian students (on the example of students studying in Kostroma and Yerevan).*

Background. *The problem of increasing the psychological well-being of students becomes especially relevant in the context of a decrease in resilience, vitality, adaptability, satisfaction with life and oneself among today's youth. Research that is carried out in a cross-cultural approach is of particular importance. They make it possible to single out and describe universal and specific for certain ethno-cultural groups referents and features of students' psychological well-being.*

Study design. *The paper analyzes the features of the psychological well-being of Russian and Armenian students. We have established the relationship of the integral indicator of well-being with individual variables using correlation analysis. We also described the predictors of psychological well-being in Russian and Armenian students.*

Participants. *The study sample consisted of 360 university students aged 17 to 28 years ($M=19.9$; $SD=2.1$), who were divided into two research groups according to the criterion of ethnic and cultural affiliation (Russians and Armenians).*

Measurements. *The study was conducted using the "Scale of psychological well-being (RPWB)"; "Scales of subjective happiness"; "Scales of life satisfaction"; methods of color metaphors; self-assessment scales, "Innovative Competence"; test "Life-meaning orientations".*

Results. *The study established similarities and differences in the referents of psychological well-being among Russian and Armenian students. It is noted that the level of psychological well-being of students from different countries is below the normative values. This testifies to the general tendencies of a decrease in optimism among young people, faith in the future, in themselves and their capabilities. The paper also describes the specificity of correlations of psychological well-being referents in the Russian and Armenian samples. The psychological well-being of Armenian students is associated with the assessment of subjective well-being, the degree of independence from parents, health and life satisfaction; among Russian students – with a high assessment of the state of health, academic success, success in life and satisfaction with romantic relationships. In general, the meaningfulness of life is important in the perception of psychological well-being among students of different ethnic and cultural groups. At the same time, Armenian students have more pronounced life intentions and orientation, set clear goals for the future. Their focus is on self-development. The process of life appears to them filled with meaning and interest. Russian students are more satisfied with their lives in the present, although they are focused on raising their status and achieving success in the future.*

Conclusions. *There are general cultural and cultural-specific trends in the psychological well-being of students studying in Russia and Armenia.*

Keywords: *students, socio-cultural environment, psychological well-being, subjective well-being, happiness, life satisfaction.*

Funding. The reported study was funded by RFBR and SC RA, project number 20-513-05005\20.

For citation: Samokhvalova A.G., Tikhomirova E.V., Vishnevskaya O.N., Shipova N.S., Asriyan E.V. Features of the Psychological Well-Being of Russian and Armenian Students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 123–143. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130209> (In Russ.).

Введение

В современной нестабильной, бурно и стихийно изменяющейся действительности, в эпоху глубоких социально-экономических трансформаций, провоцирующих социальную неопределенность

личности, дефицит ясных целей, усиливающих состояние тревоги, ощущение дезориентации, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с сохранением психического здоровья и обеспечением психологического благополучия субъекта. При этом залогом ди-

намично развивающегося, сензитивного, адекватно реагирующего на вызовы времени и совладающего с ними общества является психологическое благополучие молодежи как страты, от которой зависит будущее любого государства.

Между тем в современных исследованиях все чаще фиксируется снижение психологического благополучия у современной молодежи [5; 14; 17; 18]. Студенты все чаще испытывают симптомы повышенной тревожности и стресса, а также депрессии [2; 23; 27]. Ухудшение психологического самочувствия студентов становится серьезной проблемой в современных высших учебных заведениях [10; 28].

Особую актуальность проблема психологического благополучия студенческой молодежи приобретает в кросс-культурном [8] и межкультурном контекстах [11] на фоне мультикультурности высшего образования и образовательной миграции. Так, по данным, опубликованным на сайте Минобрнауки России, ежегодный прирост иностранных студентов в российских вузах составляет чуть более 20 тысяч человек. Всего в 2021 году было зафиксировано 324 тысячи иностранных студентов, прибывших, в том числе, из стран постсоветского пространства, к которым относятся и Армения. В данных условиях перед вузами стоит задача усовершенствования программ адаптации и сопровождения иностранных студентов в процессе их обучения, повышения уровня психологического благополучия студентов с разной этнокультурной принадлежностью, но оказавшихся в единой социокультурной и образовательной среде. Эту задачу возможно решить при условии смещения фокуса научных исследований на особенности психологического благополучия личности, связанные с культурными,

социальными характеристиками среды, в которой происходит ее изначальное становление. Понимание специфики ресурсов, предикторов, коррелятов психологического благополучия у студентов с разной этнокультурной принадлежностью будет способствовать оптимизации разрабатываемых программ помощи иностранным студентам, включенным в процесс образовательной миграции.

В современном научном дискурсе чаще всего кросс-культурные исследования психологического благополучия ориентированы на изучение сходства и различия в конструкциях и переживаниях субъективного благополучия, анализ особенностей психологического благополучия иностранных студентов во время межкультурного перехода [19], изучение уровня благополучия студентов вузов разных национальных групп [6; 22], анализ особенностей копинг-стратегий студентов как фактора их психологического благополучия [16]. В западных исследованиях обнаружены значимые различия в показателях субъективного благополучия у представителей разных этнических и культурных групп [26; 29; 31]. При этом ученые отмечают, что, в отличие от личностных, культурные детерминанты несут наиболее значимую предикторную нагрузку, особенно в странах с коллективистическим типом культуры. Значение культуры в формировании субъективного мира человека стало важным источником для исследовательского поиска в области кросс-культурных различий психологического благополучия.

В то же время на сегодняшний день отмечен недостаток исследований в рамках кросс-культурного подхода, позволяющих анализировать как общие, универсальные, так и специфические, связанные с социокультурным контекстом страны проживания, показатели и

предикторы психологического благополучия студенческой молодежи. Также прослеживается мозаичность исследований, посвященных научному сопоставлению достаточно тесно контактирующих народов России и Армении.

Это обусловило постановку **исследовательского вопроса**: какова специфика психологического благополучия, его коррелятов и предикторов у русских и армянских студентов?

В рамках данного исследования под *психологическим благополучием* субъекта мы будем понимать интегральную характеристику состояний человека, обеспечивающую согласованность психических функций и процессов, достижение внутреннего равновесия и субъектной целостности. В качестве его структурных компонентов выделяем аффективный, когнитивный, конативный, рефлексивный и ценностно-смысловой; в качестве факторов — эндогенные, связанные с особенностями онтогенеза субъекта, и экзогенные факторы, связанные с влиянием социокультурного и экологического контекста развития субъекта [12].

На основе данного понимания изучаемого феномена были определены эмпирические референты психологического благополучия, основными из которых стали: общий показатель удовлетворенности жизнью, интегральный показатель счастья, готовность к изменениям (инновациям), ценностно-смысловая сфера личности, а также ряд объективных параметров жизни с точки зрения их субъективной оценки (социально-экономический статус и статус здоровья).

Организация исследования

Нами было организовано кросс-культурное исследование, **целью** кото-

рого стало изучение и описание особенностей психологического благополучия русских и армянских студентов.

В исследовании проверялась **гипотеза** о существовании общих тенденций и кросс-культурных различий в показателях психологического благополучия русских и армянских студентов, раскрывающаяся в частных предположениях:

— существует специфика взаимосвязи референтов психологического благополучия в русской и армянской выборках, характеризующая ценностно-смысловую сферу и удовлетворенность жизнью студенческой молодежи, принадлежащей к разным этнокультурным группам;

— существует специфика предикции психологического благополучия русских и армянских студентов.

Выборка исследования. Совокупная выборка включала 360 респондентов в возрасте от 17 до 28 лет ($M=19,9$; $SD=2,1$) и состояла из двух групп:

1 группа — студенты Костромского государственного университета — 180 человек (8% юношей, 92% девушек) в возрасте от 17 до 27 лет ($M=19,9$; $SD=1,7$);

2 группа — студенты Ереванского государственного университета — 180 человек (12% юношей, 88% девушек) в возрасте от 17 до 28 лет ($M=20,1$; $SD=2,4$).

Выборка формировалась с учетом ответа на вопрос об этнокультурной идентификации студентов, который звучал следующим образом: «Укажите Вашу национальную принадлежность». В группу 1 вошли только те респонденты, которые дали ответы «русский/ая», в группу 2 — «армянин/армянка».

Методы исследования. Исследование проводилось с помощью диагностического комплекса, который был представлен в виде Google формы. Методический дизайн исследования подобран в соответствии с авторской моделью пси-

хологического благополучия студентов, включает инструменты, измеряющие основные референты психологического благополучия (удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, осмысленность жизни, ценностно-смысловые образования когнитивного поля субъекта, готовность к инновациям); представлен следующими методиками:

— «Шкала психологического благополучия (RPWB)» в адаптации Н.Н. Лепешинского для российской выборки и в оригинальном варианте для армянской выборки [4];

— «Шкала субъективного счастья» [7];

— «Шкала удовлетворенности жизнью» [24];

— опросник «Инновационная компетентность» [20];

— методика цветowych метафор [15];

— тест «Смысложизненные ориентации (СЖО)» [3];

— шкалы самооценки объективных параметров благополучия по 10-балльной шкале Лайкерта (характеристики социально-экономического статуса и статуса здоровья: группа здоровья, состояние здоровья, уровень образования, наличие собственной жилплощади, финансовая самостоятельность, уровень дохода и др.).

Процедура исследования предполагала равные условия участия для всех респондентов, которым было предложено заполнить Google форму. Программа исследования включала в себя несколько этапов. На первом этапе были проанализированы сходства и различия в показателе психологического благополучия и его основных референтов армянских и русских студентов. На втором этапе установлена специфика взаимосвязей между интегральным показателем психологического благополучия и отдельными референтами, отражающими особенности

ценностно-смысловой сферы студента и степень его удовлетворенности различными аспектами своей жизни. На третьем этапе была определена предикционная нагрузка отдельных референтов психологического благополучия.

Статистическая обработка эмпирических данных проводилась с помощью программы SPSS Statistics V.19.0. Для выявления взаимосвязей переменных осуществлялся корреляционный анализ Спирмена; с целью оценки достоверности различий — U-критерий Манна-Уитни; для выявления предикторов психологического благополучия — линейный регрессионный анализ; свободные высказывания студентов обрабатывались методом частотного анализа с последующим ранжированием.

Результаты

На первом этапе исследования были проанализированы основные характеристики психологического благополучия армянских и русских студентов. В табл. 1 представлены результаты дескриптивного анализа базовых переменных, которые демонстрируют выраженность общего показателя психологического благополучия и его основных референтов — субъективного ощущения счастья и удовлетворенности жизнью.

Исходя из полученных результатов, можно говорить о том, что уровень психологического благополучия студентов из разных стран находится ниже нормативных значений, что говорит об общих тенденциях снижения оптимизма, веры в будущее, в себя и свои возможности, наличии травмирующих переживаний, связанных с пандемией, социальными трансформациями, экономическими условиями и социально-политической

Таблица 1

**Уровень психологического благополучия русских и армянских студентов
(по данным дескриптивной статистики)**

Исследовательские группы	M	SD	Минимум	Максимум	Асимметрия	Экссесс
<i>Интегральный показатель удовлетворенности жизнью</i>						
Русские студенты	21,08	6,85	5	35	-0,33	-0,59
Армянские студенты	19,27	6,76	5	35	0,01	-0,49
<i>Переживание счастья</i>						
Русские студенты	18,91	4,81	4	28	-0,69	0,47
Армянские студенты	19,37	4,44	6	28	-0,19	-0,30
<i>Общий показатель психологического благополучия</i>						
Русские студенты	305,63	45,54	170	407	-0,31	-0,33
Армянские студенты	305,79	36,6	180	389	-0,50	-0,04

Примечание: M — среднее, SD — стандартное отклонение.

ситуацией в стране, что подтверждают индивидуальные пояснения респондентов: «считаю себя лишь относительно благополучным человеком, так как нет возможности удовлетворить все свои потребности», «для благополучия не хватает денег», «вызывает беспокойство то, что происходит в стране и мире», «хотелось бы большей определенности, понимания будущего», «еще предстоит встать

на ноги, найти работу, определиться в жизни», «все есть, но нет цели»...

На следующем этапе мы обратились к анализу различий в выраженности переменных в двух выборках. Результаты исследования позволили выделить значимые различия в выраженности основных референтов психологического благополучия у русских и армянских студентов (табл. 2).

Таблица 2

Значимые различия в выраженности основных показателей психологического благополучия у русских и армянских студентов (критерий U Манна-Уитни)

Показатели психологического благополучия и взаимосвязанные с ним референты	Средний ранг		Значения критерия
	Армянские студенты	Русские студенты	
<i>Интегральный показатель удовлетворенности жизнью</i>			
Удовлетворенность жизнью	166,7	194,3	13712,5**
<i>Шкалы самооценки объективных параметров благополучия</i>			
Оценка успешности в жизни	196,3	164,7	13348***
Оценка состояния здоровья	212,1	148,9	10515***
Группа здоровья (1 — здоровье, 3 — ограниченные возможности здоровья)	155,3	205,3	11665***
Оценка финансовой успешности	206,25	154,75	11564,5***
Наличие собственной жилплощади	198	163	13050***

Показатели психологического благополучия и взаимосвязанные с ним референты	Средний ранг		Значения критерия
	Армянские студенты	Русские студенты	
Наличие романтических отношений	165	196	13410***
Событийная насыщенность жизни	192,8	168,2	13993,5*
Наличие целей в будущем	193,9	167,1	13795,5**
<i>Методика цветowych метафор (обратные показатели)</i>			
Активность	169,2	191,8	14163*
Огорчение	169,7	191,3	14263*
Проектная деятельность	165,2	195,8	13440,5***
Моя профессия	166,4	194,6	13670***
Раздражение	157,9	203,1	12135***
Организаторская деятельность	165,8	195,3	13544,5***
Соппротивление	168,6	195,3	14052,5*
Страх	169,8	191,2	14268*

Примечание: * — значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** — значимость на уровне $p \leq 0,01$; *** — значимость на уровне $p \leq 0,001$.

Анализируя полученные результаты, мы можем отметить, что, в целом, армянские студенты более высоко оценивают собственный социально-экономический статус и статус здоровья, при этом в меньшей степени удовлетворены своей жизнью в настоящем, хотя и отмечают, что она эмоционально насыщена и наполнена смыслом. Русские студенты, в свою очередь, испытывают больше по-

зитивных эмоций по отношению к собственной жизни «здесь и теперь», у них выше показатель удовлетворенности жизнью, хотя отмечается ее меньшая событийная насыщенность.

На следующем этапе для выявления взаимосвязи интегрального показателя психологического благополучия с другими переменными был проведен корреляционный анализ данных (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь интегрального показателя психологического благополучия с переменными, характеризующими мотивационно-ценностную сферу студентов и степень их удовлетворенности различными аспектами собственной жизни (по данным корреляционного анализа Спирмена)

Показатели, характеризующие мотивационно-ценностно-смысловую сферу студентов и степень их удовлетворенности жизнью	Значимость взаимосвязей психологического благополучия	
	Группы респондентов	
	Русские студенты	Армянские студенты
Ощущение счастья	0,6**	0,4**
Удовлетворенность жизнью	0,62**	0,58**
Осмысленность жизни	0,70**	0,60**
Инновационная компетентность	-0,27**	-

Показатели, характеризующие мотивационно-ценностно-смысловую сферу студентов и степень их удовлетворенности жизнью	Значимость взаимосвязей психологического благополучия	
	Группы респондентов	
	Русские студенты	Армянские студенты
Степень независимости от родителей	-	0,15*
Степень благополучия	0,43**	0,24**
Удовлетворенность романтическими отношениями	0,33**	0,2**
Успешность в жизни	0,54**	-
Академическая успешность	0,45**	-
Состояние здоровья	0,35**	-
Успех	-0,18*	-
Активность	-0,19*	-
Мое будущее	-0,19*	-0,17*
Мое настоящее	-0,32**	
Моя команда	-0,30**	
Развитие	-	-0,16*
Раздражение	-	0,2**

Примечание: * — значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** — значимость на уровне $p \leq 0,01$.

Результаты корреляционного анализа позволяют отметить наличие как общих значимых взаимосвязей в двух выборках между интегральным показателем психологического благополучия и основными показателями субъективного благополучия (субъективное ощущение счастья и удовлетворенность жизнью), так и специфических взаимосвязей благополучия с переменными мотивационно-ценностно-смысловой сферы студентов в разных этнокультурных группах. В обеих группах также установлена прямая связь психологического благополучия с осмысленностью жизни, проявляющаяся в наличии планов и достижимых целей, а также со степенью удовлетворенности романтическими отношениями, построение которых является одной из приоритетных задач в юношеском возрасте.

На последнем этапе исследования был проведен линейный регрессионный анализ, позволивший определить характер

связи психологического благополучия с изучаемыми референтами в группах армянских и русских студентов, а также предикционную нагрузку (табл. 4 и 5).

Результаты линейного регрессионного анализа показали, что существует специфика, во-первых, того, что предсказывает показатель психологического благополучия у армянских и русских студентов, во-вторых, того, что выступает предиктором психологического благополучия в двух выборках.

Обсуждение результатов

Диагностика интегрального уровня психологического благополучия показала, что в общей выборке ($n=360$) отсутствуют респонденты, имеющие высокий уровень его проявления. Русские студенты имеют либо средний уровень психологического благополучия ($n=87$), либо низкий ($n=93$). В выборке армян-

Таблица 4

**Психологическое благополучие как предиктор
мотивационно-ценностно-смысловой сферы личности русских и армянских
студентов: результаты линейного регрессионного анализа**

Зависимые переменные (переменные методики «Цветовые метафоры» — обратные показатели)	Независимая переменная — общий показатель психологического благополучия	
	β — значение критерия	R2 — коэффициент детерминации
<i>Группа армянских студентов</i>		
Мое будущее	-0,18*	0,03
Раздражение	0,19**	0,04
Развитие	-0,17*	0,03
<i>Группа русских студентов</i>		
Развлечение	-0,15*	0,02
Мое настоящее	-0,41***	0,17
Активность	-0,20***	0,04
Успех	-0,22***	0,04

Примечание: * — значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** — значимость на уровне $p \leq 0,01$; *** — значимость на уровне $p \leq 0,001$.

Таблица 5

Предикторы психологического благополучия русских и армянских студентов

Зависимая переменная — общий показатель психологического благополучия		
Независимые переменные	β — значение критерия	R2 — коэффициент детерминации
<i>Группа русских студентов</i>		
Осмысленность жизни	0,71***	0,50
Инновационная компетентность	-0,30***	0,09
<i>Группа армянских студентов</i>		
Осмысленность жизни	0,59***	0,35

Примечание: *** — значимость на уровне $p \leq 0,001$.

ских студентов также есть обучающиеся со средним ($n=81$) и низким уровнем психологического благополучия ($n=99$). Проведенный статистический анализ результатов также показал отсутствие значимых кросс-культурных различий по интегральному показателю психологического благополучия у русских и армянских студентов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты независимо

от этнокультурной направленности испытывают беспокойство по поводу некоторых личных качеств, чувствуют неспособность изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства, испытывают сложности в организации повседневной деятельности, нередко ощущают потерю чувства контроля над происходящим вокруг. Данные о снижении уровня психологического благополучия студентов из разных стран соотносятся с ре-

зультатами современных исследований, в которых также отмечается невысокий уровень психологического благополучия у студентов [8]. При этом такие референты психологического благополучия студентов, как удовлетворенность жизнью и переживание счастья, находятся в пределах нормативных значений для данной возрастной группы. Следовательно, молодые люди независимо от культурной принадлежности, в целом, испытывают спектр положительных эмоций по отношению к собственной жизни и себе, позитивно настроены, конструктивно оценивают происходящие с ними события.

Похожие данные, указывающие на удовлетворенность большинства студентов разных культурных групп собственной жизнью, представлены в исследовании, описывающем особенности субъективного благополучия студентов в условиях образовательной миграции [9]. Однако в данном исследовании изучались студенты в единой для них образовательной среде. Исследования же, проведенные в университетах, расположенных в разных странах, транслируют зависимость уровня удовлетворенности жизнью от типа культуры (коллективизм и индивидуализм). Ученые подчеркивают, что молодые люди чувствуют высокий уровень удовлетворенности жизнью, когда действуют в соответствии с канонами коллективизма, который предполагает важность связей с другими людьми и взаимных обязательств. Важным базовым компонентом счастья и удовлетворенности жизнью в разных странах у студентов выступают социальные отношения [33]. Большую роль также играет баланс социальной поддержки, уважения и автономии [26].

Однако при сопоставлении отдельных референтов психологического благополучия русских и армянских студентов

были обнаружены значимые различия в ряде показателей. Так, армянские студенты оценивают себя как более успешных и физически здоровых. Они демонстрируют большую финансовую независимость от родителей, отмечают более высокий уровень дохода и наличие собственной жилплощади. У армянских студентов более высокие ранговые позиции имеют такие важные жизненные категории, как «*моя профессия*», «*организаторская*» и «*проектная*» деятельности, «*активность*». Студенты ориентированы на самореализацию в будущей профессии, готовы брать на себя ответственность, принимать участие в инновационной деятельности, ставить цели, для достижения которых у них есть ресурсы. При этом они не в полной мере удовлетворены своей жизнью в настоящем ($p=0,01$), хотя и отмечают, что она эмоционально насыщена и наполнена смыслом. Осознание ограничений и возможностей настоящего позволяет им планировать будущее, ориентироваться на будущие достижения, но не позволяет в полной мере почувствовать удовлетворение от настоящего времени. Это находит подтверждение и на уровне выявленных различий в двух группах студентов по показателю «*субъективная оценка наличия цели в жизни*», который значимо выше в армянской группе. Студенты из Армении в большей степени характеризуются чувством направленности; имеют более ярко выраженные намерения и цели на будущее. Возможно, это также связано с более высоким уровнем материальных ресурсов, который отмечают у себя студенты данной группы, что дает им больше уверенности в том, что цели будут достигнуты. В то же время, как отмечает М. Аргайл, слишком большие желания и стремления угрожают ощущению удовлетворенности, несмотря на то, что наличие в жизни определенных целей выступает благоприятным факто-

ром [1]. В данном контексте также можно обратиться к исследованиям, в которых отмечено, что высокий финансовый доход связан с возникновением чувства беспокойства и гнева [32], что позволяет предположить, что высокий доход армянских студентов может не только быть показателем объективного благополучия, но и источником тревоги при столкновении с временными финансовыми трудностями и вопросами финансовой безопасности. Данные положения отчасти объясняют низкий уровень удовлетворенности жизнью у тех армянских студентов, которые ориентированы на высокие достижения и финансово самодостаточны. Возможно, это может быть связано с «эффектом стеклянного потолка»: студенты ориентированы на самореализацию, ставят цели, для достижения которых у них есть ресурсы, но исторический, культурный контекст задает некоторый порог, не позволяет ставить цели более высокого порядка, преодолеть который достаточно трудно.

Русские студенты, в свою очередь, больше удовлетворены собственной жизнью в настоящем, хотя и отмечают ее меньшую событийную насыщенность, чем у армянских студентов, и наличие ряда проблем. К примеру, интересно отметить, что русские студенты значимо ниже оценивают статус собственного здоровья. В свободных высказываниях при пояснении ответов опроса они (преимущественно юноши) отмечают, что для того, чтобы достичь благополучия, им необходимо «поправить здоровье», «работать, работать и еще раз работать», «убить вредные, мешающие привычки, приобретенные за последние несколько лет», «выжимать из себя все». Возможно, именно перспектива, связанная с направлением всех усилий на достижение благополучия в профессиональной сфере, которая требует больших ресур-

сов, и определяет в актуальный момент важность поддержания себя в хорошей физической форме, осознание необходимости поправить здоровье, вести в дальнейшем здоровый образ жизни. В армянской выборке акцент на здоровье не был зафиксирован в ответах респондентов, и, в целом, состояние собственного здоровья они оценивают значимо выше.

Интересно также отметить различия при оценке наличия романтических отношений и удовлетворенности ими. Данный показатель выше в выборке русских студентов. Возможно, этим можно также объяснить снижение удовлетворенности жизнью у армянских девушек и юношей, так как именно межличностные отношения с противоположным полом являются наиболее значимыми в данном возрасте.

Также при анализе выявленных различий в показателях ценностно-смысловой сферы студентов двух изучаемых групп мы приходим к выводу, что армянские студенты отличаются более выраженным внутренним конфликтом. Это находит отражение в нацеленности на будущее, на проявление активности, удовлетворение потребности в достижении, с одной стороны, и актуализации целого спектра негативных эмоций (страх, огорчение, раздражение), а также в сопротивлении данным интенциям, с другой стороны.

Большинство положений, к которым мы пришли в результате анализа значимых различий двух групп, находит подтверждение на уровне структуры выявленных взаимосвязей референтов психологического благополучия в каждой группе респондентов.

К универсальным, выявленным в обеих группах можно отнести связи психологического благополучия с такими показателями, как: «*субъективное ощущение счастья*», которое характеризует эмоциональное переживание человеком

собственной жизни как целого; «удовлетворенность жизнью» как когнитивной оценкой соответствия действительных жизненных обстоятельств желаемым; «осмысленность жизни», которая позволяет осознать себя как субъекта собственной жизни, наделять ее смыслом ($p \leq 0,01$); «мое будущее» как ценностно-смысловой категорией, позволяющей человеку развиваться, воспринимать себя во временной перспективе жизни; «наличие и удовлетворенность романтическими отношениями», являющимися значимыми в контексте возрастных задач развития ($p \leq 0,05$). Данные связи являются значимыми у студентов независимо от этнокультурной принадлежности.

Также были выявлены и специфичные связи психологического благополучия с рядом изучаемых референтов. Так, у армянских студентов выявлена связь между показателем психологического благополучия и степенью субъективно переживаемой независимости от родителей. При этом важное значение в их жизни занимают смысловые категории «мое будущее» и «развитие», характеризующие направленность армянских студентов на выстраивание перспективы своего дальнейшего пути.

Среди специфических связей у русских студентов стоит отметить связь психологического благополучия с оценкой студентами собственной успешности в жизни и состояния своего здоровья. При этом важным индикатором благополучия выступает не только степень удовлетворенности близкими романтическими отношениями, но и оценка академической успешности. Среди основных ценностей, которые связаны с психологическим благополучием, значимыми являются *успех, активность, наличие команды единомышленников* и смысловые категории «мое настоящее» и «мое будущее».

Русские студенты психологическое благополучие рассматривают как в контексте будущего, так и в контексте настоящего, ориентируясь на актуальные задачи: обучение, построение романтических отношений, развитие отношений в коллективе. Также с высоким уровнем благополучия они связывают *развлечение*, т.е. им важно, чтобы их жизнь была наполнена событиями, которые будут доставлять им положительные эмоции и позволят получать удовольствие от жизни. Возможно, именно ориентированность на развлечение и положительные эмоции связана с более высоким уровнем удовлетворенности жизнью у русских студентов, поскольку, как отмечает М. Селигман, люди, которые ориентированы на гедонические занятия, испытывают больше приятных ощущений и чувствуют себя более счастливыми и энергичными [13]. Армянские студенты больше ориентированы на временную перспективу и связывают психологическое благополучие с задачами саморазвития, а также с функциональной сепарацией от родителей.

Стоит отметить, что в обеих группах отсутствует связь показателей психологического благополучия с оценкой собственной финансовой успешности. Эти данные соотносятся с результатами исследований, в которых установлено, что экономические условия неоднозначно связаны с оценкой благополучия, слабо коррелируя с эмоциональным компонентом благополучия [25].

Также важно отметить, что для русских студентов одинаково значимы категории «мое настоящее» и «мое будущее», что может говорить о существовании трудностей в разделении актуальных потребностей и ожиданий, намерений от будущего. Учитывая разнообразие целей, которые студенты ставят перед собой на

пути к достижению благополучия, можно предположить, что будущее есть некая перспектива, к реализации которой они пока не готовы, они лишь планируют и представляют себе образ будущей жизни. Сами студенты отмечают, что чаще всего объективно им ничего не мешает в достижении благополучия, кроме «собственной лени и отсутствия мотивации».

Необходимо отметить, что отсутствие разрыва между настоящим и будущим может быть связано с тем, что студенты ориентированы на актуальное состояние, не готовы к стратегическому планированию, ставят перед собой чаще краткосрочные задачи и цели. Шаг развития таких студентов недостаточен. Современные юноши и девушки не всегда готовы к приложению волевых усилий. При этом в высококонкурентном мире необходима актуализация способности человека выходить из зоны комфорта и постоянно меняться, что требует дополнительных ресурсов. Русские студенты в своих пояснениях отмечают дефицитность ресурсов: финансовых, психологических, личностных.

Отдельно стоит отметить неоднозначность обратной связи психологического благополучия с показателем *инновационной компетентности* в русской выборке студентов, который предполагает особую инновационную восприимчивость субъекта: открытость новому опыту и инновациям; способность увидеть элементы нового в относительно устоявшемся, предложить принципиально новое решение проблемы. Более того, он, в свою очередь, предсказывает низкие значения психологического благополучия у русских студентов, но не играет существенной роли в армянской выборке. Таким образом, готовность к переменам, к поиску нестандартных решений, открытость новому опыту имеют амбивалентное значение в аспекте рассмотрения пси-

хологического благополучия. Инновационная компетентность требует яркого выражения собственной индивидуальности, а это, в свою очередь, может быть связано с ощущением социального риска, гелотофобией, страхом самопрезентации и противопоставления себя обществу. При ориентированности русских студентов на командное взаимодействие, на снижение личной ответственности необходимость проявлять индивидуальность становится барьером на пути достижения психологического комфорта.

Стоит также отметить, что в вопросах экспресс-методики заложены индивидуалистические ценности, которые, вероятно, вступают в противоречие с коллективистической культурой российского общества и не позволяют людям с коллективистическим менталитетом найти себя в социуме, что, в свою очередь, снижает удовлетворенность жизнью и уровень благополучия в целом. Полученные результаты интересны в контексте данных о том, что представления о психологическом благополучии коррелируют с индивидуалистической и коллективистической картиной общественного устройства [21; 30; 33].

Анализируя результаты проведенного регрессионного анализа, стоит также отметить, что предиктором психологического благополучия независимо от этнокультурной принадлежности является показатель «*осмысленность жизни*». Способность видеть себя во временной перспективе, ставить цели на будущее, выходить за собственные пределы предсказывает высокий уровень психологического благополучия субъекта независимо от этнокультурной принадлежности.

Также было выявлено, что психологическое благополучие предсказывает особенности ценностно-смысловой направленности личности. Так, в группе

армянских студентов психологическое благополучие определяет выраженность смысловых компонентов «развитие», «мое будущее» и «раздражение». Чем выше психологическое благополучие, тем более ярко выражена нацеленность армянских студентов на достижение целей саморазвития, самоизменения, тем более конкретизированным и позитивно окрашенным становится образ будущего, тем реже возникает раздражение в отношении себя и своей жизни. У русских студентов психологическое благополучие определяет построение образа *настоящего*, нацеленность на *активность, успех и развлечение*, то есть самовыражение, проявление субъектности и получение позитивных эмоций от жизни.

Таким образом, проведенное исследование позволило нам выделить и описать специфику психологического благополучия русских и армянских студентов, что, несомненно, имеет высокую практическую значимость. Психологическая интервенция, направленная на поддержание/повышение уровня благополучия студентов, должна выстраиваться с учетом выявленных общекультурных и этно-специфических тенденций, учитывать зоны риска и ресурсы психологического благополучия студентов в образовательной среде вуза.

Ограничением исследования, на наш взгляд, является невозможность прямой экстраполяции данных на генеральную совокупность студенческой молодежи, поскольку существуют некоторые особенности эмпирической базы данного исследования: преобладание женской части выборки (92% — в русской, 88% — в армянской), наличие в составе выборки студентов разных курсов и уровней обучения, сравнение студентов столичного вуза (г. Ереван) и провинциального российского вуза (г. Кострома).

В качестве перспективы продолжения исследований нам видится расширение выборки для построения моделей психологического благополучия студенческой молодежи с разной этнокультурной принадлежностью, а также для проведения системного анализа динамики, факторов снижения и механизмов повышения уровня психологического благополучия студенческой молодежи в эпоху больших вызовов.

Основные выводы

1. Исследование психологического благополучия с позиций социокультурной контекстуализации позволило установить наличие общих и специфических тенденций психологического благополучия студентов, обучающихся в России (на примере г. Кострома) и Армении (на примере г. Ереван).

2. Общекультурной тенденцией, характерной для русских и армянских студентов, участвующих в исследовании, можно считать снижение интегрального уровня психологического благополучия. Основными коррелятами психологического благополучия студентов являются субъективное ощущение счастья, которое характеризует эмоциональное переживание человеком собственной жизни как целого, и удовлетворенность жизнью как когнитивная оценка соответствия действительных жизненных обстоятельств желаемым; в обеих группах установлен средний уровень выраженности данных параметров. Предиктором психологического благополучия у студентов разных этнокультурных групп является осмысленность жизни; эндогенными факторами благополучия в данном контексте являются индивидуальные характеристики субъекта — осознание смысла, цели,

процесса своего развития, понимание желаемых результатов, актуализация локус-контроля Я и локус-контроля жизни. Важнейшими ресурсами достижения благополучия у студентов разных этнокультурных групп являются наличие романтических отношений и вера в себя.

3. В качестве специфических характеристик психологического благополучия в выборке русских студентов можно отметить более высокую степень удовлетворенности жизнью. Студенты придают своей жизни полноценный смысл, нацелены на изменение социального статуса в будущем, стремятся к достижению успеха в жизни. Коррелятами благополучия являются осмысленность жизни и открытость новому опыту. Обратное влияние на психологическое благополучие оказывает такой эндогенный фактор, как инновационная компетентность личности, которая чаще всего проявляется в ситуациях неудовлетворенности собой, ближайшим окружением, обществом и направлена на поиск нестандартных способов решения жизненных задач, организационных проблем. Ресурсами достижения благополучия для русских студентов

являются здоровье, активность, высокая успешность (личностные ресурсы), поддержка и одобрение друзей, командная работа (социальные ресурсы).

4. Психологическое благополучие в выборке армянских студентов коррелирует с оценкой субъективного благополучия, оценкой степени независимости от родителей, оценкой собственного здоровья. Студенты имеют более ярко выраженные и осознаваемые намерения и цели на будущее. Основным ресурсом благополучия является саморазвитие. Сам процесс жизни предстает интересным, эмоционально насыщенным, наполненным смыслом. Однако построение образа Я и планирование дальнейшей временной перспективы нередко сопровождается негативными эмоциями, сопротивлением и страхом, что снижает уровень удовлетворенности жизнью.

5. Этнокультурный и социокультурный контекст развития студентов, проживающих и обучающихся в России и Армении, является значимым экзогенным фактором, влияющим на интегральный уровень психологического благополучия субъекта.

Литература

1. *Аргайл М.* Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Изд-во Питер, 2003. 271 с.
2. *Кочорова Л.В., Скрипов В.С., Сливка А.С.* К вопросу о тревоге и депрессии в молодежной студенческой среде [Электронный ресурс] // Наука молодых – Eruditio Juvenium. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-trevoge-i-depressii-v-molodezhnoy-studencheskoj-srede> (дата обращения: 15.08.2021).
3. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Изд-во Смысл, 1992. 16 с.
4. *Лепешинский Н.Н.* Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. 2007. № 3. С. 24–37.
5. *Машарская О.С.* Кросскультурные различия социальных представлений студентов о благополучии: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Курск, 2012. 20 с.
6. *Нуен В.У.* Психологическое благополучие вьетнамских и российских студентов в вузах (на примере г. Воронеж) [Электронный ресурс] // Universum: Психология и образование: электрон. научн. журн. 2019. № 10(64). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/7837> (дата обращения: 15.08.2021).
7. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия [Электронный ресурс] // Материалы III Всероссийского

- социологического конгресса «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия» (Москва 21–24 октября 2008 г.). Москва, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (дата обращения: 08.01.2022).
8. Особенности субъективного благополучия студентов в условиях образовательной миграции / Т.Г. Бохан [и др.] // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 1. С. 59–76. DOI:10.17759/sps.2021120105
 9. *Рябинкина А.Н., Варламова М.А.* Психологическое благополучие и субъектность личности студентов // Образование и общество. 2019. № 5. С. 109–121.
 10. *Самохвалова А.Г., Метц М.В.* Межкультурные коммуникативные трудности подростково-мигрантов первого и второго поколений: кросс-культурный аспект // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 149–166. DOI:10.17759/sps.2020110310
 11. *Самохвалова А.Г., Куликов Л.В., Вишневская О.Н.* Переживание подростками коммуникативных трудностей в межкультурном общении // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 100–114.
 12. *Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.А., Вишневская О.Н., Шипова Н.С., Асриян Э.В.* Структурно-функциональная модель психологического благополучия современных студентов // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18. № 4. С. 47–63. DOI:10.21702/grj.2021/4/4
 13. *Селигман М.* Новая позитивная психология. Киев: Изд-во София, 2006. 368 с.
 14. *Сергиенко Е.А., Эйдельман Г.Н.* Возрастная идентификация современной молодежи как фактор самодетерминации // Образование и саморазвитие. 2015. Том 3. № 45. С. 62–72.
 15. *Соломин И.Л.* Методика психосемантической экспресс-диагностики мотивации // Школьные технологии. 2008. № 1. С. 159–168.
 16. *Чеботарева Е.Ю.* Кросс-культурные особенности копинг-стратегий российских и французских студентов в контексте психологического благополучия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2018. Том 7. Вып. 2(26). С. 156–163. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-2-156-163
 17. *Шутенко Е.Н.* Психологическое здоровье молодежи в условиях социокультурных трансформаций современного общества [Электронный ресурс] // Психолог. 2018. № 3. С. 32–40. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27044 (дата обращения: 15.08.2021).
 18. *Эйдельман А.Б.* Особенности субъективного возраста и психологического благополучия в молодом возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 2. С. 30–35.
 19. *Bethel A., Ward C., Fetvadjev V.H.* Cross-Cultural Transition and Psychological Adaptation of International Students: The Mediating Role of Host National Connectedness [Электронный ресурс] // Front. Educ. 2020. Vol. 5. DOI:10.3389/educ.2020.539950
 20. *Bobic M., Davis E., Cunningham R.* The Kirton Adaptation-Innovation Inventory: Validity Issues, Practical Questions // Review of Public Personnel Administration. 1999. Vol. 19. P. 18–31. DOI:10.1177/0734371X9901900204
 21. *Bonn G., Tafarodi R.W.* Visualizing the good life: A cross-cultural analysis // Journal of Happiness Studies. 2013. Vol. 14(6). P. 1839–1856. DOI:10.1007/s10902-012-9412-9
 22. *Chen G., Martin R.A.* A comparison of humor styles, coping humor, and mental health between Chinese and Canadian university students // Humor Int. J. Humor Res. 2007. Vol. 20. P. 215–234. DOI:10.1515/HUMOR.2007.011
 23. Depressive symptoms among Australian university students: Who is at risk? / Schofield M.J. et al. // Australian Psychologist. 2016. Vol. 5(2). P. 135–144. DOI:10.1111/ap.12129
 24. *Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S.* The Satisfaction with Life Scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49(1). P. 71–75. DOI:10.1207/s15327752jpa4901_13
 25. *Diener E., Ng W., Harter J., Arora R.* Wealth and happiness across the world: Material prosperity predicts life evaluation, whereas psychosocial prosperity predicts positive feeling // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. Vol. 99. P. 52–61. DOI:10.1037/a0018066

26. Diener E., Oishi S., Lucas R.E. Personality, Culture, and Subjective Well-Being: Emotional and Cognitive Evaluations of Life // Annual Review of Psychology. 2003. Vol. 54(1). P. 403–425. DOI:10.1146/annurev.psych.54.101601.145056
27. Iwamoto D., Chun H. Stress, anxiety and depression: An analysis of higher education students // International Journal of Humanities and Social Science Invention. 2019. Vol. 8(3). P. 47–52.
28. Kalvans E. Students' psychological well-being, its demographic and social determinants // Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. 2020. Vol. 7. DOI:10.17770/sie2020vol7.4848
29. Oishi S., Schimmack U. Culture and well-being: A new inquiry into the psychological wealth of nations // Perspectives on Psychological Science. 2010. Vol. 5. P. 463–471. DOI:10.1177/1745691610375561
30. Pflug J. Folk theories of happiness: A cross-cultural comparison of conceptions of happiness in Germany and South Africa // Social Indicators Research. 2009. Vol. 92. P. 551–563. DOI:10.1007/s11205-008-9306-8
31. Suh E.M., Choi S. Predictors of subjective well-being across cultures [Электронный ресурс] // Handbook of well-being / In E. Diener, S. Oishi, L. Tay (Eds.). Salt Lake City, UT: DEF Publishers, 2018. URL: <https://www.nobascholar.com/chapters/45/download.pdf> (дата обращения 28.07.2021).
32. Tay L., Morrison M., Diener E. Living among the affluent: Boon or bane? // Psychological Science. 2014. Vol. 25. P. 1235–1241. DOI:10.1177/0956797614525786
33. The link between individualism-collectivism and life satisfaction among emerging adults from four countries / Germani A. et al. // Applied Psychology: Health and Well-Being. 2021. Vol. 13. P. 437–453. DOI:10.1111/aphw.12259

References

1. Argail M. Psikhologiya schast'ya [Psychology of happiness]. 2-e izd. Saint Petersburg: Publ. Piter, 2003. 271 p. (In Russ.).
2. Kochorova L.V., Skripov V.S., Slivka A.S. K voprosu o trevoge i depressii v molodezhnoi studencheskoi srede [Elektronnyi resurs] [On the issue of anxiety and depression in the youth student environment]. *Nauka molodykh – Eruditio Juvenium = Science of the young – Eruditio Juvenium*, 2020, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-trevoge-i-depressii-v-molodezhnoy-studencheskoy-srede> (Accessed 15.08.2021). (In Russ.).
3. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO) [Life Meaning Orientation Test]. Moscow: Publ. Smysl, 1992. 16 p. (In Russ.).
4. Lepeshinskij N.N. Adaptatsiya oprosnika «Shkala psihologicheskogo blagopoluchiya» K. Riff. [Adaptation of the questionnaire “Scale of psychological well-being” K. Riff]. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*, 2007, no. 3, pp. 24–37. (In Russ.).
5. Masharskaya O.S. Krosskul'turnye razlichiya sotsial'nykh predstavlenii studentov o blagopoluchii: Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk [Cross-cultural differences in students' social perceptions of well-being. PhD (Psychology) Thesis]. Kursk, 2012. 20 p. (In Russ.).
6. Nguen V.U. Psikhologicheskoe blagopoluchie v'etnamskikh i rossiiskikh studentov v vuzakh (na primere g. Voronezh) [Elektronnyi resurs] [Psychological well-being of Vietnamese and Russian students in universities (on the example of Voronezh)]. *Universum: Psikhologiya i obrazovanie: elektron. nauchn. zhurn. = Universum: Psychology and Education: electron. scientific. journal*, 2019, no. 10(64). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/7837> (Accessed 15.08.2021). (In Russ.).
7. Osin E.N., Leont'ev D.A. Aprobatsiya russkoyazychnykh versij dvuh shkal ekspress-ocenki sub'ektivnogo blagopoluchiya [Elektronnyi resurs] [Approbation of Russian-language versions of two scales for rapid assessment of subjective well-being]. Materialy III Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa «Sotsiologiya i obshchestvo: problemy i puti vzaimodeistviya» (Moskva

- 21–24 oktyabrya 2008 g.) [Proceedings of the III All-Russian Sociological Congress “*Sociology and Society: Problems and Ways of Interaction*”]. Moscow, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (Accessed 08.01.2022). (In Russ.).
8. Bokhan T. et al. Osobennosti sub”ektivnogo blagopoluchiya studentov v usloviyakh obrazovatel’noi migratsii [Features of the subjective well-being of students in the conditions of educational migration]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 59–76. DOI:10.17759/sps.2021120105 (In Russ.).
9. Ryabinkina A.N., Varlamova M.A. Psikhologicheskoe blagopoluchie sub”ektnost’ lichnosti studentov [Psychological well-being and subjectivity of students’ personalities]. *Obrazovanie i obshchestvo = Education and society*, 2019, no. 5, pp. 109–121. (In Russ.).
10. Samokhvalova A.G., Metc M.V. Mezhkul’turnye kommunikativnye trudnosti podrostkov-migrantov pervogo i vtorogo pokolenij: kross-kul’turnyj aspekt [Intercultural Communication Difficulties of Adolescent Migrants of the First and Second Generations: A Cross-Cultural Aspect]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 149–166. DOI:10.17759/sps (In Russ.).
11. Samokhvalova A.G., Kulikov L.V., Vishnevskaya O.N. Perezhivanie podrostkami kommunikativnykh trudnostei v mezhkul’turnom obshchenii [Teenagers’ experience of communicative difficulties in intercultural communication]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2019, no. 4, pp. 100–114. (In Russ.).
12. Samokhvalova A.G., Tihomirova E.A., Vishnevskaya O.N., Shipova N.S., Asriyan E.V. Strukturno-funktional’naya model’ psihologicheskogo blagopoluchiya sovremennykh studentov [The structural-functional model of contemporary students’ psychological Well-being]. *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal = Russian psychological journal*, 2021. Vol. 18, no. 4, pp. 47–63. DOI:10.21702/rpj.2021/4/4 (In Russ.).
13. Seligman M. Novaya pozitivnaya psikhologiya [New positive psychology]. Kyiv: Publ. Sofiya, 2006. 368 p. (In Russ.).
14. Sergienko E.A., Eidel’man G.N. Vozrastnaya identifikatsiya sovremennoi molodezhi kak faktor samodeterminatsii [Age identification of modern youth as a factor of self-determination]. *Obrazovanie I samorazvitie = Education and self-development*, 2015. Vol. 3, no. 45, pp. 62–72. (In Russ.).
15. Solomin I.L. Metodika psihosemanticheskoy ekspress-diagnosticski motivatsii [Methods of psychosemantic express diagnostics of motivation]. *SHkol’nye tekhnologii = School technology*, 2008, no. 1, pp. 159–168. (In Russ.).
16. Chebotareva E.Yu. Kross-kul’turnye osobennosti koping-strategii rossiiskikh i frantsuzskikh studentov v kontekste psikhologicheskogo blagopoluchiya [Cross-cultural features of coping strategies of Russian and French students in the context of psychological well-being]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology*, 2018. Vol. 7, no. 2(26), pp. 156–163. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-2-156-163 (In Russ.).
17. Shutenko E.N. Psikhologicheskoe zdorov’e molodezhi v usloviyakh sotsiokul’turnykh transformatsii i sovremennogo obshchestva [Elektronnyi resurs] [Psychological health of youth in the conditions of socio-cultural transformations of modern society]. *Psikholog = Psychologist*, 2018, no. 3, pp. 32–40. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27044 (Accessed 15.08.2021). (In Russ.).
18. Eidel’man A.B. Osobennosti sub”ektivnogo vozrasta i psikhologicheskogo blagopoluchiya v molodom vozraste [Features of subjective age and psychological well-being at a young age]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2019, no. 2, pp. 30–35. (In Russ.).

19. Bethel A., Ward C., Fetvadjev V.H. Cross-Cultural Transition and Psychological Adaptation of International Students: The Mediating Role of Host National Connectedness. *Front. Educ.*, 2020. Vol. 5. DOI:10.3389/educ.2020.539950
20. Bobic M., Davis E., Cunningham R. The Kirton Adaptation-Innovation Inventory: Validity Issues, Practical Questions. *Review of Public Personnel Administration*, 1999. Vol. 19, pp. 18–31. DOI:10.1177/0734371X9901900204
21. Bonn G., Tafarodi R.W. Visualizing the good life: A cross-cultural analysis. *Journal of Happiness Studies*, 2013. Vol. 14(6), pp. 1839–1856. DOI:10.1007/s10902-012-9412-9
22. Chen G., Martin R.A. A comparison of humor styles, coping humor, and mental health between Chinese and Canadian university students. *Humor Int. J. Humor Res.*, 2007. Vol. 20, pp. 215–234. DOI:10.1515/HUMOR.2007.011
23. Schofield M.J. et al. Depressive symptoms among Australian university students: Who is at risk? *Australian Psychologist*, 2016. Vol. 5(2), pp. 135–144. DOI:10.1111/ap.12129
24. Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985. Vol. 49(1), pp. 71–75. DOI:10.1207/s15327752jpa4901_13
25. Diener E., Ng W., Harter J., Arora R. Wealth and happiness across the world: Material prosperity predicts life evaluation, whereas psychosocial prosperity predicts positive feeling. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010. Vol. 99, pp. 52–61. DOI:10.1037/a0018066
26. Diener E., Oishi S., Lucas R.E. Personality, Culture, and Subjective Well-Being: Emotional and Cognitive Evaluations of Life. *Annual Review of Psychology*, 2003. Vol. 54(1), pp. 403–425. DOI:10.1146/annurev.psych.54.101601.145056
27. Iwamoto D., Chun H. Stress, anxiety and depression: An analysis of higher education students. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, 2019. Vol. 8(3), pp. 47–52.
28. Kalvans E. Students' psychological well-being, its demographic and social determinants. *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference*, 2020. Vol. 7. DOI:10.17770/sie2020vol7.4848
29. Oishi S., Schimmack U. Culture and well-being: A new inquiry into the psychological wealth of nations. *Perspectives on Psychological Science*, 2010. Vol. 5, pp. 463–471. DOI:10.1177/1745691610375561
30. Pflug J. Folk theories of happiness: A cross-cultural comparison of conceptions of happiness in Germany and South Africa. *Social Indicators Research*, 2009. Vol. 92, pp. 551–563. DOI:10.1007/s11205-008-9306-8
31. Suh E.M., Choi S. Predictors of subjective well-being across cultures [Electronic resource]. In E. Diener, S. Oishi, L. Tay (Eds.). *Handbook of well-being*. Salt Lake City, UT: DEF Publishers, 2018. URL: <https://www.nobascholar.com/chapters/45/download.pdf> (Accessed 28.07.2021)
32. Tay L., Morrison M., Diener E. Living among the affluent: Boon or bane? *Psychological Science*, 2014. Vol. 25, pp. 1235–1241. DOI:10.1177/0956797614525786
33. Germani A. et al. The link between individualism-collectivism and life satisfaction among emerging adults from four countries. *Applied Psychology: Health and Well-Being*, 2021. Vol. 13, pp. 437–453. DOI:10.1111/aphw.12259

Информация об авторах

Самохвалова Анна Геннадьевна, доктор психологических наук, директор Института педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Тихомирова Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ

ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirowa82@mail.ru

Вишневецкая Оксана Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@ksu.edu.ru

Шипова Наталья Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: n_shipova@ksu.edu.ru

Асриян Элина Вячеславовна, кандидат психологических наук, проректор по гуманитарным и общественным специальностям, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4970-3527>, e-mail: elina.asriyan@gmail.com

Information about the authors

Anna G. Samokhvalova, Doctor of Psychology, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksu.edu.ru

Elena V. Tikhomirova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirowa82@mail.ru

Oksana N. Vishnevskaya, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Acmeology of Personality, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@ksu.edu.ru

Natalya S. Shipova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Special pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: n_shipova@ksu.edu.ru

Elina V. Asriyan, PhD in Psychology, Vice-Rector for Humanities and Social Specialties, Yerevan State University, Yerevan, Armenia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4970-3527>, e-mail: elina.asriyan@gmail.com

Получена 18.08.2021

Received 18.08.2021

Принята в печать 15.04.2022

Accepted 15.04.2022

Культуральные особенности образа ролевой структуры в диаде «отец-ребенок»

Васильева Е.Н.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5829-0571>, e-mail: vayulena@yandex.ru*

Щербаков А.В.

*ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО «ННГУ им. Н.И. Лобачевского»),
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7169-9010>, e-mail: yavropchte@yandex.ru*

Цель. Изучение культуральных особенностей образа ролевой структуры в диаде «отец-ребенок» у русских и итальянских мужчин.

Контекст и актуальность. Динамичная трансформация современного общества влечет за собой существенные изменения в структуре и функциях семьи как социальной группы, так как ее адаптивность поддерживается эффективной реализацией всех функций в совокупности. Однако доминирующая семейная функция является феноменом, определяющим основное направление эволюции семейной системы. Исследования отечественных и зарубежных авторов показывают, что в разных странах могут быть выделены в качестве доминирующей разные функции. Однако во всем мире признается исключительная важность процесса воспитания и развития детей, в котором принимают участие не только матери, но и отцы. В настоящее время в условиях трансформации представлений о роли отца в семье возникает проблема осознанного родительства, в частности, понимания отцом специфики своей родительской роли, роли своего ребенка, трансляция адаптивных способов коммуникации в семейной среде.

Дизайн исследования. В работе было проведено изучение характера и силы взаимосвязи образа себя как «будущего отца» и образа своей роли в детстве по отношению к отцу у русских и итальянских молодых мужчин. Наличие и характер взаимосвязи проверялись с помощью методов математической статистики (корреляционный анализ и анализ значимости различий).

Участники. В исследовании принимали участие 282 мужчины (145 русских и 137 итальянцев) в возрасте 21–22 лет ($M=21,5$), воспитывавшихся в полных семьях, имеющих незаконченное высшее образование, не состоящих в официально зарегистрированном браке и не имеющих детей.

Методы (инструменты). Анкетный опрос с помощью авторской методики Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова «Социальные роли ребенка». Статистическая обработка полученных данных проводилась на основе программы SPSS 23.0 for Windows. В качестве критериев использовались T-критерий Стьюдента для независимых выборок, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, φ-критерий Фишера.

Результаты. Сравнительный анализ полученных данных показал существование культуральных различий во взаимосвязи образа себя как «будущего отца» и образа своей роли в детстве по отношению к отцу у русских и итальянских мужчин в возрасте 21–22 лет.

Основные выводы. Выявлена специфика интегрального образа роли «отца», по мнению русских и итальянских мужчин, а также взаимосвязь между образами ролей в детстве по от-

СС BY-NC

ношению к отцу («детские роли») и образами ролей своего «будущего ребенка» у русских и итальянских молодых мужчин.

Ключевые слова: образ роли, отцовство, отец, ребенок, будущий ребенок, культуральные особенности.

Для цитаты: Васильева Е.Н., Щербakov А.В. Культуральные особенности образа ролевой структуры в диаде «отец-ребенок» // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 144–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130210>

Cultural Features of the Image of the Role Structure in the Father- Child Dyad

Elena N. Vasilyeva

National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5829-0571>, e-mail: vayulena@yandex.ru

Andrey V. Scherbakov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7169-9010>, e-mail: yavpochte@yandex.ru

Objective. *Study of the cultural characteristics of the image of the role structure in the father-child dyad in Russian and Italian men.*

Background. *The dynamic transformation of modern society, of necessity, entails significant changes in the structure and functions of the family as a social group, since its adaptability is supported by the effective implementation of all functions in the aggregate. However, the dominant family function is a phenomenon that determines the main direction of the evolution of the family system. Studies by domestic and foreign authors show that in different countries, different functions can be distinguished as dominant. However, all over the world it is recognized that the process of upbringing and development of children is extremely important, in which not only mothers, but also fathers take part. Currently, in the context of the transformation of ideas about the role of the father in the family, the problem of conscious parenting arises, in particular, the father’s understanding of the specifics of his parental role, the role of his child, the translation of adaptive methods of communication in the family environment.*

Study design. *In this work, the study of the character and power of interrelation between the image of oneself as a “future father” and the image of one’s role in childhood in relation to the father in Russian and Italian men was carried out. The presence and nature of the relationship was checked using methods of mathematical statistics (correlation analysis and analysis of the significance of differences).*

Participants. *The study involved 282 men (145 Russians and 137 Italians) 21–22 years old ($M=21.5$), who were brought up in two-parent families, with incomplete higher education, not being officially married and having no children.*

Methods. *The author’s technique of E.N. Vasilyeva, A.V. Orlov “Social Roles of the Child”. Statistical processing of the obtained data was carried out with the SPSS 23.0 for Windows. The used criteria were T-test for independent sample, Spearman’s rank correlation coefficient and F-test.*

Results. *A comparative analysis of the data obtained showed the existence of cultural differences in the interrelation between the image of oneself as a “future father” and the image of one’s role in childhood in relation to the father in Russian and Italian men aged 21–22.*

Conclusions. *The specificity of the integral image of the role of the “father” in the opinion of Russian and Italian men, as well as the relationship between the images of roles in childhood in relation to*

the father (“children’s roles”) and the images of the roles of their “future child” in Russian and Italian young men are revealed.

Keywords: *role image, fatherhood, father, child, future child, cultural features.*

For citation: Vasilyeva E.N., Shcherbakov A.V. Cultural Features of the Image of the Role Structure in the Father-Child Dyad. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 144–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130210> (In Russ.).

Введение

Динамичная трансформация современного общества влечет за собой существенные изменения в структуре и функциях семьи как социальной группы, так как ее адаптивность поддерживается эффективной реализацией всех функций в совокупности. Однако доминирующая семейная функция является феноменом, определяющим основное направление эволюции семейной системы. Различные культуры на современном этапе развития предлагают различные ответы на вопрос о том, какая из семейных функций является доминирующей. Так, исследования российских семей показывают, что экономическая функция занимает лидирующую позицию в рейтинге семейных функций [8]. В странах Европы существует иное распределение доминирующих функций. Так, для немецкой семьи наиболее значимыми выступают функция воспитания и заботы о детях, а также функция предоставления детям возможностей первичной социализации [15]. В. Шульц, изучая австрийскую семью, выявил, что современная женщина имеет возможность использовать свое право на рождение и воспитание ребенка, не жертвуя продвижением по карьерной лестнице [18]. Основной функцией испанской семьи выступает воспитание детей и укрепление эмоциональных связей между ее членами. Н. Бруггманн полагает, что современная швейцарская семья в качестве приоритетной функции также выделяет функцию

воспитания ребенка и создание условий для его социализации [8].

В целом европейская семья характеризуется доминированием функции рождения и воспитания ребенка, в то время как важнейшей функцией российской семьи выступает обеспечение материальных условий жизни семьи [8].

Основные обязанности по обеспечению материального благосостояния семьи современное российское общество возлагает на отцов. При этом от мужчин ждут и определенных конструктивных действий в сфере воспитания детей. По мнению М.В. Бутаева, эти два условия являются предпосылками формирования у мужчин склонности к конфликтному поведению. Наряду с этим авторитет отца может страдать в силу ряда причин: родительской некомпетентности, проявляющейся, прежде всего, в отсутствии осознанности отцовства; «непривлекательности» образа отца с точки зрения модели для подражания; неспособности мужчин быть успешными в социальной и профессиональной сферах, что поддерживают такие феномены, как безработица, социально-экономические кризисы, динамичность современного общества [2].

С. Траведи, К. Боze выяснили, что большинство отцов в Ботсване считают, что их главная роль в семье заключается в том, чтобы заботиться о денежном аспекте домашнего хозяйства, в то время как воспитание детей — это часть ответственности матерей. С точки зрения авторов, одним из объяснений данной

ситуации может служить недостаточность имеющихся у отцов родительских навыков [19].

В современных психологических исследованиях феномен «отцовства» рассматривается как фактор, детерминирующий всестороннее формирование личности ребенка. Так, М.А. Гулиной и Н.Л. Васильевой осуществлен анализ некоторых психоаналитических точек зрения на роль отца в жизни человека и общества; описаны функции и специфика роли отца на различных этапах развития ребенка, включая симбиотический этап, этап сближения-удаления и практикования; подчеркнута роль родителей как супружеской пары в структуре эдипального треугольника; представлены условия психологически здорового отцовства [5].

Особенно следует выделить следующие зоны отцовского влияния: полоролевая идентификация (З. Фрейд, Н. Левальд, Ш. Барт и др.); интеллектуальное развитие (Б. Фтенакис, Р. Берне, Б.И. Кочубей); усвоение моральных норм (О.Б. Чиркова); эмоционально-личностная сфера (Е.О. Смирнова, В.С. Собакин и др.); некоторые характерологические особенности ребенка (Е.П. Ильин, А. Биллер, З. Матейчек и др.) и т.д. [7].

Т.П. Авдулова, Д.П. Уханова в своем исследовании изучали взаимосвязи между представлениями родителей о справедливости и особенностями морального развития старших подростков. В диаде «отец-ребенок» выявлены положительные значимые корреляции между уровнем совестливости подростков и отцов. Также обнаружены различия во влиянии воспитательной позиции матерей и отцов на чувствительность к справедливости у подростков [1].

Х. Ханин, Н. Моход Ануар, Р. Мохамад, А. Мохамад, исследуя студентов Малайзийских государственных универ-

ситетов, ставили своей задачей определение роли отца в морально-нравственном воспитании ребенка. В результате исследования ими было выявлено, что отцы, в целом, выполняют обязанность по моральному воспитанию своих детей, обеспечивая психологическое благополучие семьи и перспективное будущее для молодых людей [14].

Исследование С. Кох и др. влияния послеродовой депрессии отца на взаимодействие с ребенком показало, что по сравнению с контрольной группой отцы с послеродовой депрессией имели худший паттерн взаимодействия со своими детьми по показателям отзывчивости, настроения и чувствительности [16].

С. Нельсон-Корффи и др. исследовали гендерные различия уровня психологического благополучия родителей во время взаимодействия с детьми, в результате чего было выявлено, что для отцов родительство ассоциируется с более высокими показателями благополучия, чем для матерей [17].

В работе Х. Добволл и др. была изучена связь между удовлетворенностью жизнью родителей и их детей. В обоих поколениях удовлетворенность родительской, супружеской и профессиональной ролями оценивалась примерно в одном и том же возрасте 38–43 лет. В рамках темы отцовства особый интерес представляет вывод о сильном влиянии отцовской удовлетворенности работой на общую удовлетворенность жизнью их взрослых детей. При этом пол ребенка существенно не влиял на силу межпоколенных связей [13].

Ряд авторов уделяет особое внимание изучению процесса становления личности субъекта, выполняющего роль «отца».

По мнению Д.С. Акивис, типично мужские черты личности, такие как энер-

гичность, стремление защищать, готовность нести ответственность, получают дальнейшее развитие лишь в процессе взаимодействия с ребенком. Л.В. Богатырева и Л.А. Коростылева также указывают, что феномен отцовской любви стимулирует нормализацию самооценки и самоактуализацию мужчины [9].

Однако готовность мужчины к подобным личностным трансформациям будет определяться, прежде всего, готовностью к отцовству в целом и сформированностью представления о роли отца в семье в частности.

А.В. Левченко [9] выявила, что представления о собственном отцовстве у мужчин детерминированы рядом факторов, среди которых она выделяет объективные (наличие или отсутствие отца в родительской семье мужчины; наличие или отсутствие собственного ребенка) и субъективные (образ своего отца, образ идеального отца, иерархия семейных ценностей). Е.А. Чикалова [12] в своем исследовании рассмотрела социальные представления об отцовстве, репрезентированные в двух основных тенденциях. Первая тенденция выражается в направленности на эффективное взаимодействие отца с ребенком, на баланс отношений в супружеской и детско-родительской диадах, на готовность отца и матери к продуктивному распределению семейных и родительских ролей. Вторая тенденция отражает традиционно-патриархальную модель семьи, в которой отец принимает незначительное участие в уходе и заботе о ребенке, поддерживая доминантно-зависимую структуру отношений в семье, с четкими позициями мужа и жены. Кроме того, автор указывает, что современные СМИ трансформируют представления об отцовстве в сторону расширения круга обязанностей мужчины в детско-ро-

дительской диаде, что не вписывается в традиционную модель семьи.

В.К. Рахманова [11], изучая в своей работе первый опыт отцовства и отношение к своему отцу у мужчин 20–30 лет, выявила, что появление ребенка меняет отношение мужчины к ряду жизненных ценностей: первостепенными становятся отношение к семье, осознание себя в отцовской роли и роли мужа, одновременно с этим формируется рефлексия отцовской позиции. Факт отцовства меняет отношение мужчин к своим отцам: молодые отцы начинают определять уровень влияния и заботы, транслированный им, уделяя внимание недостаткам отцовского воспитания; ситуация позитивных отношений с отцом ведет к переходу от идеалистического представления о собственном отцовстве к воспроизведению ролевой модели своего отца; повышается эмоциональная сензитивность к чувствам и переживаниям своих отцов.

Таким образом, в условиях трансформации представлений о роли отца в семье возникает проблема осознанного родительства, в частности, понимания отцом специфики своей родительской роли, роли своего ребенка, трансляция адаптивных способов коммуникации в семейной среде.

В нашем исследовании мы предприняли попытку определить культуральные особенности образа ролевой структуры детско-родительских отношений у русских и итальянских мужчин, в частности, образа «детской роли» по отношению к отцу и образа роли «будущего ребенка». При этом «образ роли» понимается нами как целостное интегральное отражение в сознании распределения функциональных прав и обязанностей, характерных для субъекта ролевого взаимодействия [3].

В качестве гипотез нашего исследования были выдвинуты следующие предположения:

- существуют культуральные различия в образах своей «детской роли» по отношению к отцу у русских и итальянских мужчин;
- существует культуральная специфика обобщенного образа «русского» и «итальянского» отца;
- существуют культуральные различия в образах своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин;
- существует культуральная специфика взаимосвязи образа своей роли в детстве по отношению к отцу и образа своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин.

Метод

Схема проведения исследования. Респонденты заполняли опросник по выявлению их «детских ролей» и представлений о ролях своего «будущего ребенка».

Выборка исследования. В исследовании принимали участие 282 мужчины в возрасте 21–22 лет (145 русских и 137 итальянцев), воспитывавшихся в полных семьях, имеющих незаконченное высшее образование, не состоящих в официально зарегистрированном браке и не имеющих детей.

Методы исследования. В качестве диагностического инструментария использовались два варианта авторской методики Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова «Социальные роли ребенка» [3; 4].

Методика Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова «Социальные роли ребенка» («Мои детские роли») позволяет выявить представления респондентов о функциональных ролях, которые они «выполняли» по отношению к своим родителям в детстве, в данном исследовании — по отношению к своему отцу. Вариант методики «Роли моего будущего ребенка» направлен на

изучение родительско-детских ожиданий, то есть ожиданий респондентов как будущих отцов по отношению к своему будущему ребенку. Методика дает возможность увидеть ранг каждой роли (см. Приложение).

Для группы итальянцев методика была предложена на английском языке.

Результаты

Результаты, полученные на российской и итальянской выборках, анализировались отдельно. Статистическая обработка полученных данных проводилась на основе программы SPSS 23.0 for Windows. В качестве критериев использовались Т-критерий Стьюдента для независимых выборок, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, ϕ -критерий Фишера.

На первом этапе исследования мы сравнили образы роли по отношению к отцу в детстве у русских и итальянских мужчин. Данные представлены на рис. 1 и 2.

На рис. 1 мы отразили роли, которые воспроизводили чаще всего и русские, и итальянские мужчины по отношению к отцу в детстве (достоверных отличий нет).

Различия в ролевых позициях русских и итальянцев, выполняемых ими в детстве по отношению к отцу, представлены на рис. 2.

При определении различий между образами роли «будущего ребенка» по отношению к себе как к «будущему отцу» у русских и итальянских мужчин мы получили данные, отраженные на рис. 3 и 4.

Для подтверждения гипотезы о культуральной специфике взаимосвязи образа своей роли в детстве по отношению к отцу и образа роли своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин

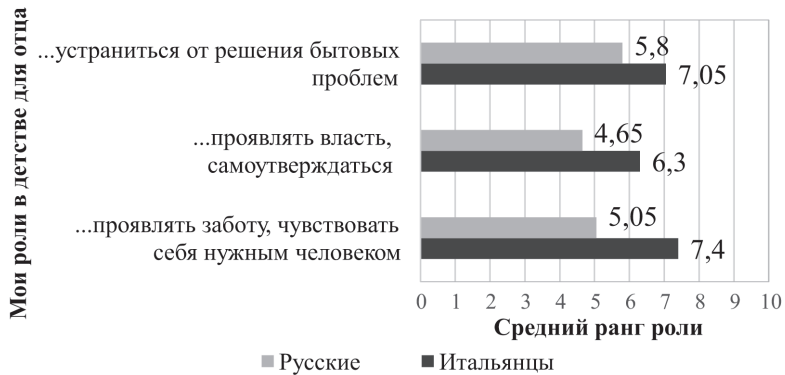

Рис. 1. Роли, чаще всего выполняемые по отношению к отцу в детстве русскими и итальянскими мужчинами (в числовом выражении нет достоверных отличий)

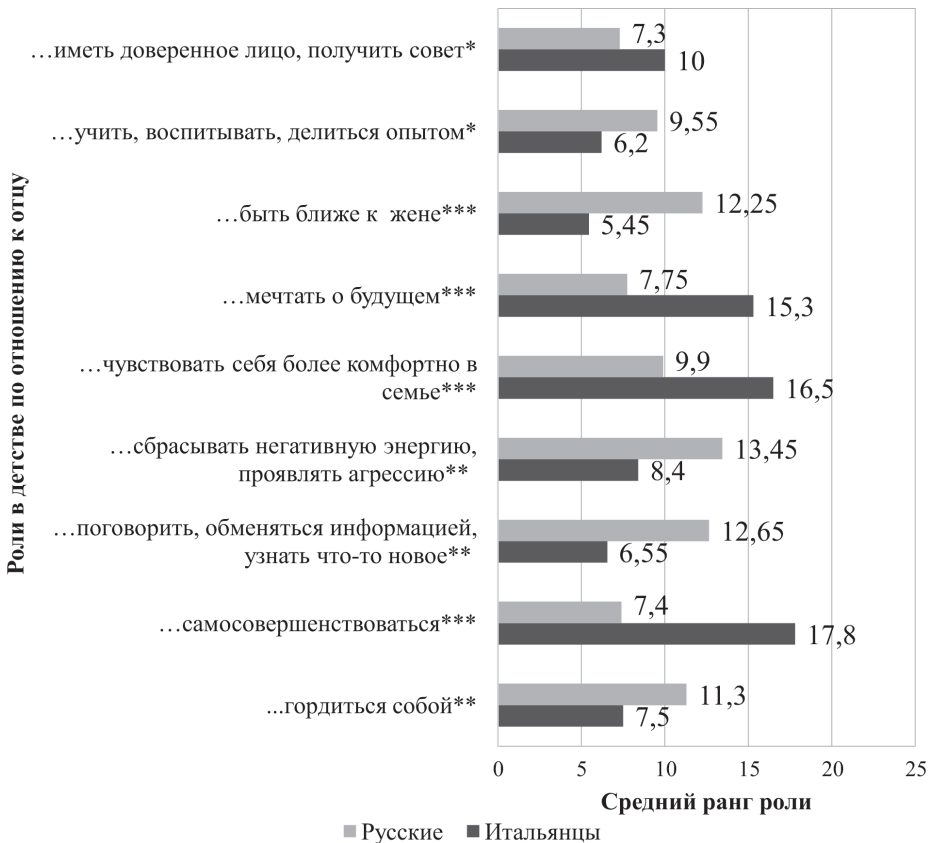

Рис. 2. Сравнение ролей по отношению к отцу в детстве у русских и итальянских мужчин: значимость различий на уровне * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$

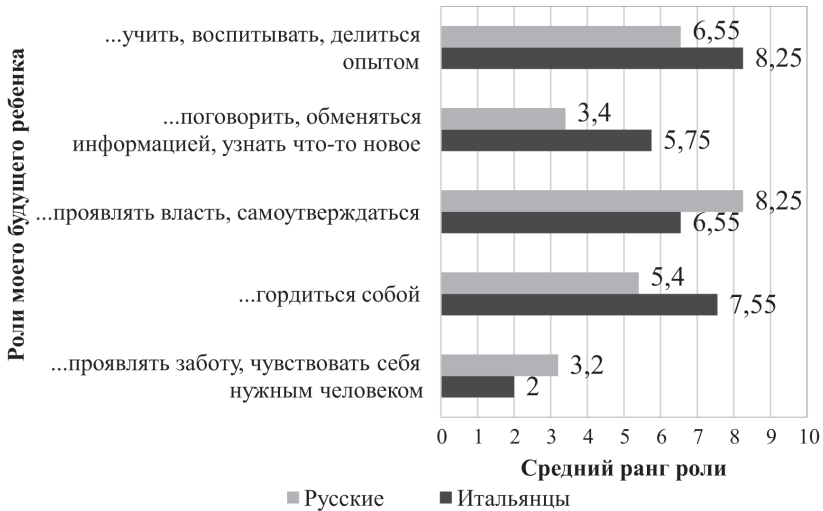

Рис. 3. Наиболее желательные роли «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин (в числовом выражении нет достоверных отличий)

Рис. 4. Сравнение ролей своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин: значимость различий на уровне * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$

были использованы данные корреляционного анализа.

В выборке русских мужчин были выявлены следующие достоверные

корреляционные связи между образом своей роли в детстве по отношению к отцу и образом роли своего «будущего ребенка»:

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность гордиться собой, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность проявлять власть, самоутверждаться ($r=0,73$; $p\leq 0,001$), но не представлял его в роли «собеседника» ($r=-0,71$; $p\leq 0,001$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность заряжаться энергией, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность также заряжаться энергией ($r=0,59$; $p\leq 0,01$) и общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме ($r=0,57$; $p\leq 0,01$), но не видит ребенка как человека, приобщающего его к культуре и искусству ($r=-0,61$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию, то он не хотел бы «использовать» «будущего ребенка» для собственного комфорта в семье ($r=-0,6$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность чувствовать себя более комфортно в семье, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» также давал ему эту возможность ($r=0,75$; $p\leq 0,001$), и не хотел бы его «использовать» для проявления власти и самоутверждения ($r=-0,57$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал своему отцу возможность быть в роли «учителя-воспитателя», то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность получать поддержку, помощь ($r=0,62$; $p\leq 0,01$) и быть ближе к жене ($r=0,56$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность иметь «доверенное лицо», получить совет, то он не хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» был «средством» устранения от бытовых проблем ($r=-0,57$; $p\leq 0,01$).

В выборке итальянских мужчин оказалось характерно наличие следующих взаимосвязей между образом своей роли в детстве по отношению к отцу и образом роли своего «будущего ребенка»:

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность само совершенствоваться, то он не хотел бы самоутверждаться за счет своего «будущего ребенка» ($r=-0,65$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность поговорить с ним, обменяться информацией, узнать что-то новое, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» также давал ему эту возможность ($r=0,56$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность заряжаться энергией, то он не хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» был объектом проявления власти ($r=-0,66$; $p\leq 0,001$), обучения и воспитания ($r=-0,75$; $p\leq 0,001$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность дарить любовь ($r=0,61$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность получать любовь и эмоциональную близость, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» также давал ему эту возможность ($r=0,62$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность проявлять активность в жизни и на работе, то он не хотел бы, чтобы «будущий ребенок» был объектом проявления его заботы ($r=-0,62$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию, то он не хотел бы использовать

«будущего ребенка» в качестве «генератора» энергии ($r=-0,61$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность чувствовать себя более комфортно в семье, то он не хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность дарить любовь ($r=-0,85$; $p\leq 0,001$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность мечтать о будущем, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность получать поддержку ($r=0,7$; $p\leq 0,001$), и не хотел бы его «использовать» для снижения тревоги о будущем ($r=-0,61$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность быть ближе к жене, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность проявлять заботу и чувствовать себя нужным человеком ($r=0,6$; $p\leq 0,01$);

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность устранить от решения бытовых проблем, то он не хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» давал ему возможность дарить любовь, то есть проявлять сильные положительные чувства по отношению к нему;

- если в детстве респондент, по его мнению, давал отцу возможность получить поддержку, помощь, то он хотел бы, чтобы его «будущий ребенок» предоставлял ему возможность помечтать о будущем ($r=0,56$; $p\leq 0,01$), но при этом не видит его в роли «источника достоверной информации» ($r=-0,62$; $p\leq 0,01$).

Обсуждение результатов

На первом этапе исследования решалась задача сравнения образов своей «детской роли» по отношению к отцу у русских и итальянских мужчин. Анали-

зируя данные диаграммы (рис. 1), можно сказать, что и русские, и итальянские мужчины считают, что в детстве они чаще всего давали отцу возможность:

- проявлять власть, самоутверждаться;
- проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком;
- устранить от решения бытовых проблем.

Таким образом, представители обеих культур, по их мнению, в детстве достаточно часто «играли» роли, помогающие отцу ощущать свою необходимость в качестве члена семьи; заботиться о близких; контролировать семейную ситуацию, повышая тем самым свою самооценку; переложить на кого-то или отложить на время решение регулярных семейных проблем.

Анализируя данные диаграммы, представленной на рис. 2, можно сказать, что, по мнению русских мужчин, они чаще, чем итальянцы, в детстве давали возможность своему отцу:

- самосовершенствоваться ($p\leq 0,001$);
- чувствовать себя более комфортно в семье ($p\leq 0,001$);
- мечтать о будущем ($p\leq 0,001$);
- иметь доверенное лицо ($p\leq 0,05$).

Описывая обобщенный образ «русского отца», можно сказать, что для него характерна позиция в семье, позволяющая ощущать удобство в быту, легкость коммуникации внутри семьи, позитивный настрой окружающих близких. Русский мужчина в семье при помощи сына получает возможность личностного роста, саморазвития, построения воображаемых перспектив своей жизни. В то же время сын, как правило, берет на себя функции парламентаря и хранителя отцовских тайн.

В то же время для итальянских мужчин характерно иное мнение об образе

своей роли для отца в детстве. Они чаще, чем русские, давали возможность отцу:

- быть ближе к жене ($p \leq 0,001$);
- гордиться собой ($p \leq 0,01$);
- поговорить, обменяться информацией, узнать что-то новое ($p \leq 0,01$);
- сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию ($p \leq 0,01$);
- учить, воспитывать, делиться опытом ($p \leq 0,05$).

Описывая обобщенный образ «итальянского отца», можно сказать, что отец при помощи сына удовлетворяет различные формы коммуникативной потребности: потребность в трансляции своего жизненного опыта, наставничестве; желание участвовать в формировании личности своего ребенка; желание иметь высокую самооценку в результате пересмотра своих успешных жизненных стратегий. Итальянский мужчина в семье использует ребенка как средство уменьшения психологической дистанции с супругой. Одновременно с этим в итальянской семье сын выступает в качестве объекта для разрядки отрицательных эмоций отца.

Второй задачей исследования было выявление различий между образами роли «будущего ребенка» по отношению к себе как к «будущему отцу» обеих выборок молодых мужчин.

Анализируя данные, представленные на рис. 3, можно сказать, что и русские, и итальянские мужчины ждут от своего «будущего ребенка» предоставления им следующих возможностей:

- проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком;
- гордиться собой;
- проявлять власть, самоутверждаться;
- поговорить, обменяться информацией, узнать что-то новое;
- учить, воспитывать, делиться опытом.

Прослеживается общность взглядов обеих групп мужчин на себя в роли «бу-

дущего отца», выражающаяся в желании решить следующие основные задачи: самоутвердиться в роли отца и испытывать гордость за себя, а также иметь возможность опекать, наставлять, передавать свой жизненный опыт, направлять процесс развития своего ребенка.

Анализируя данные диаграммы, представленной на рис. 4, можно сказать, что достоверные отличия между образами своего «будущего ребенка» у русских и итальянцев существуют в категории «непредпочитаемых» детских ролей. Русские мужчины, по сравнению с итальянскими, менее хотят видеть своего будущего ребенка в следующих ролях, играя которые, ребенок будет давать им возможность:

- общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме ($p \leq 0,001$);
- иметь доверенное лицо ($p \leq 0,01$);
- получать любовь, эмоциональную близость ($p \leq 0,01$);
- чувствовать себя более комфортно в семье ($p \leq 0,05$).

Итальянцы, по сравнению с русскими, менее хотят видеть своего будущего ребенка в следующих ролях, при выполнении которых ребенок будет давать им возможность:

- самосовершенствоваться ($p \leq 0,001$);
- проявлять активность в жизни и на работе ($p \leq 0,05$).

При рассмотрении культуральной специфики взаимосвязи образа своей роли в детстве по отношению к отцу и образа роли своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин было выявлено:

- у русских мужчин 6 образов их ролей в детстве по отношению к отцу связаны 11 корреляциями с 9 образами роли их «будущего ребенка»;
- у итальянских мужчин 12 образов «детских» ролей по отношению к отцу

связаны 15 корреляциями с 14 образами роли их «будущего ребенка».

Между указанными параметрами изучаемых выборок существуют достоверные отличия на уровне $p \leq 0,05$ (по j -критерию Фишера). По нашему мнению, это может свидетельствовать о меньшей тесноте взаимосвязей между образом своей «детской» роли и образом роли своего «будущего ребенка» у выборки русских мужчин, по сравнению с итальянской выборкой.

Поскольку «детские» роли, представленные в методике, направлены на удовлетворение личностных потребностей родителя, то для дальнейшего анализа мы разделили всю совокупность ролей на 3 категории. В качестве критерия выделения категорий была применена классификация потребностей Д. МакКлелланда. Так, по мнению МакКлелланда, все люди обладают тремя видами потребностей: во власти, в достижении и в аффилиации. Но, как правило, одна из потребностей у человека выражена сильнее остальных, что оказывает влияние на его поведение. Потребность во власти удовлетворяется посредством влияния на других людей и контроля их поведения. Потребность в достижении реализуется через решение определенных задач с высокой эффективностью. Удовлетворяя потребность в аффилиации, человек стремится формировать и развивать сеть тесных дружеских отношений с окружающими людьми [10].

В результате деления «детских» ролей на категории мы получили следующую схему.

Потребность во власти

- ... проявлять власть, самоутверждаться;
- ... зарядиться энергией;
- ... сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию;

... учить, воспитывать, делиться опытом.

Потребность в достижении

- ... гордиться собой;
- ... самосовершенствоваться;
- ... поговорить, обменяться информацией, узнать что-то новое;
- ... меньше тревожиться о будущем;
- ... проявлять активность в жизни и на работе;
- ... чувствовать себя более комфортно в семье;
- ... мечтать о будущем;
- ... приобщаться к культуре, искусству;
- ... устраниться от решения бытовых проблем.

Потребность в аффилиации

- ... проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком;
- ... общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме;
- ... дарить любовь;
- ... получать любовь, эмоциональную близость;
- ... быть ближе к жене;
- ... иметь доверенное лицо;
- ... получить поддержку, помощь.

Далее мы проанализировали количество «детских» ролей, имеющих достоверные корреляционные связи, описанные выше, с образами роли своего «будущего ребенка», у русских и итальянских мужчин в каждой из категорий. Так, «детские» роли русских респондентов, оказавшие влияние на их образы «будущего ребенка», распределились следующим образом: в категории «Потребность во власти» оказались три роли, в категории «Потребность в достижении» — две роли, в категории «Потребность в аффилиации» — одна роль. У итальянских мужчин получилось несколько иное распределение: в категории «Потребность во власти» — две

роли, в категории «Потребность в достижении» — шесть ролей, в категории «Потребность в аффилиации» — четыре роли. Сравнивая полученное распределение, мы выявили, что детские роли, влияющие на образ «будущего ребенка» русских респондентов, прежде всего относятся к тем ролям, которые удовлетворяли потребность во власти их отцов. В то же время, по мнению итальянских респондентов, их отцы, прежде всего, удовлетворяли свою потребность в достижении.

В нашем исследовании образы своих ролей, в которых респонденты удовлетворяли ту или иную потребность своих отцов в детстве, формируют у них разное количество образов ролей своего «будущего ребенка». Мы полагаем, что рост количества корреляционных связей образов «детской» роли респондента с образами ролей его «будущего ребенка» говорит об увеличении количества потенциальных межличностных взаимодействий в диаде «отец-ребенок». По нашему мнению, в ситуации потенциального взаимодействия отца с ребенком это увеличит устойчивость таких взаимоотношений, даже безотносительно к качественной специфике удовлетворяемых отцовских потребностей респондентов.

Так, образы «детских» ролей русских мужчин, отнесенных к категории «Потребность во власти», оказались стимулирующими образы наиболее устойчивых систем взаимодействия в диаде «отец-ребенок» (3 «детские» роли связаны с 6 ролями «будущего ребенка», $p \leq 0,01$). В двух других категориях — «Потребность в достижении» и «Потребность в аффилиации» — между количеством образов «детских» ролей и количеством связанных с ними образов ролей своего «будущего ребенка» достоверных отличий нет.

Итальянская выборка характеризуется отсутствием достоверных отличий

между количеством образов «детских» ролей респондентов и количеством связанных с ними образов ролей их «будущего ребенка» во всех категориях.

Таким образом, цель, поставленная в начале исследования — изучение культуральных особенностей образа ролевой структуры детско-родительских отношений у русских и итальянских мужчин, была достигнута, все четыре гипотезы нашли свое подтверждение.

Выводы

1. Некоторые представления русских и итальянских молодых мужчин о своих ролевых позициях по отношению к отцу в детстве не имеют культуральных отличий. Среди них такие, как: заботиться о близких; перекладывать на кого-то или откладывать на время решение регулярных семейных проблем; помогать отцу ощущать свою необходимость как члена семьи; контролировать семейную ситуацию, повышая тем самым свою самооценку.

2. Специфика интегрального образа роли «отца» в семье (по отношению к сыну), по мнению русских и итальянских мужчин, состоит в том, что «русскому отцу» свойственны: легкость коммуникации внутри семьи; позиция в семье, позволяющая ощущать удобство в быту; позитивный настрой окружающих близких; получение возможности личностного роста, саморазвития, построения воображаемых перспектив своей жизни. Одновременно с этим ребенок, как правило, осуществляет функции «парламентера» и «доверенного лица». Интегральный образ «итальянского отца» характеризуется ориентацией на следующие виды взаимодействия с ребенком в семье: передача своего жизненного опыта, обучение; участие в формировании личности своего ребенка;

самосовершенствование; использование ребенка как средства сближения с супругой; использование ребенка как объекта для разрядки отрицательных эмоций.

3. Русские и итальянские молодые мужчины при описании образа роли «будущего ребенка» выразили общность взглядов, предпочитая такие роли ребенка, при которых удовлетворялись бы: потребность в самоутверждении в отцовской роли, гордости за себя; потребность в возможности опекать, учить, транслировать свой жизненный опыт; потребность в управлении процессом формирования личности своего ребенка. В то же время для выборки русских мужчин, по сравнению с выборкой итальянских мужчин, более значимыми оказались такие роли «будущего ребенка», при которых они получают возможность «проявлять активность в жизни и на работе» и «самосовершенствоваться». Итальянцы, по сравнению с русскими, хотели бы видеть такие роли своего «будущего ребенка», при которых они получают возможность: «иметь доверенное лицо, получить совет», «чувствовать себя более комфортно в семье», «получать любовь, эмоциональную близость», «общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме».

4. Образ своей роли в детстве по отношению к отцу («детская роль») и образ роли своего «будущего ребенка» у русских и итальянских мужчин взаимосвязаны, что, по нашему мнению, позволяет использовать один из образов в процессе реструктуризации другого. Теснота взаимосвязи данных образов у русской выборки достоверно меньше ($p \leq 0,05$), чем у итальянской, что, вероятно, повышает эффективность этого процесса у итальянских молодых людей, чем у их русских сверстников. В контексте проблемы осознанного отцовства возможно целенаправленное «конструирование» образа роли

«будущего ребенка» через проработку «детских ролей» взрослого мужчины.

5. «Детские» роли, представленные в методике, были соотнесены с тремя видами потребностей по классификации Д. МакКлелланда: потребность во власти, потребность в достижении, потребность в аффилиации. Русские мужчины, по их мнению, в детстве выполняли, прежде всего, такие роли, которые позволяли их отцам удовлетворять потребность во власти. В подобной ситуации итальянские отцы, по мнению респондентов, удовлетворяли, прежде всего, свою потребность в достижении. Необходимо указать, что рассматривались только те роли, которые оказали влияние на образ роли «будущего ребенка» в обеих выборках.

6. Рост количества корреляционных связей образов «детской» роли респондента с образами ролей его «будущего ребенка» говорит об увеличении количества потенциальных межличностных взаимодействий в диаде «отец-ребенок», что, по нашему мнению, делает ее более устойчивой. Образы «детских» ролей русских мужчин, отнесенных к категории «Потребность во власти», оказались стимулирующими образы наиболее устойчивых систем взаимодействия в диаде «отец-ребенок».

В качестве перспективного направления кросс-культурных исследований в области социальной психологии можно предложить применение данной схемы работы к сфере отношений в диадах «отец-дочь», «мать-сын», «мать-дочь» для изучения наличия культуральных особенностей в обобщенном образе «отца/матери», а также проследить взаимосвязь между образом своей роли в детстве по отношению к матери/отцу и образом роли своего «будущего ребенка» у молодых мужчин/женщин — представителей разных культур.

**Методика Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова «Социальные роли ребенка
(вариант «Мои роли в детстве»)**

Инструкция: В бланке приведен список социальных ролей, которые может играть ребенок в отношении отца или матери. Внимательно изучите список и проанализируйте, какую роль в детстве по отношению к своему отцу Вы «исполняли» чаще всего, присвойте ей первый ранг. Для этого поставьте в ячейку справа цифру 1. Затем из оставшегося списка выберите, в свою очередь, наиболее часто «исполняемую» роль и обозначьте ее цифрой 2. Затем проделайте то же со всеми оставшимися в списке ролями. Роли, «исполняемой» Вами в детстве реже всего, должен быть присвоен 20-й ранг.

Работайте не спеша, вдумчиво. Если в процессе работы Вы измените свое мнение, то можете исправить свои ответы, зачеркнув одну цифру и написав другую. Конечный результат должен отражать Вашу истинную позицию.

№	<i>Я в детстве давал(а) возможность матери/отцу...</i>	РАНГ
1	... проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком	
2	... гордиться собой	
3	... проявлять власть, самоутверждаться	
4	... самосовершенствоваться	
5	... поговорить, обменяться информацией, узнать что-то новое	
6	... зарядиться энергией	
7	... меньше тревожиться о будущем	
8	... общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме	
9	... дарить любовь	
10	... получать любовь, эмоциональную близость	
11	... проявлять активность в жизни и на работе	
12	... сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию	
13	... чувствовать себя более комфортно в семье	
14	... мечтать о будущем	
15	... быть ближе к жене	
16	... учить, воспитывать, делиться опытом	
17	... иметь доверенное лицо	
18	... приобщаться к культуре, искусству	
19	... устраниваться от решения бытовых проблем	
20	... получить поддержку, помощь	

Обработка: Анализ данных методики заключается как в определении ранга каждой роли, так и в выделении блоков «часто выполняемых» (1–6 ранги) и «редко выполняемых» (15–20 ранги) детских ролей.

**Методика Е.Н. Васильевой, А.В. Орлова «Социальные роли ребенка»
(вариант «Роли моего будущего ребенка»)**

Инструкция: В бланке приведен список социальных ролей, которые может играть ребенок в отношении отца. Внимательно изучите список и проанализируйте, какая роль Вашего будущего ребенка по отношению к Вам является наиболее предпочитаемой Вами, присвойте ей первый ранг. Для этого поставьте в ячейку справа цифру 1. Затем из оставшегося списка выберите, в свою очередь, наиболее предпочитаемую роль и обозначьте ее цифрой 2. Затем проделайте то же со всеми оставшимися в списке ролями. Самой «нежелательной» для Вас роли должен быть присвоен 20-й ранг. Работайте не спеша, вдумчиво. Если в процессе работы Вы измените свое мнение, то можете исправить свои ответы, зачеркнув одну цифру и написав другую. Конечный результат должен отражать Вашу истинную позицию.

№	<i>Ваш ребенок будет давать Вам возможность...</i>	РАНГ
1	... проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком	
2	... гордиться собой	
3	... проявлять власть, самоутверждаться	
4	... самосовершенствоваться	
5	... поговорить, обменяться информацией, узнать что-то новое	
6	... зарядиться энергией	
7	... меньше тревожиться о будущем	
8	... общаться с интересными людьми, ориентироваться в социуме	
9	... дарить любовь	
10	... получать любовь, эмоциональную близость	
11	... проявлять активность в жизни и на работе	
12	... сбрасывать негативную энергию, проявлять агрессию	
13	... чувствовать себя более комфортно в семье	
14	... мечтать о будущем	
15	... быть ближе к жене	
16	... учить, воспитывать, делиться опытом	
17	... иметь доверенное лицо	
18	... приобщаться к культуре, искусству	
19	... устраниваться от решения бытовых проблем	
20	... получить поддержку, помощь	

Обработка: Анализ данных методики заключается как в определении ранга каждой роли, так и в выделении блоков «предпочитаемых» (1–6 ранги) и «нежелательных» (15–20 ранги) ролей будущего ребенка.

Литература

1. Авдулова Т.П., Уханова Д.П. Представления о справедливости и стили воспитания родителей как фактор морального развития подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 81–92. DOI:10.17759/sps.2018090206
2. Бутаев М.В. Проблема отцовства в социальной философии: дисс. ... канд. философ. наук. Саратов, 2013. 144 с.
3. Васильева Е.Н. Ролевая структура детско-родительских отношений: Монография. Нижний Новгород: Изд-во НИУ РАНХиГС, 2015. 196 с.
4. Васильева Е.Н., Щербаков А.В. Психологическая готовность к родительству: Монография. Нижний Новгород: Изд-во НИУ РАНХиГС, 2015. 208 с.
5. Гулина М.А. Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 129–145. DOI:10.17759/cpp.2018260109
6. Гулина М.А., Васильева Н.Л. «Отцы и дети»: психоаналитический взгляд на роль отца в развитии личности ребенка // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 151–168. DOI:10.17759/cpp.2018260410
7. Демчук Н.А. Формирование психологической готовности юношей к отцовству: дисс. ... канд. психол. наук. Курган, 2006. 223 с.
8. Капнина Г.И. Трансформации в восприятии функций семьи в постиндустриальном обществе [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2016. № 2. С. 34–39. URL: http://psyjournals.ru/science_and_education/2016/n2/kapnina.shtml (дата обращения: 20.01.2020).
9. Левченко А.В. Представления о собственном отцовстве у мужчин и факторы, их обуславливающие: дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2009. 194 с.
10. Макклелланд Д. Мотивация человека. Москва: Питер, 2007. 669 с.
11. Рахманова В.К. Первый опыт отцовства и отношение к своему отцу // Психологическая наука и образование. 2008. Т. 13. № 4. С. 48–56. DOI:10.17759/pse
12. Чикалова Е.А. Социальные представления об отцовстве и нормы маскулинности у молодых мужчин: дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2014. 208 с.
13. Dobewall H., Hintsanen M., Savelieva K., Gluschkoff K., Keltikangas-Järvinen L. Intergenerational Transmission of Latent Satisfaction Reflected by Satisfaction Across Multiple Life Domains: A Prospective 32-year Follow-Up Study // Journal of Happiness Studies. 2019. Vol. 20. P. 955–970.
14. Hanin H.S., Mohd Anuar N.M., Mohamad R.R., Mohamad A.D. Psychology and morals education by fathers in the family International // Journal of Scientific and Technology Research. 2019. Vol. 8. P. 3238–3243.
15. Keller J.A. Herders paedagogisches Woerterbuch. Erfstadt: Verlag HOHE GmbH, 2007. 392 p.
16. Koch S., De Pascalis L., Vivian F., Murray L., Arteche A. Effects of male postpartum depression on father–infant interaction: The mediating role of face processing // Infant Mental Health Journal. 2019. Vol. 40(2). P. 263–276.
17. Nelson-Coffey S.K., Killingsworth M., Layous K., Cole S.W., Lyubomirsky S. Parenthood Is Associated With Greater Well-Being for Fathers Than Mothers // Personality and Social Psychology Bulletin. 2019. Vol. 45(9). P. 1378–1390.
18. Schulz W. Veränderungen in den Formen des Zusammenlebens und Wandel der Einstellungen zu Ehe und Familie // Österreich zur Jahrhundertwende: gesellschaftliche Werthaltungen und Lebensqualität 1986–2004. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. P. 343–366.
19. Travedi S., Bose K. Fatherhood and roles of father in children’s upbringing in Botswana: fathers’ perspectives // Journal of Family Studies. 2020. Vol. 26. P. 550–563.

References

1. Avdulova T.P. Ukhanova D.P. Predstavleniya o spravedlivosti i stili vospitaniya roditelei kak faktor moral'nogo razvitiya podrostkov [Ideas about justice and parenting styles as a factor of moral

- development of adolescents]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 81–92. DOI:10.17759/sps.2018090206 (In Russ.).
2. Butaev M.V. Problema ottsovstva v sotsial'noi filosofii. Diss. kand. filosof. nauk [Problem of fatherhood in social philosophy. PhD. Sci. (Philosophy) diss.]. Saratov, 2013. 144 p. (In Russ.).
 3. Vasil'eva E.N. Rolevaya struktura detsko-roditel'skikh otnoshenii: Monografiya [Role structure of child-parent relations: Monograph]. Nizhny Novgorod: Publishing house of NIU RANKhiGS, 2015. 196 p. (In Russ.).
 4. Vasil'eva E.N., Shcherbakov A.V. Psikhologicheskaya gotovnost' k roditel'stvu: Monografiya [Psychological readiness for parenthood: a Monograph]. Nizhny Novgorod: Publishing house of NIU RANKhiGS, 2015. 208 p. (In Russ.).
 5. Gulina M.A. Ipostasi i transformatsii obraza ottsa v psikhooanalize [Hypostasis and transformation of the image of the father in psychoanalysis]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 129–145. DOI:10.17759/cpp.2018260109 (In Russ.).
 6. Gulina M.A., Vasil'eva N.L. «Ottsy i deti»: psikhooanaliticheskii vzglyad na rol' ottsa v razvitii lichnosti rebenka [“Fathers and children”: a psychoanalytic view of the role of the father in the development of the child's personality]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no. 4, pp. 151–168. DOI:10.17759/cpp.2018260410 (In Russ.).
 7. Demchuk N.A. Formirovanie psikhologicheskoi gotovnosti yunoshei k ottsovstvu. Diss. kand. psikhol. nauk [Formation of psychological readiness of young men for fatherhood. PhD. Sci. (Psychology) diss.]. Kurgan, 2006. 223 p. (In Russ.).
 8. Kapnina G.I. Transformatsii v vospriyatii funktsii sem'i v postindustrial'nom obshchestve [Elektronnyi resurs] [Transformations in the perception of family functions in post-industrial society]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects of science and education*, 2016, no. 2, pp. 34–39. URL: http://psyjournals.ru/science_and_education/2016/n2/kapnina.shtml (Accessed 20.01.2020). (In Russ.).
 9. Levchenko A.V. Predstavleniya o sobstvennom ottsovstve u muzhchin i faktory, ikh obuslovlivayushchie. Diss. kand. psikhol. nauk [Ideas about own paternity in men and factors that determine them. PhD. Sci. (Psychology) diss.]. Krasnodar, 2009. 194 p. (In Russ.).
 10. Makklelland D. Motivatsiya cheloveka [Human motivation]. Moscow: Peter, 2007. 669 p. (In Russ.).
 11. Rakhmanova V.K. Pervyi opyt ottsovstva i otnoshenie k svoemu ottsu [First experience of fatherhood and attitude to his father]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2008. Vol. 13, no. 4, pp. 48–56. DOI:10.17759/pse (In Russ.).
 12. Chikalova E.A. Sotsial'nye predstavleniya ob ottsovstve i normy maskulinnosti u molodykh muzhchin. Diss. kand. psikhol. nauk [Social representations of fatherhood and norms of masculinity in young men. PhD. Sci. (Psychology) diss.]. St. Petersburg, 2014. 208 p. (In Russ.).
 13. Dobewall H., Hintsanen M., Savelieva K., Gluschkoff K., Keltikangas-Järvinen L. Intergenerational Transmission of Latent Satisfaction Reflected by Satisfaction Across Multiple Life Domains: A Prospective 32-year Follow-Up Study. *Journal of Happiness Studies*, 2019. Vol. 20, pp. 955–970.
 14. Hanin H.S., Mohd Anuar N.M., Mohamad R.R., Mohamad A.D. Psychology and morals education by fathers in the family. *International Journal of Scientific and Technology Research*, 2019. Vol. 8, pp. 3238–3243.
 15. Keller J.A. Herders paedagogisches Woerterbuch [Herder's paedagogic dictionary]. Erfstadt: Verlag HOHE GmbH, 2007. 392 p.
 16. Koch S., De Pascalis L., Vivian F., Murray L., Arteché A. Effects of male postpartum depression on father–infant interaction: The mediating role of face processing. *Infant Mental Health Journal*, 2019. Vol. 40(2), pp. 263–276.

17. Nelson-Coffey S.K., Killingsworth M., Layous K., Cole S.W., Lyubomirsky S. Parenthood Is Associated With Greater Well-Being for Fathers Than Mothers. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019. Vol. 45(9), pp. 1378–1390.
18. Schulz W. Veränderungen in den Formen des Zusammenlebens und Wandel der Einstellungen zu Ehe und Familie [Changes in the forms of cohabitation and changes in attitudes towards marriage and the family]. Österreich zur Jahrhundertwende: gesellschaftliche Werthaltungen und Lebensqualität 1986–2004. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005, pp. 343–366.
19. Travedi S., Bose K. Fatherhood and roles of father in children’s upbringing in Botswana: fathers’ perspectives. *Journal of Family Studies*, 2020. Vol. 26, pp. 550–563.

Информация об авторах

Васильева Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры организационной психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5829-0571>, e-mail: vayulena@yandex.ru

Щербаков Андрей Вячеславович, кандидат психологических наук, доцент кафедры культуры и психологии предпринимательства, Институт экономики и предпринимательства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ФГАОУ ВО «ННГУ им. Н.И. Лобачевского»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7169-9010>, e-mail: yavpochte@yandex.ru

Information about the authors

Elena N. Vasilyeva, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organizational Psychology, National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5829-0571>, e-mail: vayulena@yandex.ru

Andrey V. Scherbakov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7169-9010>, e-mail: yavpochte@yandex.ru

Получена 21.07.2020

Received 21.07.2020

Принята в печать 18.04.2022

Accepted 18.04.2022

Ценностные установки матерей в современных моделях родительства

Авдеева Н.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Берсенева И.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0152-6592>, e-mail: iraberseneva@gmail.com

Цель. Сравнительный анализ ценностных установок матерей в разных моделях родительства («естественное», «интенсивное»).

Контекст и актуальность. Современные родители сталкиваются с новыми социальными вызовами: конкуренция ценностей семьи, родительства и построения карьеры; трудности адаптации к быстро меняющемуся миру; неопределенность культурных образцов воспитания детей в семье, что приводит к поиску новых стратегий и практик семейного воспитания.

Дизайн исследования. В работе определялись и сравнивались ценностные установки матерей детей дошкольного возраста в двух моделях: «естественного» и «интенсивного» родительства. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась при помощи критерия χ^2 Пирсона, U-критерия Манна-Уитни.

Участники. В исследовании приняли участие 50 матерей дошкольников в возрасте от 30 до 40 лет, состоящих в браке, имеющих высшее образование.

База исследования. Интернет-площадки: тематические форумы, социальные сети и группы («Мать и ребенок», «Естественное развитие», «Интенсивное воспитание», «Осознанное родительство»).

Методы (инструменты). 1) Авторский опросник, направленный на выявление модели родительства (И.В. Берсенева, Н.Н. Авдеева); 2) Методика М. Рокича «Ценностные ориентации»; 3) Авторская анкета «Условия воспитания и развития ребенка».

Результаты. Для матерей, склонных к модели «интенсивное» родительство, приоритетные ценностные ориентации: материально обеспеченная жизнь; умение здраво и логически мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения; возможность повышать свой уровень образования, интеллектуального развития, культуры; самоконтроль; аккуратность; дисциплинированность. Для матерей, придерживающихся модели «естественное» родительство, — жизненный опыт, смелость в отстаивании своего мнения, чуткость, независимость в суждениях и поступках, терпимость, самореализация в ведении домашнего хозяйства.

Основные выводы. Выявлена специфика связи ценностных ориентаций матерей и модели родительства. Показано, что существует как сходство, так и различие в иерархии ценностных ориентиров у матерей, придерживающихся «интенсивной» и «естественной» моделей родительства. Выявленные закономерности согласуются с исследованиями моделей родительства в зарубежной психологии и отражают стратегии поиска родителями эффективных стратегий воспитания в быстро меняющемся мире.

Ключевые слова: модели родительства, «интенсивное» родительство, «естественное» родительство, ценностные ориентации, материнские установки, условия развития и воспитания дошкольников.

Для цитаты: Авдеева Н.Н., Берсенева И.В. Ценностные установки матерей в современных моделях родительства // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 163–176. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130211>

Value Attitudes of Mothers in Modern Parenthood Models

Natalia N. Avdeeva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Irina V. Berseneva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0152-6592>, e-mail: irabersenevav@gmail.com

Objective. *Comparative analysis of mothers' value attitudes in different models modern parenting ("natural", "intensive").*

Background. *Modern parents face new social challenges: the competition of family values, parenthood and career building; difficulties in adapting to a rapidly changing world; uncertainty cultural patterns of raising children in the family, which lead to the search for new strategies and practices of family education.*

Study design. *In the work, value attitudes were determined and compared mothers of preschool children in two models: "natural" and "intensive" parenting. Statistical processing of the obtained data was carried out using the Pearson's χ^2 criterion, the Mann-Whitney U-criterion.*

Participants. *The study involved 50 mothers preschoolers aged 30 to 40 years, married, with higher education.*

The research base. *Internet platforms: thematic forums, social networks and groups ("Mother and child", "Natural development", "Intensive education", "Conscious parenting").*

Measurements. *The author's questionnaire aimed at identifying the model of parenthood (I.V. Berseneva, N.N. Avdeeva); 2) The methodology of M. Rokich's "Value orientations". 3) The author's questionnaire "Conditions of upbringing and development of the child".*

Results. *For mothers inclined to the "intensive" parenting model, priority value orientations: financially secure life; the ability to think sensibly and logically, make deliberate, rational decisions; the opportunity to improve your level of education, intellectual development, culture; self-control; accuracy; discipline. For mothers who adhere to the "natural" parenting model – life experience, courage in defending their opinions, sensitivity, independence in judgments and actions, tolerance, self-realization in household management.*

Conclusions. *The specificity of the relationship between the value orientations of mothers and the model of parenthood is revealed. It is shown that there are both similarities and differences hierarchies of value orientations among mothers who adhere to the "intensive" and "natural" models of parenthood. The revealed patterns are consistent with studies of parenting models in foreign psychology and reflect the strategies of parents' search for effective parenting strategies in a rapidly changing world.*

Keywords: *models of parenthood, "intensive" parenting, "natural" parenting, value orientations, maternal attitudes, conditions for the development and upbringing of preschool children.*

For citation: Avdeeva N.N., Berseneva I.V. Value Attitudes of Mothers in Modern Parenthood Models. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 163–176. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130211> (In Russ.).

Введение

Родительство представляет собой сложный биосоциальный феномен. Биологические аспекты родительства представлены в современных исследованиях биологических детерминант материнского поведения, нейробиологических оснований взаимодействия в диаде, привязанности матери к ребенку [1].

Социокультурные трансформации родительства рассматривались с точки зрения изменений в истории и культуре представлений о материнской любви, стилях детско-родительских отношений, образе ребенка, воспитательных установках, моделях отцовства [5; 6; 7].

Современная социокультурная трансформация родительства определяется многими факторами. Прежде всего, изменением типа культуры, переходом к самой молодой, с точки зрения М. Мид, префигуративной форме культуры. Культурная ситуация, в которой имеет место префигурация, характеризуется столь быстрыми изменениями и нововведениями, что подрастающие поколения входят в мир, которого не знали не только поколения родителей, но зачастую их старшие братья и сестры. В условиях информационного общества у детей и подростков благодаря электронной коммуникативной сети возникает общность опыта, который отсутствует у старших. В то же время старшее поколение не находит в жизни молодых людей повторения своего опыта социокультурных перемен. Этот разрыв между поколениями оценивается как беспрецедентный, глобальный и всеобщий [9; 10; 14].

Информационная культура, информационно-коммуникационные технологии — реалии, с которыми с детства сталкиваются новые поколения. Социализация современных детей во многом

происходит «на полях» интернета, в социальных сетях, виртуальной реальности. Перед подрастающими поколениями стоит задача вхождения в эту новую реальность через адаптацию и активное освоение. В свою очередь направляющая функция родителей с необходимостью предполагает руководство и сопровождение детей на этом пути. Сложность родительского воспитания состоит в том, что виртуальная реальность непредсказуемо изменчива, порождает как новые возможности, так и новые риски [10].

Современное родительство рассматривается во взаимосвязи с современными социальными вызовами, с которыми сталкиваются родители в наши дни. В частности, конкуренция ценностей семьи, родительства и построения карьеры; трудности адаптации к быстро меняющемуся миру; размывание стереотипов и образцов воспитания детей в семье приводят к поиску новых воспитательных стратегий, росту вариативности практик семейного воспитания [11].

В настоящее время в зарубежной психологии можно выделить ряд устойчивых целостных моделей воспитания детей — *«естественное родительство»*, *«альфа-родительство»*, *«интенсивное родительство»*, *«позитивное родительство»*, *«осознанное родительство»*.

Наиболее распространенными в практике семейного воспитания являются модели естественного и интенсивного родительства.

Модель интенсивного родительства в первую очередь характеризуется вовлеченностью родителей в воспитание ребенка. Зарубежные исследования феномена родительской вовлеченности показали, что в течение XX века каждое последующее поколение родителей тратит на своих детей все больше времени. В большинстве психологических исследова-

дований феномен родительской включенности оценивается положительно с точки зрения влияния на когнитивное и психосоциальное развитие ребенка, школьное обучение [2; 11; 23].

Однако родительские практики воспитания, которые выходят за рамки стандартных представлений о нормах родительской вовлеченности, не способствуют академической успеваемости и психологическому благополучию ребенка [12]. В современной зарубежной психологии выделена крайняя модель интенсивного родительства, когда родители занимаются «микроменеджментом» своих детей, планируют и контролируют их жизнь начиная с младенчества, пытаясь тем самым уберечь от рисков и вызовов реального мира. Шэрон Хейз в 1996 году в своей книге о трансформации роли материнства «Культурные противоречия материнства» (*The cultural contradictions of motherhood*) описала подобный, свойственный матерям тип родительства, направленный на руководство развитием ребенка и обеспечивающий его безопасность [17].

В модели интенсивного родительства мать не только отвечает за заботу о ребенке, но и полностью обеспечивает его развитие, считает себя ответственной за результаты. При этом она опирается на знания специалистов о воспитании и развитии ребенка (детские психологи, перинатальные психологи, логопеды, дефектологи, нейропсихологи и др.) [19].

В настоящее время в англоязычных странах для описания крайнего случая интенсивного родительства — сверхвключенного стиля родительства — используется термин «helicopter parenting» (вертолетное родительство). В этом случае родители подобно вертолету «парят» над своими детьми, всегда готовы прийти на помощь, избавить ребенка от любых проблем и трудностей [18].

Было установлено, что родительство с «управленческим уклоном» не просто тип родительства обеспеченных людей, а стандарт, к которому стремится большинство родителей [20]. Популярность интенсивного родительства может быть связана с беспокойством родителей по поводу успешности ребенка в условиях быстро меняющегося мира, а также высокого уровня конкуренции в плане учебы и работы [15].

В ряде исследований было показано, что хотя сверхвключенные родители действуют с наилучшими намерениями, их поведение с большей вероятностью может навредить, а не помочь ребенку, так как приводит к «выученной беспомощности», поощрению прокрастинации, пониженной самооценке, проблемам эмоциональной регуляции, сложности перехода с одной стадии взросления на другую [15].

Естественное родительство основано на максимальном «приближении к естественности», интуитивном «настраивании» родителей и ребенка друг на друга, на базе биологических детерминант материнского поведения [3].

Естественное родительство также определяется как «сознательное родительство», «empathic parenting» (сопереживающее родительство), «instinctive care» (инстинктивная забота), «attachment parenting» (родительство в привязанности), а также «organic parenting» (органическое родительство) [3].

Один из идеологов естественного родительства Ж. Ледлофф описала особенности ухода за младенцами в племенах южноамериканских индейцев, которые представила в качестве образца для американских матерей [8]. Ранее подобное сравнение было проведено в работе М. Мид «Культура и мир детства» [9].

Принципы естественного родительства наиболее отчетливо сформулиро-

ваны по отношению к развитию ребенка в перинатальный период: естественное зачатие; естественные роды (предпочтение домашних родов); грудное вскармливание до двухлетнего возраста и исключительно по требованию ребенка; естественная гигиена; отказ от использования подгузников; ношение на руках, в слинге или эрго-рюкзаке; совместный сон; минимальные врачебные вмешательства; отказ от прививок [3].

В отличие от матерей в модели интенсивного родительства матери, практикующие подход естественного родительства, менее склонны прибегать к консультациям специалистов и выполнять их рекомендации; ускорять и интенсифицировать развитие ребенка. Они выбирают мягкие методы воспитания, но при этом могут проявлять настойчивость (при использовании прикорма, высаживания и т.п.), а также отстаивать свои принципы естественного родительства [21]. Ориентация на сигналы ребенка является важным достоинством естественного родительства, позволяет настроиться на взаимодействие, максимально полно удовлетворять потребности ребенка, влияет на качество привязанности между матерью и ребенком. С другой стороны, исследования показывают, что дети дольше и сложнее проходят этапы сепарации от родителей [22].

Длительное грудное вскармливание обеспечивает психологический комфорт малыша, полезно для его роста и развития. Однако абсолютно любой плач ребенка воспринимается как «требование» его покормить. В данном случае мать рискует игнорировать потребности ребенка (например, во внимании, общении) [16].

Современные приспособления, такие как слинги, позволяют матери быть более мобильной и заниматься работой по дому, но это также ведет и к рассеиванию

внимания матери, неспособности полностью сконцентрироваться на ребенке и адекватно удовлетворять его психологические потребности в общении и взаимодействии. Также у матери, постоянно носящей ребенка на руках, возникает риск сложностей, связанных с собственным здоровьем [3].

Проблема, цель, методика эмпирического исследования

В отечественной психологии активно обсуждаются вопросы, связанные с социокультурными изменениями современного детства и современного родительства. Обозначена актуальность проблемы определения стратегий родительского воспитания в новой социокультурной ситуации в быстро изменяющемся мире [10; 11; 14]. Одним из перспективных направлений исследований в данной области представляется изучение особенностей моделей «интенсивного» и «естественного» родительства, представленных в зарубежной психологии.

Целью настоящего исследования выступали определение и сравнительный анализ ценностных установок матерей детей дошкольного возраста в двух моделях: «естественного» и «интенсивного» родительства.

В исследовании приняли участие 50 замужних женщин (матерей дошкольников) в возрасте от 30 до 40 лет, имеющих высшее образование.

Базу исследования составили интернет-площадки: тематические форумы, социальные сети и группы («Мать и ребенок», «Естественное развитие», «Интенсивное воспитание», «Осознанное родительство»).

В качестве *методик исследования* использовались: 1) авторский опросник

(И.В. Берсенева, Н.Н. Авдеева), направленный на выявление модели родительства [4]; 2) методика М. Рокича «Ценностные ориентации» [13]; 3) авторская анкета «Условия воспитания и развития ребенка» [4].

Авторский опросник был составлен на основании характеристик моделей «интенсивного» и «естественного» родительства по материалам зарубежной психологии [4]. Опросник содержит 10 пар утверждений, с которыми матерям предлагалось выразить степень своего согласия по трехбалльной шкале (от «не соответствует — 1 балл» до «полностью соответствует — 3 балла»). Например: 1) «В вопросах воспитания и здоровья своего ребенка следует обращаться за рекомендациями и помощью к специалистам (педагог, психолог, врач)»; 2) «В вопросах воспитания и здоровья своего ребенка нужно следовать естественным ритмам развития (минимально обращаться к специалистам)».

Результаты

На первом этапе исследования по результатам проведения авторского опросника, направленного на выявление преобладающей модели родительства, выборка была разделена на две подгруппы: матери со склонностью к «интенсивной» модели родительства (54%), матери со склонностью к «естественной» модели родительства (46%).

На втором этапе по результатам проведения методики М. Рокича «Ценностные ориентации» были выявлены приоритеты ценностных установок (терминальные, инструментальные) в двух группах матерей (рис. 1, рис. 2).

При анализе результатов, представленных на рис. 1 и рис. 2, следует иметь в виду,

что шкалы имеют обратный характер, чем меньше ранг, тем выше значимость ценности для респондента; чем выше ранг, тем ниже значимость ценности.

Среди «терминальных ценностей» можно отметить приоритетные для обеих групп ценностные ориентации: здоровье, материально обеспеченная жизнь, уверенность в себе, счастливая семейная жизнь, продуктивная жизнь. Среди «инструментальных ценностей» в приоритете: жизнерадостность, независимость, воспитанность, образованность.

На основании статического анализа по U-критерию Манна-Уитни между двумя подгруппами матерей были выявлены специфические особенности.

Ценностные ориентации, наиболее характерные для «интенсивной» модели родительства:

«Материально обеспеченная жизнь» (отсутствие материальных проблем) ($U=215,5; \alpha=0,063$);

«Рационализм» (умение здраво и логически мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения) ($U=156; \alpha=0,002$);

«Познание» (возможность повышать свой уровень образования, интеллектуального развития, культуры) ($U=184,5; \alpha=0,014$);

«Самоконтроль» (сдержанность, самодисциплина) ($U=161,5; \alpha=0,004$);

«Аккуратность» (чистоплотность, четкость в ведении дел) ($U=190; \alpha=0,019$);

«Исполнительность» (дисциплинированность) ($U=108; \alpha=0,001$);

«Общественное признание» (уважение со стороны окружающих) ($U=210,5; \alpha=0,050$).

Ценностные ориентации, наиболее характерные для «естественной» модели родительства:

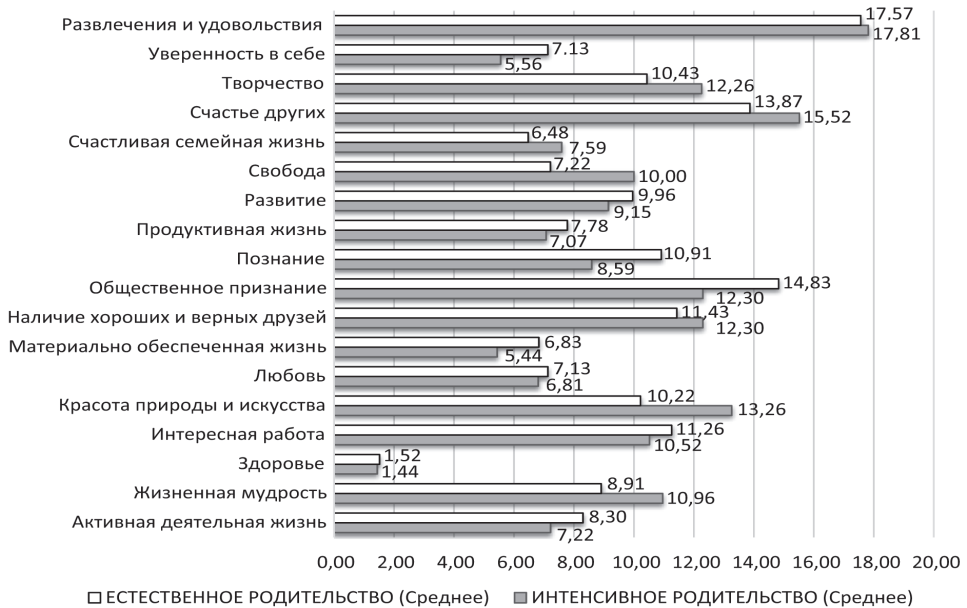

Рис. 1. Ценностные ориентации матерей в «естественной» и «интенсивной» моделях родительства по методике М. Рокича «Ценностные ориентации»: терминальные ценности (средние значения в баллах)

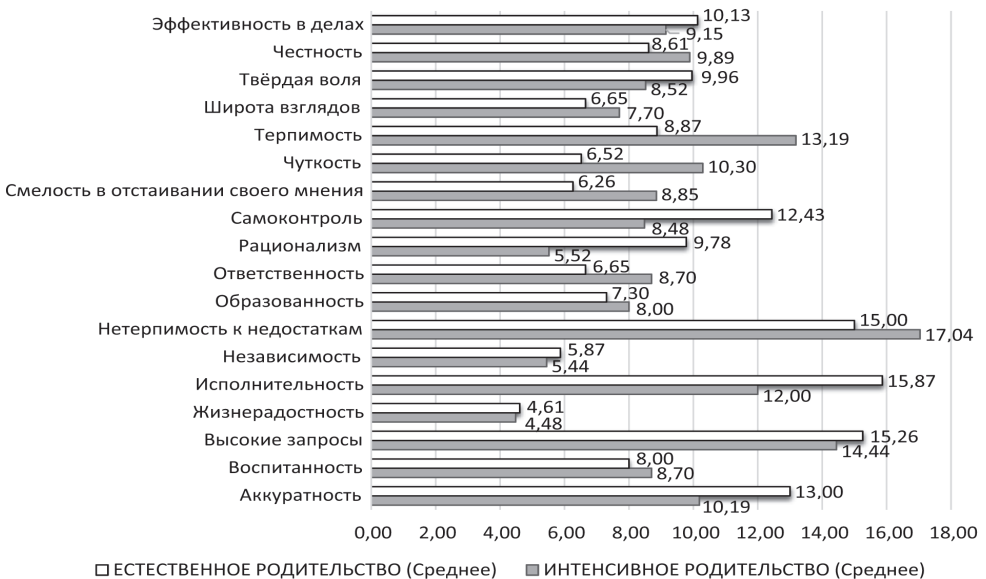

Рис. 2. Ценностные ориентации матерей в «естественной» и «интенсивной» моделях родительства по методике М. Рокича «Ценностные ориентации»: инструментальные ценности (средние значения в баллах)

«Жизненная мудрость» (зрелость суждений в результате жизненного опыта) ($U=216,5$; $\alpha=0,066$);

«Смелость в отстаивании своего мнения» ($U=203$; $\alpha=0,036$);

«Чуткость» (заботливость) ($U=182$; $\alpha=0,012$);

«Ответственность» (чувство долга, умение держать свое слово) ($U=218,5$; $\alpha=0,073$);

«Свобода» (независимость в суждениях и поступках, самостоятельность) ($U=215,0$; $\alpha=0,062$);

«Терпимость» (к мнению и точке зрения других, умение прощать другим ошибки) ($U=144$; $\alpha=0,001$);

«Красота природы и искусства» (переживание прекрасного в природе и в искусстве) ($U=179,5$; $\alpha=0,010$).

На третьем этапе был проведен сравнительный анализ двух групп по данным авторской анкеты, в которой

содержались вопросы, отражающие состав семьи, приоритеты матери в вопросе самореализации (рис. 3), ориентации по вопросам развития и образования ребёнка в семье (рис. 4).

На основании критерия χ^2 Пирсона были выявлены статистически значимые различия в установках матерей по вопросу «общего развития и образования детей» в сравниваемых моделях родительства.

Установки в области школьного образования, имеющие наибольшую ценность для матерей со склонностью к «интенсивной» модели родительства: «подготовка ребенка к школе» ($\chi^2=7.73$; $\alpha=0,005$); «поступление ребенка в лицей, профильную школу» ($\chi^2=12.24$; $\alpha=0,001$). У матерей со склонностью к «естественной» модели родительства данные установки не являются приоритетными.

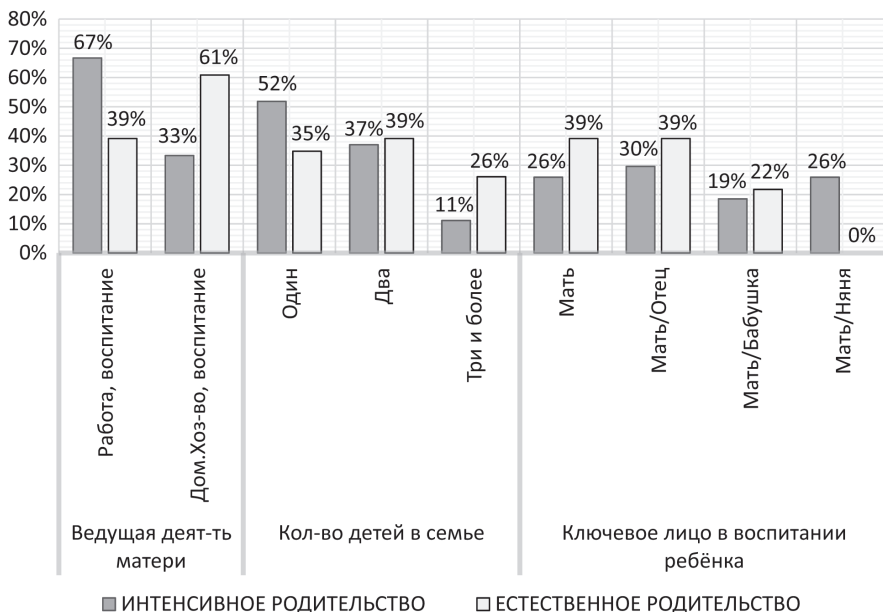

Рис. 3. Условия развития и воспитания ребенка: ответы матерей в «естественной» и «интенсивной» моделях родительства на вопросы авторской анкеты (в %)

Рис. 4. Отношение матерей к развитию и образованию ребенка: ответы матерей в «естественной» и «интенсивной» моделях родительства на вопросы авторской анкеты (в %)

По ответам на вопросы об условиях развития и воспитания ребенка различия между двумя группами матерей были выявлены на уровне *статистической тенденции* по шкале «ведущая деятельность матери» ($\alpha=0,052$). Матери, склонные к «интенсивной» модели родительства, отдают предпочтение профессиональной деятельности, в то время как для матерей со склонностью к «естественной» модели приоритетна самореализация в ведении домашнего хозяйства.

В ответах на вопрос о том, кто принимает участие в воспитании ребенка в семье, наибольшее отличие между двумя исследуемыми группами касалось привлечения «няни» в помощь по воспитанию ребенка, что оказалось характерным для матерей со склонностью к «интенсивной» модели родительства ($\alpha=0,071$).

По предпочитаемому количеству детей в семье и позитивному отношению к посещению ребенком кружков, секций и других развивающих занятий значимых различий между двумя группами

выявлено не было. Можно отметить, что сходство взглядов матерей обеих групп по поводу дополнительных занятий детей показывает, что, хотя современные матери придерживаются разных стратегий в воспитании, они находят важным и ценным создание условий для развития ребенка.

Обсуждение результатов

Результаты анкетирования матерей с целью определения предпочтительной модели родительства позволили выявить материнские установки, которые в зарубежной психологии выступают как характеристики «естественного» и «интенсивного» родительства. Так, матери, склонные к «естественному» родительству, отмечают, что во время беременности следует полагаться на естественные изменения в организме, которые и подготовят к родам и уходу за ребенком. Для здоровья и правильного развития ребенка очень важны:

роды дома, длительное грудное вскармливание, следование в режиме дня естественному ритму жизни семьи. Игрушки нужно подбирать исходя из пожеланий, интересов ребенка и возможностей семьи. Не стоит изучать специальную литературу по воспитанию и развитию ребенка, для этого есть специальные образовательные учреждения (детский сад, секции, школы). Родителям нужно заботиться о том, чтобы ребенок был послушным с первых лет жизни. «Они должны заниматься своими делами, а ребенок должен уметь занимать себя сам». Для родителей важно, чтобы ребенок был здоров и мог обеспечить себя в будущем.

Матери, склонные к «интенсивному» родительству, придерживаются иных установок по поводу воспитания детей. Так, «во время беременности необходимо посещать школу для будущих родителей и подготовки к родам»; «роды должны проходить в роддоме под контролем специалистов». В ответах на вопрос о грудном вскармливании отмечается, что это «не является принципиальным, главное, чтобы ребенок был сыт и хорошо развивался». Матери со склонностью к «интенсивному» родительству полагают, что следует устанавливать для ребенка правильный режим дня; «в вопросах воспитания и здоровья своего ребенка следует обращаться за рекомендациями и помощью к специалистам (педагог, психолог, врач)». Для ребенка нужно подбирать развивающие игрушки, игры и увлечения с целью всестороннего развития, а играть и заниматься с ребенком — как можно чаще. Современным родителям необходимо повышать родительскую компетентность и читать книги по вопросам развития и воспитания ребенка. Такие матери считают, что следует поддерживать активность и инициативу ребенка с раннего детства.

Для них важно, чтобы ребенок добился успехов в жизни и профессиональной самореализации.

Следует отметить, что в ходе обработки результатов анкетирования не было выявлено «чистых» моделей родительства, оценивалась склонность матерей к той или иной модели в зависимости от преобладающих количественных показателей. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что крайних вариантов родительских установок, характерных для «сверхвключенного» родительства, у матерей с «интенсивной» моделью родительства не отмечалось.

Результаты анкетирования согласуются с ценностными ориентациями матерей, выявленными по методике М. Рокича «Ценностные ориентации». Матери, склонные к модели «естественного» родительства, высоко ценят «опору на себя»: суждения на основе жизненного опыта; отстаивание своего мнения, самостоятельность в оценках и поступках; заботливость, терпимость. По-видимому, подобные ценностные ориентации позволяют им полагаться на собственную интуицию и «естественное течение повседневной жизни» в воспитании ребенка.

«Интенсивные» матери, наоборот, предпочитают познание, размышление, стремление к обучению, развитию. При воспитании ребенка они полагаются на знания, повышение компетентности путем образования и саморазвития, что соответствует характеристикам модели «интенсивного» родительства в зарубежной психологии.

Общая для выборки матерей ценность «здоровье», занимающая первое место по значимости, объясняется пандемией COVID-19. Другие общие ценности: материальное и семейное благополучие, продуктивность, жизнерадостность, не-

зависимость, воспитанность, образованность, на наш взгляд, указывают на традиционные для российского общества ценности, которые продолжают играть ведущую роль и в современной социокультурной ситуации.

Анализ представлений матерей о приоритетах в образовании и развитии ребенка показал, что для матерей, склонных к «интенсивной» модели родительства, высока значимость «подготовки ребенка к школе» (78%) и «поступления ребенка в профильную школу» (67%). Для большинства матерей, придерживающихся «естественной» модели родительства, данные вопросы не являются приоритетными (39% и 17%).

Существенное сходство между двумя моделями родительства отмечалось в значимости развития индивидуальных способностей ребенка посредством посещения кружков, секций, развивающих программ («интенсивное» родительство — 93% матерей, «естественное» — 78%). Подобные результаты отражают стратегию воспитания, ориентированную на подготовку детей к жизни в быстро меняющемся мире, уверенность родителей в том, что развитие способностей, навыков и умений ребенка обеспечит успешное вхождение в современную реальность информационной культуры, информационно-коммуникационных технологий.

Выводы

1. Проведенное исследование показало эффективность использования двух современных социокультурных моделей родительства («интенсивного» и «естественного») для анализа как сходства, так и различия в иерархии ценностных ориентиров (убеждений) матерей, придерживающихся

различных моделей воспитания детей дошкольного возраста.

Для матерей, склонных к «интенсивному» родительству, приоритетные ценностные ориентации: материально обеспеченная жизнь; умение здраво и логически мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения; возможность повышать свой уровень образования, интеллектуального развития, культуры; самоконтроль; аккуратность; дисциплинированность.

Для матерей, склонных к «естественному» родительству, значимые ценностные ориентации: жизненная мудрость, смелость в отстаивании своего мнения, чуткость, ответственность, независимость в суждениях и поступках, самостоятельность, терпимость, переживание прекрасного в природе и в искусстве.

Общие ценности для обеих групп: здоровье, материально обеспеченная жизнь, уверенность в себе, счастливая семейная жизнь, продуктивная жизнь, жизнерадостность, независимость.

2. Анализ представлений матерей о приоритетах в образовании и развитии ребенка показал, что для матерей, склонных к «интенсивной» модели родительства, высока значимость качества школьного образования. Матери обеих групп отмечали необходимость дополнительного образования для развития индивидуальных способностей ребенка.

3. Для матерей, придерживающихся «интенсивной» модели родительства, характерны: профессиональная самореализация матери и вовлеченность в воспитание ребенка; участие в воспитании преимущественно обоих родителей, привлечение няни. Для матерей, склонных к «естественной» модели, — ведение матерью домашнего хозяйства, участие в воспитании ребенка преимущественно матери, частично отца и бабушки.

Литература

1. *Авдеева Н.Н.* Биологические детерминанты материнского поведения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 7–16. DOI:10.17759/jmfr.2022110101
2. *Акинкина Я.М.* Понятие «интенсивного родительства» в зарубежной литературе [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 117–122. DOI:10.17759/jmfr.2020090210
3. *Акинкина Я.М.* Принципы «естественного родительства» в современных семьях [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 4. С. 103–109. DOI:10.17759/jmfr.2020090409
4. *Берсенева И.В.* Ценностные установки родителей в современных моделях воспитания детей дошкольного возраста: дисс. магистра психологии. М., 2021. 65 с.
5. *Демоз Л.* Психоистория. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. 512 с.
6. *Калина О.Г., Холмогорова А.Б.* Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011. 112 с.
7. *Кои И.С.* Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. 1987. № 6. С. 26–37.
8. *Ледлофф Ж.* Как вырастить ребенка счастливым. Принцип преемственности. 2-е изд. М.: Генезис, 2012. С. 18–28.
9. *Мид М.* Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Издательство «Наука», 1988. 430 с.
10. *Моторина Л.Е., Черняева Г.В.* Психологическая виртуальная реальность в компьютерной интерактивной среде // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1. С. 8–26. DOI:10.17759/sps.2020110102
11. *Поливанова К.Н.* Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 5–10. DOI:10.17759/jmfr.2016050201
12. *Прохорова А.А.* Зарубежные исследования сверхвключенного типа родительства («overparenting») [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 16–24. DOI:10.17759/jmfr.2019080402
13. Психологические тесты для профессионалов / авт. Сост. Н.Ф. Гребень. Минск: Современ. Шк., 2007. 496 с.
14. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 71–80. DOI:10.17759/sps.201809030
15. *Чеботарева Е.Ю.* Межкультурные особенности связей чрезмерного родительства с психологическим благополучием современных старших подростков [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 7–15. DOI:10.17759/jmfr.2019080401
16. *Divecha D.* Why Attachment Parenting Is Not the Same as Secure Attachment? [Электронный ресурс] // Greater Good Magazine. 2018. URL: https://greatergood.berkeley.edu/article/item/why_attachment_parenting_is_not_the_same_as_secure_attachment (дата обращения: 08.12.2020).
17. *Hays S.* The Cultural Contradictions of Motherhood. Yale: University Press, Yale, 1996. P. 21–23.
18. Helicopter parenting, autonomy support, and college students' mental health and well-being: The moderating role of sex and ethnicity / C.D. Kouros [et al.] // Journal of Child and Family Studies. 2017. Vol. 26. № 3. P. 939–949. DOI:10.1007/s10826-016-0614-3
19. Intensive Mothering: The Cultural Contradictions of Modern Motherhood / Ed. L.R. Ennis. Toronto: Demeter Press, 2014. P. 104–119.
20. *Ishizuka P.* Social Class, Gender, and Contemporary Parenting Standards in the United States: Evidence from a National Survey Experiment // Social Forces. 2019. Vol. 98. № 1. P. 31–58. DOI:10.1093/sf/soy107
21. *MacNamara D.* Resilience: Embracing the Emotional Journey [Электронный ресурс] // Neufeld Institute Resource. 2019. URL: <https://neufeldinstitute.org/resilience-embracing-the-emotional-journey/> (дата обращения: 08.12.2020).

22. Meins E. Focus on attachment in parenting policy is misplaced [Электронный ресурс] // The Conversation. 2014. URL: <https://theconversation.com/search/result?sg=50220168-a79a-4fdf-8474-d1fa06808b75&sp=1&sr=1&url=%2Ffocus-on-attachment-in-parenting-policy-is-misplaced-25461> (дата обращения: 08.12.2020).
23. Wilder S. Effects of parental involvement on academic achievement: a meta-synthesis // Educational Review. 2014. Vol. 66. № 3. P. 377–397. DOI:10.1080/00131911.2013.780009

References

1. Avdeeva N.N. Biologicheskie determinanty materinskogo povedeniya [Elektronnyi resurs] [Biological determinants of maternal behavior]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 7–16. DOI:10.17759/jmfp.2022110101 (In Russ.).
2. Akinkina Y.M. Ponyatie «intensivnogo roditel'stva» v zarubezhnoi literature [Elektronnyi resurs] [The concept of «intensive parenthood» in foreign literature]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 117–122. DOI:10.17759/jmfp.2020090210 (In Russ.).
3. Akinkina Ya.M. Printsipy «estestvennogo roditel'stva» v sovremennykh sem'yakh [Elektronnyi resurs] [Principles of “natural parenthood” in modern families]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 4, pp. 103–109. DOI:10.17759/jmfp.2020090409 (In Russ.).
4. Berseneva I.V. Tsennostnye ustanovki roditeli v sovremennykh modelyakh vospitaniya detei doskol'nogo vozrasta: diss. magistra psikhologii [Value attitudes of parents in modern models of education of preschool children. Mag. (Psychology) diss.]. Moscow, 2021. 65 p. (In Russ.).
5. Demoz L. Psikhistoriya [Psychohistory]. Rostov-on-Don: “Feniks”, 2000. 512 p. (In Russ.).
6. Kalina O.G., Kholmogorova A.B. Rol' ottsa v psikhicheskom razvitii rebenka [The role of the father in the mental development of the child]. Moscow: Forum, 2011. 112 p. (In Russ.).
7. Kon I.S. Materinstvo i etnovostvo v istoriko-etnograficheskoi perspektive [Motherhood of fatherhood in historical and ethnographic perspective]. *Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography*, 1987, no. 6, pp. 26–37. (In Russ.).
8. Ledloff J. Kak vyrastit' rebenka schastlivym. Printsip preemstvennosti [How to raise a happy child. The principle of continuity]. 2nd ed. Moscow: Genesis, 2012, pp. 18–28. (In Russ.).
9. Mid M. Kul'tura i mir detstva: Izbrannye proizvedeniya [Culture and the world of childhood: Selected works]. Moscow: Publ. Nauka, 1988. 430 p. (In Russ.).
10. Motorina L.E., Chernyaeva G.V. Psikhologicheskaya virtual'naya real'nost' v komp'yuternoi interaktivnoi srede [Psychological virtual reality in a computer interactive environment]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 8–26. DOI:10.17759/sps.2020110102 (In Russ.).
11. Polivanova K.N. Detstvo v menyayushchemsya mire [Childhood in a changing world]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016. Vol. 5, no. 2, pp. 5–10. DOI:10.17759/jmfp.2016050201 (In Russ.).
12. Prokhorova A.A. Zarubezhnye issledovaniya sverkhvlyuchennogo tipa roditel'stva («overparenting») [Elektronnyi resurs] [Foreign studies of overparenting style of parenthood]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 16–24. DOI:10.17759/jmfp.2019080402 (In Russ.).
13. Psikhologicheskiye testy dlya professionalov [Psychological tests for professionals]. Avt. sost. N.F. Greben. Minsk: Sovrem. Shk., 2007. 496 p. (In Russ.).
14. Soldatova G.U. Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. DOI:10.17759/sps.201809030 (In Russ.).

15. Chebotareva E.Yu. Mezkhkul'turnye osobennosti svyazei chrezmernogo roditel'stva s psikhologicheskimi blagopoluchiyami sovremennykh starshikh podrostkov [Elektronnyi resurs] [Cross-cultural peculiarities of interrelations between overparenting and psychological well-being of present time senior]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 7–15. DOI:10.17759/jmfp.2019080401 (In Russ.).
16. Divecha D. Why Attachment Parenting Is Not the Same as Secure Attachment? [Electronic resource]. *Greater Good Magazine*. 2018. URL: https://greatergood.berkeley.edu/article/item/why_attachment_parenting_is_not_the_same_as_secure_attachment (Accessed 08.12.2020).
17. Hays S. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. Yale: University Press, Yale, 1996, pp. 21–23.
18. Kouros C.D. [et al.]. Helicopter parenting, autonomy support, and college students' mental health and well-being: The moderating role of sex and ethnicity. *Journal of Child and Family Studies*, 2017. Vol. 26, no. 3, pp. 939–949. DOI:10.1007/s10826-016-0614-3
19. Intensive Mothering: The Cultural Contradictions of Modern Motherhood. In L.R. Ennis (eds.). Toronto: Demeter Press, 2014, pp. 104–119.
20. Ishizuka P. Social Class, Gender, and Contemporary Parenting Standards in the United States: Evidence from a National Survey Experiment. *Social Forces*, 2019. Vol. 98, no. 1, pp. 31–58. DOI:10.1093/sf/soy107
21. MacNamara D. Resilience: Embracing the Emotional Journey [Electronic resource]. *Neufeld Institute Resource*, 2019. URL: <https://neufeldinstitute.org/resilience-embracing-the-emotional-journey/> (Accessed 08.12.2020).
22. Meins E. Focus on attachment in parenting policy is misplaced [Electronic resource]. *The Conversation*, 2014. URL: <https://theconversation.com/search/result?sg=50220168-a79a-4fdf-8474-d1fa06808b75&sp=1&sr=1&url=%2Ffocus-on-attachment-in-parenting-policy-is-misplaced-25461> (Accessed 08.12.2020).
23. Wilder S. Effects of parental involvement on academic achievement: a meta-synthesis. *Educational Review*, 2014. Vol. 66, no. 3, pp. 377–397. DOI:10.1080/00131911.2013.780009

Информация об авторах

Авдеева Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуковой, факультет психологии образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Берсенева Ирина Валентиновна, магистр, кафедра возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуковой, факультет психологии образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0152-6592>, e-mail: irabersenevav@gmail.com

Information about the authors

Natalia N. Avdeeva, PhD in Psychology, Professor, Chair of Developmental Psychology named after prof. L.F. Obukhova, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Irina V. Berseneva, Master, Chair of Developmental Psychology named after prof. L.F. Obukhova, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0152-6592>, e-mail: irabersenevav@gmail.com

Получена 10.05.2022

Received 10.05.2022

Принята в печать 15.06.2022

Accepted 15.06.2022

Особенности использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста: новый социокультурный контекст

Смирнова С.Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-4908>, e-mail: smirnovasy@mgppu.ru

Клопотова Е.Е.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1975-318X>, e-mail: klopotovae@mgppu.ru

Рубцова О.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>, e-mail: rubcovaov@mgppu.ru

Сорокова М.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1000-6487>, e-mail: sorokovamg@mgppu.ru

Цель. В эмпирическом исследовании выявить особенности родительской позиции в отношении использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста, детско-родительских отношений в условиях цифровой трансформации.

Контекст и актуальность. В последние годы наблюдается снижение возраста знакомства детей с гаджетами, увеличение времени их использования, а также рост цифрового контента, предназначенного для детей раннего и дошкольного возраста. В этих условиях многие родители испытывают серьезные трудности при организации взаимодействия детей с гаджетами. Несмотря на остроту проблемы, сегодня явно недостаточно исследований, посвященных различным аспектам применения цифровых технологий дошкольниками. Актуальность таких исследований обусловлена необходимостью проектировать эффективные способы детско-взрослого сотрудничества, опосредованного применением новых знаковых средств.

Дизайн исследования. Для проведения эмпирического исследования была разработана анкета «Родители и ребенок в цифровом пространстве», включавшая 19 вопросов. Опрос проводился с помощью Google-формы, размещенной в социальных сетях.

Участники. В исследовании приняли участие 6376 родителей детей от 2-х до 7-ми лет (широта охвата — территория Российской Федерации).

Методы (инструменты). Количественный анализ эмпирических данных выполнен с использованием методов описательной статистики. Расчеты проведены в статистическом пакете SPSS V23.

Результаты. На основании полученных данных были выявлены некоторые тенденции использования цифровых устройств современными российскими дошкольниками. В частности, было показано, что российским детям чаще оказываются доступны «взрослые» гаджеты (телефон, планшет, компьютер), в то время как цифровые устройства, разработанные специально

для детей (игрушки, подключенные к интернету, книги и игры с QR-кодами, дополненной реальностью), используются отечественными дошкольниками существенно реже. В рамках исследования было также показано, что, предоставляя дошкольникам доступ к гаджетам, современные российские родители ожидают от них развивающего и образовательного эффекта. При этом, организуя взаимодействие ребенка с цифровым контентом, подавляющее большинство родителей руководствуется не советами специалистов, а желанием ребенка или собственным любопытством.

Основные выводы. В условиях четвертой информационной революции человечество столкнулось с ситуацией, когда орудие труда взрослого доступно ребенку уже в дошкольном возрасте. По сути, речь идет о принципиально новой социальной ситуации развития, т.е. о новых формах общностей и новых видах деятельности детей и взрослых. В этой связи перед научным сообществом стоит задача специального исследования цифровых средств как нового культурного орудия.

Ключевые слова: информационная революция, цифровые устройства, дошкольный возраст, родительская позиция, социальная ситуация развития.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 08.04.2022 № 073-00110-22-02 «Влияние цифровой социализации на психическое, личностное, социальное развитие современных детей, подростков и юношей».

Для цитаты: Смирнова С.Ю., Клопотова Е.Е., Рубцова О.В., Сорокова М.Г. Особенности использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста: новый социокультурный контекст // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 177–193. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130212>

Features of Preschoolers' Use of Digital Media: New Socio-Cultural Context

Svetlana Yu. Smirnova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-4908>, e-mail: smirnovasy@mgppu.ru

Ekaterina E. Klopotova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1975-318X>, e-mail: klopotovae@mgppu.ru

Olga V. Rubtsova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>, e-mail: rubcovaov@mgppu.ru

Marina G. Sorokova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1000-6487>, e-mail: sorokovamg@mgppu.ru

Objective. *In the empirical study reveal the peculiarities of parents' position in relation to preschoolers' media use and parent-child relationship under digital transformation.*

Background. *In recent years all over the world children tend to get acquainted with gadgets very early and spend more and more time with them. There is also an increase in digital content, designed for children of early and preschool age. In these circumstances many parents face challenges in organizing their children's interactions with digital devices. Despite the importance of the problem, the research, devoted to various aspects of preschoolers' use of technologies, is still rather scarce. The relevance of*

such research is due to the need of constructing efficient means of child-adult cooperation, mediated by new digital signs.

Study design. In the framework of the study a questionnaire “Parents and children in digital interactions”, which included 19 questions, was elaborated. The survey was conducted in different social networks via a Google-form.

Participants. The study sample included 6376 parents of children aged from 2 to 7 years old (from the Russian Federation).

Measurements. Quantitative analysis of the data was conducted by the means of descriptive statistics, while calculations were made in SPSS V23.

Results. The empirical data revealed some tendencies in the use of digital devices by contemporary Russian preschoolers. First, Russian preschoolers more often get access to “adult” devices, such as smartphones, computers, or tablets, rather than to gadgets, specifically designed for children (IoT, books and games with QR-codes, AR etc.) The data also showed, that while providing access to gadgets, preschoolers’ parents expect a developmental and educational effect. However, while organizing their children’s interaction with gadgets, most parents rely on their child’s preferences and their own curiosity, rather than on professional recommendations.

Conclusions. Under the fourth Information Revolution humanity faces a situation, when the child from early age gets access to the adult’s labour tool. This actually means a totally new social situation of development, that is, new forms of child-adult activity. Therefore the academic community faces the challenge of investigating digital media as a new cultural means.

Keywords: information revolution, digital media (devices), preschool age, parents’ attitude, social situation of development.

Funding. The reported study was funded by state task of the Ministry of Education of the Russian Federation project number 073-00110-22-02 dated 08.04.2022 “The impact of digital socialization on the mental, personal, social development of modern children, adolescents and young men”.

For citation: Smirnova S.Yu., Klopotova E.E., Rubtsova O.V., Sorokova M.G. Features of Preschoolers’ Use of Digital Media: New Socio-Cultural Context. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 177–193. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130212> (In Russ.).

Введение

Принято считать, что в настоящее время человечество переживает четвертую информационную революцию. С позиции теории медиа речь идет о переходе к новому ведущему средству коммуникации [20; 40], которое, в свою очередь, влечет за собой возникновение нового типа культуры, обозначаемого такими терминами, как «информационная» или «сетевая» [3; 4]. Своеобразие информационной культуры во многом связано с размыванием границ между реальным и виртуальным миром, обусловленным, по точному выражению М. Вейзера,

«всепроникающим» присутствием технологий в жизнедеятельности людей [40]. Если около 30 лет назад человеку нужно было специально подключаться к интернету и «выходить» в пространство виртуальной коммуникации, то сегодня остается все меньше мест, где взаимодействие людей друг с другом оказывается в той или иной степени не опосредованным. Существенное ускорение темпов цифровизации было зафиксировано в условиях пандемии COVID-19, когда практически все виды социальных контактов за считанные недели «переместились» в виртуальное пространство. За это время термины «онлайн» и «офлайн» фактиче-

ски утратили свою актуальность, уступив место таким понятиям, как «смешанная реальность» [30] и «онлайн» [20].

С позиции культурно-исторической научной школы «революционный» характер разворачивающихся процессов связан с переходом к новому средству опосредования деятельности, которое не только способствует появлению принципиально новых видов социальных взаимодействий, но и качественно трансформирует уже существующие [5; 6; 8; 9; 10]. Происходящие изменения определяют своеобразие социальной ситуации развития современного человека на разных возрастных этапах — от младенчества до зрелого возраста, обуславливая культурно-историческую специфику развития высших психических функций и процессов.

В условиях цифровой трансформации по всему миру наблюдаются снижение возраста знакомства детей с гаджетами и устойчивое увеличение времени взаимодействия с ними [13; 36]. Данные тенденции связаны с объективной сложностью ограничить доступ ребенка к технологиям в ситуации практически непрерывного взаимодействия с ними со стороны взрослых. На этом фоне наблюдается стремительный рост цифрового контента, предназначенного для детей раннего и дошкольного возраста [1; 2; 7; 16; 17].

Как правило, первые гаджеты, с которыми соприкасаются дети, — это личные устройства их родителей или близких взрослых. Телефоны, компьютеры, планшеты и похожие гаджеты изначально не ориентированы на ребенка и предназначены для решения «взрослых» задач (хранение, воспроизведение, обработка информации и др.). Возможности этих устройств, которые оказываются привлекательными для детей (просмотр мультфильмов, игры и др.), являются их дополнительными функциями. В то

же время в последние годы появляется все больше устройств, созданных специально для детей. К их числу можно отнести игрушки, подключенные к интернету (Internet of Toys), книги для детей с QR-кодами, книги и раскраски в дополненной реальностью [21; 29]. В данном случае предмет, сам по себе функциональный для ребенка, дополнительно содержит цифровой контент, который расширяет возможности его использования. Таким образом, на сегодняшний день можно выделить два основных направления цифровизации детской субкультуры. В первом случае ребенок взаимодействует с цифровым контентом (игры, приложения, видеоролики и др.) через предмет, изначально предназначенный для использования взрослым. Во втором случае ребенок знакомится с цифровым контентом через предмет, имеющий для ребенка самостоятельную ценность.

Как и во всем процессе «вращения» в культуру, посредниками между ребенком и цифровыми технологиями выступают, в первую очередь, родители [27]. Именно родители должны передать ребенку культурный способ использования предмета, в данном случае — цифрового устройства. Однако многие родители испытывают серьезные трудности при организации взаимодействия детей с гаджетами [24; 28; 32; 34]. В последние несколько лет в ряде исследований было показано, что родители ведут себя непоследовательно в вопросах, касающихся организации взаимодействия детей с различными видами цифрового контента [18; 33; 39]. Как правило, непоследовательность родительского поведения связывают с такими факторами, как: 1) неоднозначное отношение общества к цифровым технологиям; 2) отсутствие у родителей собственного опыта использования гаджетов в детском возрасте; 3) не-

достаток знаний и навыков в области цифровых технологий и их применения.

Наличие «цифрового разрыва» между поколениями часто приводит к тому, что родители занимают крайние позиции: либо полностью ограничивают взаимодействие детей с цифровыми устройствами, либо совсем не контролируют его [26]. При этом если за рубежом данной проблематике посвящено достаточно много исследований, на основании которых сформулированы конкретные рекомендации для педагогов и родителей относительно использования детьми цифровых устройств [19; 25; 31; 37; 38], то в России исследования в данной области на сегодняшний день малочисленны и фрагментарны, а каких-либо ориентиров, на которые родители могли бы опираться при организации взаимодействия детей дошкольного возраста с гаджетами, практически нет. В этой связи перед научным сообществом стоит задача специального изучения социально-психологических условий, при которых цифровые устройства оказываются эффективным средством развития и обучения современных детей, т.е. становятся новым культурным инструментом организации детско-взрослых сообществ. Такие исследования могут стать основанием для разработки рекомендаций по организации детско-взрослых взаимодействий, опосредованных цифровыми устройствами, и способствовать построению конструктивного диалога между разными поколениями.

С целью анализа особенностей родительской позиции в отношении использования дошкольниками гаджетов в 2021 г. был проведен масштабный опрос на выборке российских родителей. На разных этапах в опросе приняли участие 6376 человек. Исследование проводилось Центром междисциплинарных исследований современного детства со-

вместно с Научно-практическим центром по комплексному сопровождению психологических исследований PsyData Московского государственного психолого-педагогического университета. В статье представлены результаты проведенного исследования.

Методы

Для проведения эмпирического исследования была разработана анкета «Родители и ребенок в цифровом пространстве», предназначенная для родителей детей дошкольного возраста. Анкета состояла из 19 закрытых вопросов. До начала анкетирования все вопросы были подвергнуты экспертной оценке. В качестве экспертов выступили родители дошкольников (N=30) и специалисты в области детской психологии (N=6). Задача родителей состояла в том, чтобы оценить ясность и однозначность формулировок. Задача специалистов заключалась в том, чтобы оценить соответствие формулировок современным представлениям о психическом развитии детей. После проведения экспертной оценки в опросник были внесены соответствующие изменения.

Опрос проводился с помощью Google-формы, размещенной в социальных сетях. В исследовании приняли участие 6376 родителей детей дошкольного возраста от 2-х до 7-и лет (широта охвата — территория Российской Федерации). Подробная характеристика выборки представлена в табл. 1.

Количественный анализ эмпирических данных был выполнен с использованием методов описательной статистики, расчеты проведены в статистическом пакете SPSS V23.

В данной статье будут рассмотрены вопросы, представляющие, по мнению ав-

Характеристика выборки

Показатели	Численность n	Доля в выборке, %
<i>Возраст родителей, участвовавших в опросе</i>		
меньше 21 года	69	1,1
21 год—36 лет	4566	71,6
37 лет—53 года	1714	26,9
больше 54 лет	27	0,4
<i>Пол детей</i>		
Мужской	3261	51,1
Женский	3115	48,9
<i>Возраст детей</i>		
2 года 0 мес.—2 года 11 мес.	543	8,5
3 года 0 мес.—3 года 11 мес.	1051	16,5
4 года 0 мес.—4 года 11 мес.	1514	23,7
5 лет 0 мес.—5 лет 11 мес.	1625	25,5
6 лет 0 мес.—6 лет 11 мес.	1643	25,8

торов, наибольший интерес для анализа позиции родителей в отношении использования цифровых устройств современными дошкольниками. Выбранные вопросы (табл. 2, 3, 4) позволяют, в частности, проанализировать цели и ориентиры родителей при организации взаимодействия дошкольников с цифровым контентом.

Результаты

В первую очередь в фокусе внимания оказалась доступность различных цифровых устройств современным российским дошкольникам.

На вопрос со множественным выбором «Какие цифровые устройства доступны Вашему ребенку?» подавляющее большинство родителей указали телефон (65,6%, N=4182), следующими по частоте стали планшет (27,5%, N=1753) и компьютер (24,1%, N=1534). Значительно меньше респондентов указали книги с

QR-кодами/книги, игры с дополнительной реальностью/игрушки, подключенные к интернету (6,6%, N=423), голосовой помощник (6,4%, N=409) и умные часы (5,0%, N=321). При этом 21,5% (N=1371) родителей выбрали ответ «Никакие цифровые устройства не доступны моему ребенку».

Как видно из представленной диаграммы, наиболее доступны российским дошкольникам те цифровые устройства, которыми пользуются их родители и которые изначально создаются для взрослых (телефон, планшет, компьютер). В то же время цифровые устройства, предназначенные для детей (игрушки, подключенные к интернету, книги с QR-кодом, книги и раскраски с дополнительной реальностью), попали в число наименее доступных. Возможно, это связано с тем, что данный вид цифровой продукции приобретается взрослыми специально для детей, что требует дополнительных финансовых вложений. На сегодняшний

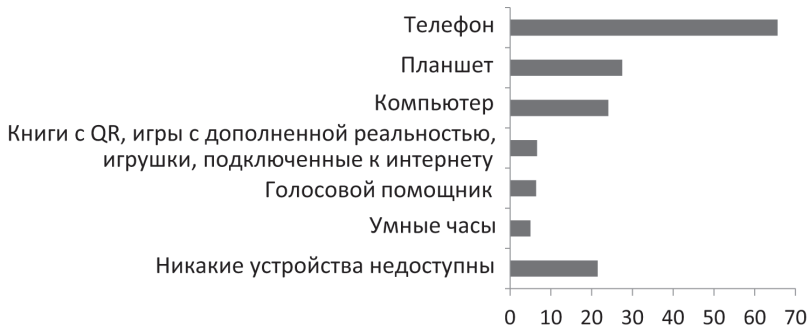

Рис. Цифровые устройства, доступные дошкольникам (%)

день эти устройства не очень популярны в нашей стране. Причем среди родителей, чьи дети не знакомы с такими игрушками, только 12,2% (N=776) хотели бы их приобрести.

Для выявления целей родителей, предоставляющих детям доступ к цифровым устройствам, были проанализированы результаты ответов на два вопроса со множественным выбором: «Вы позволяете ребенку пользоваться цифровыми устройствами (компьютером/телефоном/планшетом), чтобы он ...?» и «Вы позволяете ребенку пользоваться игрушками, подключенными к интернету, книжками/играми с QR-кодами или дополненной реальностью, чтобы он ...?». Ранжирование ответов на вопрос о целях родителей в предоставлении доступа детям к цифровым устройствам представлено в табл. 2.

Полученные данные показали, что, предоставляя детям доступ к цифровым устройствам (причем как к тем, которые изначально ориентированы на взрослых, так и к тем, которые разработаны специально для детей), родители преследуют аналогичные цели. В первую очередь родители рассчитывают на решение задач, связанных с обучением и развитием, — получение новых знаний и расширение кругозора ребенка, развитие его памяти и

внимания. Следующая по частоте цель — развлечение ребенка. В меньшей степени родители ориентированы на овладение современными технологиями и использование устройств в качестве средства, организующего поведение ребенка.

Если исходить из того, что основной целью использования цифровых устройств дошкольниками родители видят обучение и развитие ребенка, можно предположить, что в выборе цифровых устройств они должны ориентироваться на источники, которые позволили бы им грамотно организовать процесс взаимодействия ребенка с гаджетом. Чтобы выявить, на что ориентируются родители российских дошкольников, в рамках настоящего исследования были проанализированы результаты ответов родителей на некоторые вопросы анкеты (табл. 3).

Согласно полученным данным, предоставляя доступ к планшету или приобретая игрушки, подключенные к интернету, родители ориентируются, прежде всего, на желание ребенка, а также на собственное любопытство. При этом, предоставляя детям доступ к «взрослым» цифровым устройствам, лишь 8,4% родителей пользуются советами специалистов в области психологии и педагогики.

Указанные ответы родителей вступают в некоторое противоречие с ответами

Таблица 2

Частота ответов на вопрос о целях родителей в предоставлении доступа детям к цифровым устройствам (N=6376)

Формулировка ответа	Формулировка вопроса (возможен множественный выбор)			
	Вы позволяете ребенку пользоваться цифровыми устройствами – компьютером /телефоном/ планшетом, чтобы он ...		Вы позволяете ребенку пользоваться игрушками, подключенными к интернету, книгами/играми с QR-кодами или дополненной реальностью, чтобы он ...	
	Частота (N)	Процент (%)	Частота (N)	Процент (%)
Получил новые знания (расширение кругозора)	2580	40,5	1451	22,8
Развивал память, внимание, мышление и др.	2375	37,2	1244	19,5
Мог развлечься	2246	35,2	1000	15,7
Овладел современными технологиями	1488	23,3	839	13,2
Был занят, когда мне это необходимо	1193	18,7	342	5,4
Был занят в свободное время	658	10,3	310	4,9
Отвлёкся от чего-либо	559	8,8	196	3,1

Таблица 3

Частота ответов на вопрос об ориентирах родителей в предоставлении доступа и приобретении цифровых устройств (N=6376)

Формулировка ответа	Формулировка вопроса (возможен множественный выбор)			
	Чем Вы руководствовались, давая ребенку доступ к планшету/телефону/компьютеру?		Чем Вы руководствовались, приобретая для ребенка игрушки, подключенные к интернету, книги/игры с QR-кодами или дополненной реальностью?	
	Частота (N)	Процент (%)	Частота (N)	Процент (%)
Его желанием	3443	54	1353	21,2
Ничем	722	11,3	477	7,5
Своим любопытством	711	11,2	503	7,9
Советами специалистов в области детской психологии и педагогики	537	8,4	0	0
Ребенок получил доступ к цифровому устройству	241	3,8	230	3,6
Советами других родителей	120	1,9	0	0

на предыдущий вопрос. С одной стороны, родители рассматривают цифровые устройства как потенциальный инструмент обучения ребенка и ожидают от него «развивающего» эффекта. С другой стороны, при организации взаимодействия ребенка с гаджетом мало кто из родителей опирается на профессиональные рекомендации, предпочитая руководствоваться либо желанием ребенка, либо собственным любопытством, либо делают это спонтанно (ситуативно). Причина такого противоречия может быть связана с тем, что в нашей стране практически отсутствует просвещение родителей по вопросам цифровизации детства. Родителям доступно много информации по обучению детей чтению, подбору игрушек для разных возрастов, развитию мелкой моторики и др. Однако содержательных рекомендаций, касающихся организации взаимодействия детей с разными видами цифровых устройств и

разными типами цифрового контента, на сегодняшний день крайне мало.

В связи с этим авторами исследования была предпринята попытка выяснить, существует ли у российских родителей потребность в какой-либо помощи со стороны специалистов по вопросам организации взаимодействия детей с цифровыми устройствами. Для этого были проанализированы ответы родителей на вопрос со множественным выбором «Есть ли потребность в квалифицированной помощи Вам как родителю по вопросу взаимодействия Вашего ребенка с цифровыми устройствами?» (табл. 4).

Полученные данные еще больше подчеркивают неоднозначность сложившейся в нашей стране ситуации. С одной стороны, родители хотят, чтобы цифровые устройства, которыми пользуются их дети, способствовали их развитию. С другой стороны, в предоставлении доступа к этим устройствам ребенку они

Таблица 4

Частота ответов на вопрос о потребности родителей в квалифицированной помощи по вопросу взаимодействия ребенка с цифровыми устройствами (N=6376)

Формулировка ответов	Формулировка вопроса (возможен множественный выбор)	
	Есть ли потребность в квалифицированной помощи Вам как родителю по вопросу взаимодействия вашего ребенка с цифровыми устройствами?	
	Частота (N)	Процент (%)
Нет, во всем ориентируюсь сам(а)	3017	47,3
Да, хотел бы получить больше информации о безопасности в онлайн-пространстве	1308	20,5
Да, хотел бы больше узнать о контенте для детей	1241	19,5
Да, хотел бы больше узнать о допустимом времени взаимодействия ребенка с цифровыми устройствами	1052	16,5
Да, хотел бы получить больше информации о технических возможностях цифровых устройств	562	8,8

ориентируются либо на желание ребенка, либо на собственное любопытство, либо делают это спонтанно (фактически не руководствуются ничем). При этом почти половина родителей считают, что никакая квалифицированная помощь им не нужна, и что они сами достаточно хорошо разбираются в этом вопросе. Потребность в дополнительной информации, связанной с выбором цифрового контента для детей, выразили только около 20% родителей. Еще меньшее число респондентов хотели бы получить информацию о допустимом времени взаимодействия ребенка с цифровыми устройствами и о технических возможностях цифровых устройств.

Обсуждение результатов

На основании полученных эмпирических данных можно говорить о том, что, несмотря на существующее разнообразие цифровых устройств, российским дошкольникам в большей степени доступны классические «взрослые» устройства (телефон, планшет и компьютер). Цифровые устройства, специально созданные для детей (игрушки, подключенные к интернету, книги и игры с QR-кодами, дополненной реальностью), используются в нашей стране существенно реже.

Примечательно, что в странах Европы и США такого рода гаджеты значительно более популярны. За рубежом проведен целый ряд исследований, посвященных особенностям взаимодействия ребенка с такими устройствами. В фокусе внимания зарубежных исследователей оказываются, прежде всего, возможности использования таких игрушек для обучения и развития ребенка, применения их как партнера для общения или совместных игр [29]. Большое внимание уделяется также информационной безопасно-

сти в процессе использования игрушек, подключенных к интернету [23].

Согласно результатам опроса, предоставляя детям доступ к цифровым устройствам, российские родители рассчитывают, прежде всего, на решение образовательных и развивающих задач, следующая по частоте цель — развлечение ребенка. Полученные данные в целом соответствуют мировым тенденциям. Так, например, коллектив авторов из Амстердамского университета (University of Amsterdam) — Ф. Брокман и др. (Broekman et al.) — выявил пять основных потребностей родителей в использовании цифровых приложений для детей — времяпрепровождение, развлечение, совместное обучение и решение индивидуальных задач [14]. Результаты исследований показали, что некоторые родители склоняются к выбору приложений с образовательными и учебными целями, в то время как другие подчеркивают ценность развлечений [14; 15] или рассматривают «действия по просмотру экрана как механизм няни/устройство для пробуждения или успокоения маленьких детей» [22].

Важным результатом проведенного эмпирического исследования стало выявление того факта, рассматривая цифровые устройства, в первую очередь, как средство развития и обучения, российские родители крайне редко опираются на профессиональные рекомендации, касающиеся организации взаимодействия ребенка с цифровым контентом. При этом очевидно, что в большинстве случаев родители не обладают информацией, которая помогала бы организовать использование цифрового устройства так, чтобы это способствовало развивающему эффекту. В нашей стране это приводит к непоследовательной позиции родителей в предоставлении детям доступа к цифровым устройствам.

Если обратиться к мировому опыту, то можно увидеть, что в странах, где разработаны подробные рекомендации по взаимодействию детей с цифровыми технологиями в разных возрастах, результаты национальных опросов дают другую картину [12; 19; 37; 38]. Так, например, в 2020 году общенациональный опрос в США показал: несмотря на то, что большинство родителей детей в возрасте 11 лет и младше (84%) уверены в том, что знают, какое количество экранного времени допустимо для их ребенка, они охотно обращаются за советом к другим родителям и специалистам. При этом родители получают совет или информацию о рекомендованном времени, проводимом перед экраном, от врача или другого медицинского работника (61%), от других родителей (55%), от учителей (45%) [34].

Противоречие, выявленное на выборке российских респондентов, подтверждает необходимость разработки рекомендаций для родителей, которые могли бы стать для них ориентиром в организации взаимодействия детей дошкольного возраста с цифровыми устройствами.

Заключение

Доступность и распространенность среди детей цифровых устройств, которые являются новым орудием деятельности человека и создаются, прежде всего, для решения «взрослых» задач, заставляют задуматься об особенностях социальной ситуации развития современного ребенка и границах ее организации в различные периоды детства.

До определенного момента исторического развития общества взаимодействие ребенка с орудиями труда развивалось в направлении от раннего овладения ими (на этапе, когда они были примитивными) до «удлинения» периода детства, в рамках которого происходила подготовка ребенка к освоению орудий труда взрослых [11]. С развитием научно-технического прогресса орудия труда все более усложнялись, и дети начинали овладевать ими во все более старшем возрасте.

В условиях четвертой информационной революции человечество столкнулось с ситуацией, когда орудие труда взрослого доступно ребенку уже в дошкольном возрасте, причем современный ребенок может использовать ряд функций этого орудия наравне со взрослым, а иногда и эффективнее его. Например, дети дошкольного возраста успешно фотографируют, записывают видео, могут вести свой блог и др. В условиях цифровой трансформации граница между взрослым орудием труда и детской игрушкой становится предельно размытой. Цифровое устройство — «орудие взрослого» — сконструировано таким образом, что им успешно может пользоваться маленький ребенок. При этом, благодаря этому же устройству, неотъемлемой частью жизни взрослого становятся различные виды «детских» развлечений и игр, т.е., по сути, речь идет о принципиально новой социальной ситуации развития.

Дальнейшее изучение цифровых технологий как нового культурного орудия представляется важнейшей задачей современной психолого-педагогической науки.

Литература

1. Веракса А.Н., Бухаленкова Д.А., Чичина Е.А., Алмазова О.В. Взаимосвязь использования цифровых устройств и эмоционально-личностного развития современных

- дошкольников // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 1. С. 27–40. DOI:10.17759/pse.2021260101
2. *Клопотова Е.Е., Кузнецова Т.Ю.* Использование «серьезных» компьютерных игр в образовательной работе с детьми [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 4. С. 41–45. DOI:10.17759/jmfp.2017060404
 3. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2013. 495 с.
 4. *Ракитов А.И.* Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14–34.
 5. *Рубцова О.В.* Цифровые технологии как новое средство опосредования (часть первая) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 3. С. 117–124. DOI:10.17759/chrp.2019150312
 6. *Рубцова О.В.* Цифровые технологии как новое средство опосредования (часть вторая) // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 4. С. 100–108. DOI:10.17759/chrp.2019150410
 7. *Смирнова Е.О., Матушкина Н.Ю., Смирнова С.Ю.* Виртуальная реальность в дошкольном детстве // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Сборник научных статей и материалов международной конференции / Под общей ред. Р.В. Ершовой. Колонна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 364–369.
 8. *Солдатова Г.У., Войскунский А.Е.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
 9. *Тихомиров О.К.* Информационный век и теория Л.С. Выготского // Психологический журнал. 1993а. Т. 14. № 1. С. 114–119.
 10. *Толстых Н.Н.* Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 4. С. 7–24. DOI:10.17759/cpp.2015230402
 11. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
 12. American Academy of Pediatrics. Council on Communications and Media. Media and Young Minds // Pediatrics. 2016. Vol. 138. No. 5. URL: <https://pediatrics.aappublications.org/content/pediatrics/138/5/e20162591.full.pdf>
 13. *Brito R., Dias P.* “Which Apps Are Good for My Children?”: How the Parents of Young Children Select Apps // International Journal of Child-Computer Interaction. 2020. Vol. 26. 100188. DOI:10.1016/j.ijcci.2020.100188
 14. *Broekman F.L., Piotrowski J.T., Beentjes H.W.J., Valkenburg P.M.* A Parental Perspective on Apps for Young Children // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 63. P. 142–151. DOI:10.1016/j.chb.2016.05.017
 15. *Broekman F.L., Piotrowski J.T., Beentjes H.W.J., Valkenburg P.M.* App Features That Fulfill Parents’ Needs in Apps for Children // Mobile Media & Communication. 2018. Vol. 6. P. 1–23. DOI:10.1177/2050157918759571
 16. *Burns T., Gottschalk F.* Educating 21st Century Children: Emotional Well-being in the Digital Age, Educational Research and Innovation. 2019. OECD Publishing. Paris. DOI:10.1787/b7f33425-en
 17. *Catala A., Sulla C., Ozgur A.G., Ihamäki P., Heljakka K.* Smart toys, smart tangibles, robots and other smart things for children. In Proceedings of the 2020 ACM interaction design and children conference. 2020. P. 38–45. DOI:10.1145/3397617.3398061
 18. *Chaudron S., Di Gioia R., Gemo M.* Young Children (0–8) and Digital Technology, a Qualitative Study Across Europe, 2018. DOI:10.2760/294383
 19. Early Childhood Australia. Statement on young children and digital technologies. 2018. Canberra, ACT: Author. Retrieved from www.earlychildhoodaustralia.org.au/our-work/submissions-statements/eca-statement-young-children-digital-technologies/

20. *Floridi L.* The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 264 p.
21. *Hains R., Jennings N.* Critiquing Children's Consumer Culture: An Introduction to The Marketing of Children's Toys. 2021. DOI:10.1007/978-3-030-62881-9_1
22. *He M., Irwin J.D., Sangster Bouck L.M., Tucker P., Pollett G.L.* Screen-Viewing Behaviors among Preschoolers // American journal of preventive medicine. 2005. Vol. 29. P. 120–125. DOI:10.1016/j.amepre.2005.04.004
23. *Heljakka K., Ihamäki P.* Preschoolers Learning with the Internet of Toys: From Toy-Based Edutainment to Transmedia Literacy Introduction: New approaches to toy literacy. 2018. Vol. 14. P. 85–102.
24. *Knowland V., Formby S.* The Use of Technology to Support Literacy in the Early Years in 2015. 2016. Available online: https://cdn.literacytrust.org.uk/media/documents/2016_06_16_free_research_-_technology_use_to_support_emergent_literacy_2015_6ts4w68.pdf
25. *Lerner C., Barr R.* Screen sense: Setting the record straight // Zero to Three. 2014. Vol. 35(4). P. 1–10.
26. *Marsh J., Brooks G., Hughes J., Ritchie L., Roberts S., Wright K.* Digital beginnings: Young children's use of popular culture, media and new technologies. 2005. DOI:10.4324/9780203420324
27. *Marsh J., Hannon P., Lewis M., Ritchie L.* Young children's initiation into family literacy practices in the digital age // Journal of Early Childhood Research. 2017. Vol. 15. P. 47–60. DOI:10.1177/1476718X15582095
28. *Marsh J., Plowman L., Yamada-Rice D., Bishop J.C., Lahmar J., Scott F., Davenport A., Davis S., French K., Piras M.* Exploring Play and Creativity in Pre-Schoolers' Use of Apps: Final Project Report. 2015. DOI:10.13140/RG.2.1.2298.9520
29. *Mascheroni G., Holloway D.* Introducing the Internet of Toys: Practices, Affordances and the Political Economy of Children's Smart Play. 2019. DOI:10.1007/978-3-030-10898-4_1
30. *Milgram P., Kishino A.F.* Taxonomy of mixed reality visual displays // IEICE Transactions on Information and Systems. 1994. № E77-D(12). P. 1321–1329.
31. National Association for the Education of Young Children & Fred Rogers Center for Early Learning and Children's Media at Saint Vincent College. Technology and interactive media as tools in early childhood programs serving children from birth through age 8. 2012. Washington, DC. Retrieved from www.naeyc.org/files/naeyc/file/positions/PS_technology_WEB2.pdf
32. *O'Connor J., Fotakopoulou O.* A Threat to Childhood Innocence or the Future of Learning? Parents' Perspectives on the Use of Touch-Screen Technology by 0–3 Year- Olds in the UK // Contemp. Issues Early Child. 2016. Vol. 17. P. 235–247.
33. *Palaigeorgiou G., Katerina K.* Parental mediation of tablet educational use at home and at school: Facilitators or preventers? // International Conference on Interactive Mobile Communication, Technologies and Learning (Thessaloniki, Greece, 3 November–1 December, 2017). Cham: Springer, 2017. P. 924–935.
34. *Papadakis S.* Tools for evaluating educational apps for young children: a systematic review of the Literature. Interactive Technology and Smart Education. 2020. DOI:10.1108/ITSE-08-2020-0127
35. Pew Research Center. Parenting Children in the Age of Screens. 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/07/28/parenting-children-in-the-age-of-screens/>
36. *Ponti M., Bélanger S.* Screen time and young children: Promoting health and development in a digital world // Pediatrics and Child Health. 2017. Vol. 22. № 8. P. 461–468. DOI:10.1093/pch/pxx123
37. Scottish Government. Play strategy for Scotland: Our vision. 2013. Retrieved from www.gov.scot/resource/0042/00425722.pdf
38. U.S. Department of Education & U.S. Department of Health and Human Services. Early learning and educational technology policy brief. 2016. Washington, DC. Retrieved from <https://tech.ed.gov/files/2016/10/Early-Learning-Tech-Policy-Brief.pdf>

39. Vittrup B., Snider S., Rose K.K., Rippy J. Parental Perceptions of the Role of Media and Technology in Their Young Children's Lives // *Journal of Early Childhood Research*. 2016. Vol. 14. P. 43–54.
40. Weiser M. The computer for the 21st century // *Scientific American*. 1991. № 265. P. 94–104.

References

1. Veraksa A.N., Bukhalenkova D.A., Chichinina E.A., Almazova O.V. Vzaimosvyaz' ispol'zovaniya tsifrovyykh ustroystv i emotsional'no-lichnostnogo razvitiya sovremennykh doshkol'nikov [Relationship Between the Use of Digital Devices and Personal and Emotional Development in Preschool Children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 1, pp. 27–40. DOI:10.17759/pse.2021260101 (In Russ.).
2. Klopotova E.E., Kuznetsova T.Yu. Ispol'zovanie «ser'eznykh» komp'yuternykh igr v obrazovatel'noi rabote s det'mi [The use of «serious gaming» in educational work with children] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017. Vol. 6, no. 4, pp. 41–45. DOI:10.17759/jmfp.2017060404 (In Russ.).
3. McLuhan M. Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayuschego [The Gutenberg Galaxy: the making of typographic man]. Moscow: Academic Project, Gaudeamus, 2013. 495 p. (In Russ.).
4. Rakitov A.I. Novyy podkhod k vzaimosvyazi istorii, informatsii i kul'tury: primer Rossii [A new approach to the relationship of history, information and culture: an example of Russia]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 1994, no. 4, pp. 14–34. (In Russ.).
5. Rubtsova O.V. Cifrovye tekhnologii kak novoe sredstvo oposredovaniya (Chast' pervaya) [Digital technologies as a new means of mediation (Part one)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 4, pp. 100–108. DOI:10.17759/chp.2019150410 (In Russ.).
6. Rubtsova O.V. Tsifrovye tekhnologii kak novoe sredstvo oposredovaniya (Chast' vtoraya) [Digital media as a new means of mediation (part two)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2019. Vol. 15, no. 4, pp. 100–108. DOI:10.17759/chp.2019150410 (In Russ.).
7. Smirnova E.O., Matushkina N.Yu., Smirnova S.Yu. Virtual'naya real'nost' v doshkol'nom detstve [Virtual Reality in Preschool Childhood]. In Ershova R.V. (eds.). *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka*. Sbornik nauchnykh statei i materialov Mezhdunarodnoi konferentsii [Digital society as a cultural and historical context of human development]. Collection of scientific articles and materials of the International Conference]. Kolomna: Gosudarstvenny'i sotsial'nogumanitarnyi universitet, 2018, pp. 364–369. (In Russ.).
8. Soldatova G.U., Voiskunskii A.E. Sotsial'no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoi sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450 (In Russ.).
9. Tikhomirov O.K. Informatsionnyi vek i teoriya L.S. Vygotskogo [Information Age and Theory L.S. Vygotsky]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 1993a. Vol. 14, no. 1, pp. 114–119. (In Russ.).
10. Tolstykh N.N. Sovremennoe vzroslenie [Modern maturation]. *Konsul'tatsionnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 7–24. DOI:10.17759/cpp.2015230402 (In Russ.).
11. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p. (In Russ.).

12. American Academy of Pediatrics. Council on Communications and Media. Media and Young Minds. *Pediatrics*, 2016. Vol. 138, no. 5. URL: <https://pediatrics.aappublications.org/content/pediatrics/138/5/e20162591.full.pdf>
13. Brito Rita. The Internet of Toys: A Report on Media and Social Discourses around Young Children and IoT, 2017, pp. 33–38.
14. Broekman F.L., Piotrowski J.T., Beentjes H.W.J., Valkenburg P.M. A Parental Perspective on Apps for Young Children. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 63, pp. 142–151. DOI:10.1016/j.chb.2016.05.017
15. Broekman F.L., Piotrowski J.T., Beentjes H.W.J., Valkenburg P.M. App Features That Fulfill Parents' Needs in Apps for Children. *Mobile Media & Communication*, 2018, no. 6, pp. 1–23. DOI:10.1177/2050157918759571
16. Burns T., Gottschalk F. Educating 21st Century Children: Emotional Well-being in the Digital Age, Educational Research and Innovation, OECD Publishing. Paris, 2019. DOI:10.1787/b7f33425-en
17. Catala A., Sulla C., Ozgur A.G., Ihamäki P., Heljakka K. Smart toys, smart tangibles, robots and other smart things for children. In Proceedings of the 2020 ACM interaction design and children conference, 2020, pp. 38–45. DOI:10.1145/3397617.3398061
18. Chaudron S., Di Gioia R., Gemo M. Young Children (0–8) and Digital Technology, a Qualitative Study Across Europe, 2018. DOI:10.2760/294383
19. Early Childhood Australia. Statement on young children and digital technologies. Canberra, ACT: Author, 2018. Retrieved from www.earlychildhoodaustralia.org.au/our-work/submissions-statements/eca-statement-young-children-digital-technologies/
20. Floridi L. The fourth revolution: How the infosphere is reshaping human reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 264 p.
21. Hains R., Jennings N. Critiquing Children's Consumer Culture: An Introduction to The Marketing of Children's Toys, 2021. DOI:10.1007/978-3-030-62881-9_1
22. He M., Irwin J.D., Sangster Bouck L.M., Tucker P., Pollett G.L. Screen-Viewing Behaviors among Preschoolers. *American journal of preventive medicine*, 2005. Vol. 29, pp. 120–125. DOI:10.1016/j.amepre.2005.04.004
23. Heljakka K., Ihamäki P. Preschoolers Learning with the Internet of Toys: From Toy-Based Edutainment to Transmedia Literacy Introduction: New approaches to toy literacy, 2018. Vol. 14, pp. 85–102.
24. Knowland V., Formby S. The Use of Technology to Support Literacy in the Early Years in 2015, 2016. Available online: https://cdn.literacytrust.org.uk/media/documents/2016_06_16_free_research_-_technology_use_to_support_emergent_literacy_2015_6ts4w68.pdf
25. Lerner C., Barr R. Screen sense: Setting the record straight. *Zero to Three*, 2014. Vol. 35(4), pp. 1–10.
26. Marsh J., Brooks G., Hughes J., Ritchie L., Roberts S., Wright K. Digital beginnings: Young children's use of popular culture, media and new technologies, 2005. DOI:10.4324/9780203420324
27. Marsh J., Hannon P., Lewis M., Ritchie L. Young children's initiation into family literacy practices in the digital age. *Journal of Early Childhood Research*, 2017, no. 15, pp. 47–60. DOI:10.1177/1476718X15582095
28. Marsh J., Plowman L., Yamada-Rice D., Bishop J.C., Lahmar J., Scott F., Davenport A., Davis S., French K., Piras M. Exploring Play and Creativity in Pre-Schoolers' Use of Apps: Final Project Report, 2015.
29. Mascheroni G., Holloway D. Introducing the Internet of Toys: Practices, Affordances and the Political Economy of Children's Smart Play, 2019. DOI:10.1007/978-3-030-10898-4_1
30. Milgram P., Kishino A.F. Taxonomy of mixed reality visual displays. *IEICE Transactions on information and systems*, 1994, no. E77-D (12), pp. 1321–1329.

31. National Association for the Education of Young Children & Fred Rogers Center for Early Learning and Children's Media at Saint Vincent College. Technology and interactive media as tools in early childhood programs serving children from birth through age 8. Washington, DC, 2012. Retrieved from www.naeyc.org/files/naeyc/file/positions/PS_technology_WEB2.pdf
32. O'Connor J., Fotakopoulou O. A Threat to Childhood Innocence or the Future of Learning? Parents' Perspectives on the Use of Touch-Screen Technology by 0–3 Year-Olds in the UK. *Contemp. Issues Early Child*, 2016, no. 17, pp. 235–247.
33. Palaigeorgiou G. et al. Parental Mediation of Tablet Educational Use at Home and at School: Facilitators or Preventers? Conference on Interactive Mobile Communication, Technologies and Learning (Thessaloniki, Greece, 3 November–1 December, 2017). Cham: Springer, 2017, pp. 924–935.
34. Papadakis S. Tools for evaluating educational apps for young children: a systematic review of the Literature. *Interactive Technology and Smart Education*. 2020. DOI:10.1108/ITSE-08-2020-0127
35. Pew Research Center. Parenting Children in the Age of Screens, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/07/28/parenting-children-in-the-age-of-screens/>
36. Ponti M., Bélanger S. Screen time and young children: Promoting health and development in a digital world. *Pediatrics and Child Health*, 2017, no. 22, pp. 461–468. DOI:10.1093/pch/pxx123
37. Scottish Government. Play strategy for Scotland: Our vision, 2013. Retrieved from www.gov.scot/resource/0042/00425722.pdf
38. U.S. Department of Education & U.S. Department of Health and Human Services. Early learning and educational technology policy brief. Washington, DC, 2016. Retrieved from <https://tech.ed.gov/files/2016/10/Early-Learning-Tech-Policy-Brief.pdf>
39. Vittrup B., Snider S., Rose K.K., Rippy J. Parental Perceptions of the Role of Media and Technology in Their Young Children's Lives. *Journal of Early Childhood Research*, 2016. Vol. 14, pp. 43–54.
40. Weiser M. The computer for the 21st century. *Scientific American*, 1991, no. 265, pp. 94–104.

Информация об авторах

Смирнова Светлана Юрьевна, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-4908>, e-mail: smirnovasy@mgppu.ru

Клоптова Екатерина Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии факультета «Психология образования», старший научный сотрудник Центра прикладных психолого-педагогических исследований, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1975-318X>, e-mail: klopotovaee@mgppu.ru

Рубцова Ольга Витальевна, кандидат психологических наук, руководитель Центра междисциплинарных исследований современного детства, доцент кафедры «Возрастная психология имени проф. Л.Ф. Обуховой» факультета «Психология образования», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>, e-mail: rubcovaov@mgppu.ru

Сорокова Марина Геннадьевна, доктор педагогических наук, доцент, руководитель Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований

PsyDATA, профессор кафедры «Прикладная математика» факультета «Информационные технологии», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1000-6487>, e-mail: sorokovamg@mgppu.ru

Information about the authors

Svetlana Yu. Smirnova, Researcher of the Centre for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-4908>, e-mail: smirnovasy@mgppu.ru

Ekaterina E. Klopotova, PhD in Psychology, Assistant Professor at the Faculty of Educational Psychology, Senior Researcher of Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1975-318X>, e-mail: klopotovae@mgppu.ru

Olga V. Rubtsova, PhD in Psychology, Head of the Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Associate Professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-1234>, e-mail: rubcovaov@mgppu.ru

Marina G. Sorokova, Doctor of Education, Associate Professor, PhD in Physics and Mathematics, Head of Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research «PsyDATA», Professor at the Chair of Applied Mathematics, Faculty of Information Technology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1000-6487>, e-mail: sorokovamg@mgppu.ru

Получена 04.04.2022

Received 04.04.2022

Принята в печать 16.05.2022

Accepted 16.05.2022

Социокультурные стереотипы как фактор становления образа тела у девочек дошкольного возраста

Белогай К.Н.

**ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО КемГУ),
г. Кемерово, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7033-6584>, e-mail: belogi@mail.ru**

Борисенко Ю.В.

**ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО КемГУ),
г. Кемерово, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru**

Бугрова Н.А.

**ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО КемГУ),
г. Кемерово, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6773-826X>, e-mail: ametist2328@mail.ru**

Цель. Проверка предположения о том, что кратковременное взаимодействие девочек дошкольного возраста с изображениями, транслирующими стереотипы нереалистично художественного тела, смещает образ тела в сторону более худого образца.

Контекст и актуальность. Современные эталоны телесности, транслируемые через СМИ, игрушки и другую продукцию для детей, недостижимы для большинства людей. Среди таких эталонов — стереотип нереалистично художественного тела. Его наличие заставляет девочек воспринимать свое тело искаженно и способствует формированию крайне жесткого Я-идеального.

Дизайн исследования. В работе экспериментально изучалось влияние социокультурных стереотипов на образ тела девочек дошкольного возраста. Для проведения эксперимента была использована идея Х. Дитмар с соавторами. На первом этапе всех детей обследовали при помощи методики «Силуэты». Через 2 недели девочкам экспериментальной группы давали раскраски с изображением куклы Барби. Девочкам контрольной группы давали раскрашивать нейтральные раскраски с животными. После того, как дети в течение 30 минут раскрашивали, проводилось повторное обследование их образа тела при помощи методики «Силуэты».

Участники. Российская выборка из 100 девочек в возрасте 5–6 лет. Все обследованные дети имеют индекс массы тела, соответствующий возрастной норме.

Методы (инструменты). Психодиагностическая методика «Силуэты». Для сравнения распределений в независимых выборках использовался критерий Колмогорова-Смирнова, в зависимых выборках — критерий согласия Колмогорова.

Результаты. Эксперимент показал, что выборка русскоязычных дошкольников, как и их сверстницы по всему миру, уже к 5–6 годам интернализует нереалистичные стереотипы телесности.

Основные выводы. Взаимодействие с изображениями нереалистично художественного тела смещает распределение выборов для категорий «мое тело» и «идеальное тело» в сторону более худых изображений.

Ключевые слова: образ тела, дошкольный возраст, социокультурные факторы становления образа тела, девочки дошкольного возраста, стереотип нереалистично художественного тела, женский пол, методика «Силуэты», интернализация.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00110.

Для цитаты: Белогай К.Н., Борисенко Ю.В., Бугрова Н.А. Социокультурные стереотипы как фактор становления образа тела у девочек дошкольного возраста // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 194–208. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130213>

Sociocultural Stereotypes as a Factor of Body Image Formation among Preschool Girls

Ksenia N. Belogay

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7033-6584>, **e-mail:** belogi@mail.ru

Yulia V. Borisenko

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, **e-mail:** evseenkova@mail.ru

Natalia A. Bugrova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6773-826X>, **e-mail:** ametist2328@mail.ru

Objective. *We hypothesized that even short-term interaction with images that broadcast stereotypes of an unrealistically thin body may shift girls' self-reference of body image to a thinner one.*

Background. *Modern standards of body image, broadcast through the media, toys and other products for children, are unattainable for most people. Among such standards is the stereotype of an unrealistically thin body. Its presence makes girls perceive their bodies in a distorted manner and contributes to the formation of an extremely rigid self-ideal.*

Study design. *The work experimentally assumes the influence of sociocultural stereotypes on the body image of preschool girls. The idea of H. Dittmar, E. Halliwell and S. Ive was used for the experiment. At the first stage, all children were examined using the "Silhouettes" technique. After 2 weeks, the girls of the experimental group were given coloring books with the image of Barbie. Girls in the control group were given neutral coloring pages with animals. After the children were coloring for 30 minutes, their body image was re-examined using the "Silhouettes" technique.*

Participants. *Russian sample: 100 girls aged 5–6 years. All the children have a normal for their age body mass index.*

Measurements. *Psychodiagnostic technique "Silhouettes". To compare distributions in independent samples, the Kolmogorov-Smirnov test was used, in dependent samples, the Kolmogorov test of agreement was used.*

Results. *The results showed that a sample of Russian-speaking preschoolers, as well as their peers around the world, internalize unrealistic stereotypes of physicality by the age of 5–6.*

Conclusions. *Interactions with images of an unrealistically thin body shift the distribution of choices for the "my body" and "ideal body" categories toward thinner images.*

Keywords: *body image, preschool age, sociocultural factors, preschool girls, thin ideal, the "Silhouettes" technique, internalization, female.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00110.*

For citation: Belogay K.N., Borisenko Y.V., Bugrova N.A. Sociocultural Stereotypes as a Factor of Body Image Formation among Preschool Girls. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 194–208. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130213> (In Russ.).

Введение

В течение долгого времени тело и психика человека рассматривались изолированно, в своеобразной оппозиции. Однако по мере становления постнеклассической психологии появилась возможность перейти от оппозиции к системному единству, т.к. в центре внимания современной психологии — человек как сложная самоорганизующаяся система. В.Е. Ключко отмечает, что именно психика отвечает за самоорганизацию системы под названием «человек» [4]. Синергетика и теория психологических систем дают возможность рассматривать взаимосвязь тела и психики через категорию «образа тела» не редуцированно, а целостно и системно. Образ тела не является объективным отражением телесных функций или телесности в целом, по сути своей он представляет систему, позволяющую отбирать и искажать действительность в пользу человека. Понимая таким образом образ тела, мы опираемся на понимание психики, которого придерживался Л.С. Выготский, отмечавший, что психика есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль — не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущения), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно исказить действительность в пользу организма [2].

Становление образа тела с самых первых дней жизни человека завязано на коммуникативном процессе. В ходе онтогенеза телесные функции становятся опосредованными и обретают возможность произвольного регулирования, то есть приобретают черты высших психических функций. Данные положения легко понять, если рассмотреть любую телесную функцию, например, функцию

мочеиспускания у ребенка. Новорожденный ребенок не регулирует данную функцию, однако уже в первые полтора года жизни мать и другие значимые взрослые обозначают функцию соответствующими словами, сопровождая слова эмоциональной реакцией и определенными действиями (например, подмывая ребенка). По мере роста ребенка мать «высаживает» его на горшок, в некоторых случаях добиваясь того, что ребенок писает в горшок, то есть на этом этапе мать выступает внешним регулятором функции, в период от года до трех лет ребенок овладевает способностью произвольно регулировать мочеиспускание и начинает сам обозначать соответствующую потребность и действия, то есть происходит процесс интериоризации (не самой функции, а ее регуляции и означивания). В случае нарушения развития телесные функции легко расстраиваются. В приведенном примере начало посещения ребенком детского сада, представляющее собой фрустрирующую ситуацию, может привести к тому, что ребенок на какое-то время перестанет контролировать мочеиспускание. Возможна и обратная ситуация, когда возникает сверхконтроль и сверхрегуляция функции — в новом незнакомом месте ребенок не сможет помочиться в горшок, даже если у него есть такая потребность — подобные единичные или повторяющиеся ситуации могут стать причиной психосоматических нарушений. Данный механизм также объясняет, как возникают расстройства пищеварительной или сексуальной функции у человека.

При нормальном психосоматическом развитии у ребенка формируются нормальные телесные феномены. Если же развитие нарушается, возникают психосоматические симптомы, в которых выражается неблагополучие в коммуника-

ции человека с самим собой и другими людьми.

На начальных этапах развития психики преимущественное значение для становления образа тела имеют механизмы означивания и обратной связи, при этом в дальнейшем становление скорее определяется доминированием механизмов рефлексии и формирования защитного фильтра, инициируемых изнутри самим человеком. С одной стороны, благодаря движениям ребенок осваивает жизненное пространство и получает ощущение того, что «не-Я» и «Я» — суть разное, с другой стороны, взрослый локализует ощущения ребенка, означивает их, задавая определенные культурные эталоны самореференции образа тела.

Одним из ключевых факторов, влияющих на образ тела, является социокультурный и образовательный контекст, в котором развивается человек [7]. Социокультурные экзофакторы — СМИ и интернет — оказывают огромное влияние на формирование образа тела в постиндустриальном обществе как в детском и подростковом возрасте, так и в период взрослости. Транслируемые традиционными и цифровыми СМИ, страницами селебритиз в социальных сетях нереалистичные эталоны привлекательности интернализуются женщинами, формируя негативный образ тела, основанный на непринятии своего тела, высокой обеспокоенности его весом и формами, которые в свою очередь реализуются в экстремальных стратегиях преобразования тела и внешности. Противовесом идее отношения к телу как к объекту выступает идея ценностного отношения к телу, которая становится, по мнению Т. Тилки с соавторами, основой позитивного образа тела, рассматриваемого сегодня в качестве ресурса человека [28].

Становление образа тела в онтогенезе происходит под влиянием системы ма-

кро-, экзо- и микрофакторов. В дошкольном детстве существенное значение для становления образа тела имеют социокультурные факторы, в частности, стереотипы, транслируемые через игрушки, цифровые и традиционные СМИ.

На протяжении раннего и дошкольного возраста у ребенка устанавливается контроль над собственным телом. Е.Е. Олейникова выделяет ряд критериев отношения ребенка к собственной телесности, среди которых параметры представлений и параметры, связанные с функциональностью тела [8].

М.В. Агарева конструирует образ телесного «Я» ребенка через взаимосвязанные компоненты: сенсомоторный, психомоторный, экспрессивный и импрессивный [1].

О телесной самоидентичности пишет Е.Т. Соколова, отмечая, что познание пространства и пространственных отношений предметов возможно именно с опорой на тело [11].

Помимо формирования схемы тела в детстве начинается половая идентификация. Уже в возрасте примерно 21 месяца у детей начинает развиваться понимание половых ролей [17]. Девочки и мальчики начинают вести себя по-разному. Высвобождение мальчиков из-под опеки матерей происходит довольно резко, в то время как девочки нуждаются в большей близости с ними и испытывают более амбивалентные чувства в отношении своего обособления. Вероятно, это связано с осознанием детьми своих половых различий.

Исследователи Л.В. Коломийченко и О.В. Прозументик детально описывают динамику полоролевого развития ребенка в раннем и дошкольном детстве. От полутора до пяти-шести лет ребенок осваивает свою половую роль и знакомится с различиями полов. Условиями, обеспечивающими интенсивное

освоение половых ролей и полоролевого репертуара, являются: разъяснения взрослых, прямо инструктирующих ребенка, и их реакции на соответствие или несоответствие его поведения этим инструкциям; наблюдения за поведением людей разного пола; оценки взрослых и сверстников степени проявления мужественности и женственности ребенка; влияние мужских и женских литературных и телевизионных образов; жизненный опыт дошкольника и др. [5].

Означивание и обратная связь являются, как мы считаем, важнейшими механизмами становления образа тела в детстве. Вербальная и невербальная обратная связь от родителей обоего пола выступает важным средством родительского влияния для ребенка раннего возраста. Когда дети не уверены в безопасности ситуаций или в правильности своих действий, они могут следить за выражением лица родителя, стараясь уловить тот или иной эмоциональный сигнал. Дети ждут таких сигналов не только от матери, но и от отца. Хотя, когда рядом находятся оба родителя, они смотрят чаще на мать, чем на отца, сигналы, исходящие от отца, регулируют их поведение столь же эффективно [21]. По-видимому, дети в раннем детстве необыкновенно восприимчивы к эмоциональным сигналам родителей, благодаря социальным эталонным сигналам и избирательному вниманию родители передают им ценности своей культуры, например, относительно того, как следует и не следует вести себя мальчикам и девочкам. Семейные факторы составляют уровень микрофакторов, определяющих образ тела ребенка и подростка.

Изображение тела в разной продукции, предназначенной для детей, включая принты, раскраски и игрушки, играет существенную роль в развитии, хотя че-

ловек непосредственно на эти факторы не влияет [12].

Еще в 90-е годы Э. Стайз с соавторами утверждали, что СМИ — мощный конвейер культуры внешнего вида, включая тиранию стройности, восприятие тела как проекта и гендерные стереотипные идеалы внешности [27].

Помимо стройности и объектного восприятия тела медиа транслируют сексуализированный идеал женщины, демонстрируя даже в мультфильмах женщин с выраженными формами тела. Медиа-сообщения, одновременно транслирующие идеал стройности и идеал сексуальной привлекательности, могут иметь крайне негативные последствия, особенно для девочек и девушек, заставляя их прибегать к экстремальным стратегиям преобразования внешности — пластической хирургии, жестким диетам, многочасовым занятиям в тренажерном зале. Гендерно стереотипное изображение тела свойственно для современных масс-медиа. Женщины стереотипно изображаются с длинными волосами, длинными ресницами, тонкой талией, округлыми ягодицами и длинными ногами. Кроме того, стереотипом стало женское тело, лишенное волос, что влечет за собой бритье ног, подмышек и области гениталий [25]. Для многих женщин необходимая длина волос, ресниц и т.п. является недостижимой при обычных условиях целью, поэтому все чаще женщины прибегают к так называемым жестким стратегиям по изменению тела — наращивают ресницы, волосы, прибегают к болезненным процедурам по избавлению от волос на теле.

Другой стереотип — наличие пышных форм у женщины при одновременно худом теле. Этот стереотип нашел отражение во многих куклах, пришедших в Россию в последние 30 лет. Прежде всего, в кукле Барби. Игрушка играет особую

роль в развитии ребенка, она способна помочь становлению как реалистичного, так и нереалистичного образа тела [3]. Е.О. Смирнова с коллегами показывают, например, что современные варианты пупсов — младенцы, в точности имитирующие живое младенческое тельце (того же размера, со складочками, морщинками, соответствующим цветом и фактурой кожи, половыми органами и т.д.), призванные вызвать у девочек материнский инстинкт, также не лишены недостатков. Точная имитация тела новорожденного, которое не шевелится и не подает признаков жизни, вызывает впечатление мертвого. Значительно более живыми и одушевленными выглядят условные игрушечные образы малышей [10].

В известном исследовании кукол Барби девочки 5—8 лет показали более низкий уровень телесного самоуважения и большее стремление к стройности (как для себя сейчас, так и для себя взрослой) после просмотра книг с участием кукол Барби по сравнению с контрольной группой, которая просматривала книги с участием других кукол или совсем без них [16].

Мы провели аналогичный эксперимент с группой девочек дошкольного возраста. Гипотеза исследования состояла в том, что после краткосрочного взаимодействия с изображениями, транслирующими стереотипы нереалистично худого тела, произойдет смещение образа тела в сторону более худого образца.

Выборка

В работе приняли участие 100 девочек 5—6 лет, посещавших дошкольные образовательные организации города Кемерово. 50 девочек составили экспериментальную группу и 50 — контрольную. Средний возраст детей в экспериментальной груп-

пе — 5,8 лет (стандартное отклонение — 0,15), в контрольной группе — 5,9 лет (стандартное отклонение — 0,18). Все обследованные нами дети имеют индекс массы тела (ИМТ), соответствующий возрастной норме: среднее значение для экспериментальной группы — 16,54, для контрольной — 16,8. Разрешение на участие девочек в исследовании было дано родителями. Деление на группы производилось случайным образом.

Организация и методы исследования

Для проведения эксперимента мы использовали идею Х. Дитмар, Э. Холлиуэлл, С. Ив (H. Dittmar, E. Halliwell, S. Ive) [16]. На первом этапе всех детей обследовали при помощи силуэтов, широко применяемых при изучении образа тела. Для работы была взята версия, предназначенная для дошкольников и предложенная в работе К. Косицки с коллегами [23]. Участникам исследования предлагается набор из семи силуэтов и предлагается выбрать среди них три силуэта: тело, похожее на их собственное; тело, которое они хотели бы иметь; тело, которое они не хотели бы иметь ни при каких обстоятельствах.

Через 2 недели девочкам экспериментальной группы давали раскраски с изображением Барби. Девочкам контрольной группы давали раскрашивать нейтральные раскраски с животными. После того, как дети в течение 30 минут раскрашивали рисунки, мы вновь обследовали их образ тела при помощи силуэтов.

Для сравнения распределений в независимых выборках использовался критерий Колмогорова-Смирнова, в зависимых выборках — критерий согласия Колмогорова. При сравнении распределений в зависимых выборках в качестве

предполагаемой модели бралось первоначальное распределение [6; 9].

Результаты

До начала эксперимента распределение выборов в контрольной и экспериментальной группах детей не различалось значимым образом ($p \leq 0,01$). Для примера на первом рисунке приведено распределение выборов в категории «Мое тело». Аналогичные результаты, которые не различались статистически значимо для двух групп, были получены для категорий «Тело, которое я хочу иметь» и «Тело, которое я не хочу иметь ни за что на свете».

Как показали наши результаты, распределение выборов для реального варианта смещено в сторону худобы. Еще сильнее влияние стереотипа заметно для выборов идеального тела и тела, которое девочка не хочет иметь. В последнем случае 90% девочек экспериментальной

группы и 100% девочек контрольной группы не хотят иметь самый полный силуэт из предложенных. Никто из девочек не выбрал варианты «Силуэт полнее среднего», «Полный силуэт» и «Силуэт полнее среднего» в качестве отражения реального и идеального образа тела.

Рассматривая результаты экспериментальной группы девочек до и после воздействия, мы проверяли, происходит ли смещение распределения силуэтов реального и идеального тела в сторону худобы (рис. 2). После раскрашивания изображений Барби девочки начинают воспринимать свое тело как более худое ($p \leq 0,01$). У девочек контрольной группы, раскрашивавших изображения животных, таких изменений не произошло ($p \leq 0,001$).

Изменилось и распределение силуэтов, выбираемых девочками экспериментальной группы в качестве образцов идеального тела (рис. 3). Если до воздействия были дети, которые выбирали «Средний силуэт» и «Силуэт стройнее

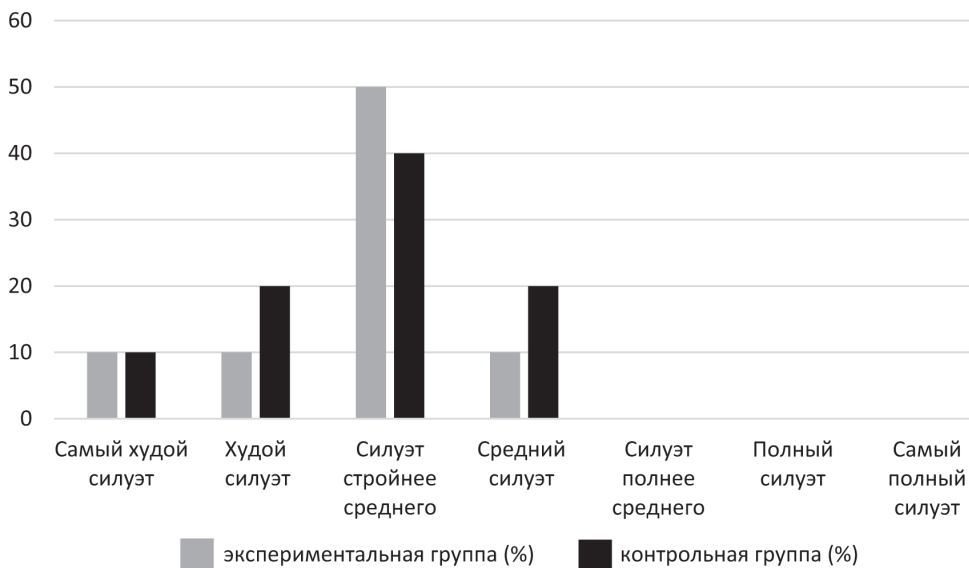

Рис. 1. Выбор силуэта девочками для категории «Мое тело» на первом этапе исследования (%)

Рис. 2. Выбор силуэта для категории «Мое тело» девочками экспериментальной группы (%)

среднего» в качестве желаемых, то после взаимодействия с раскрасками девочки называли в качестве желаемого только

«Самый худой силуэт» и «Худой силуэт» — ответы распределились между ними поровну.

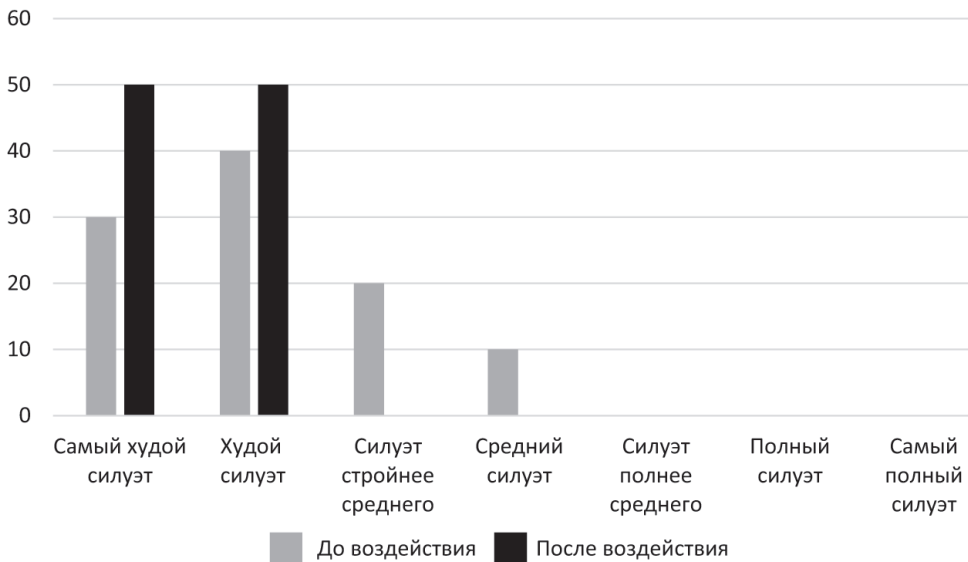

Рис. 3. Выбор силуэта для категории «Тело, которое я хочу иметь» девочками экспериментальной группы (%)

Что касается тела, которое дошкольники не хотят иметь, здесь не было таких значимых различий, поскольку изначально как самый непривлекательный воспринимался самый полный силуэт (рис. 4).

Сравнивая обследованные группы, мы обнаружили, что распределение выборов после воздействия значимым образом различается в двух группах (таблица).

Обсуждение результатов

Анализируя полученные в эксперименте результаты, мы приходим к выводу, что девочки дошкольного возраста уже усвоили стереотип нереалистично худого тела. Подражание и социальное сравнение — механизмы, которые лежат в основе становления самореференции образа тела дошкольника. В 80–90-х гг.

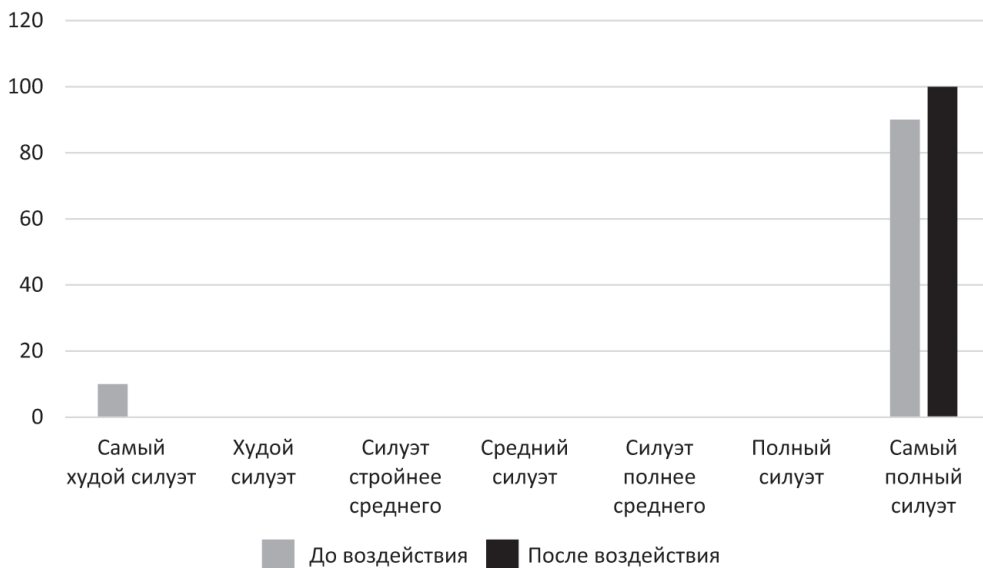

Рис. 4. Выбор силуэта для категории «Тело, которое я не хочу иметь ни за что на свете» девочками экспериментальной группы (%)

Таблица

Распределение в двух группах после экспериментального воздействия

Силуэты	Накопленная частота. Экспериментальная группа	Накопленная частота. Контрольная группа
Самый худой силуэт	5	5
Худой силуэт	35	10
Силуэт стройнее среднего	50	20
Средний силуэт	0	40
Силуэт полнее среднего	0	50
Полный силуэт	0	0
Самый полный силуэт	0	0

XX века доминирующей считалась точка зрения, согласно которой наиболее явно самооценка, самоуважение и образ тела детерминируют друг друга в период полового созревания, а большинство подростков недовольны своим телом и внешностью. Однако получается, что в последние десятилетия эта проблема помолодела. Исследования показывают, что около 30% детей 5–6-ти лет выбирают изображение своего тела тоньше реального. Шестилетние дети слышали о диетах и, в некоторых случаях, пробовали их. 26% пятилетних детей рекомендуют диету (есть меньше, есть здоровую пищу) для людей с избыточным весом, а к семи годам каждый четвертый ребенок сталкивался с каким-то ограничительным пищевым поведением [12]. В настоящее время однозначно показано, что неудовлетворенность телом, рассматриваемая как желание иметь другой размер и форму тела, а также предпочтение худого тела могут возникать уже в пятилетнем возрасте, особенно в группе девочек [16].

В обзоре исследований, посвященных рассматриваемой проблеме, М.-П. Леон с коллегами показывают, что выбор силуэта зависит от возраста и пола дошкольника. Так, девочки младше пяти лет часто выбирают более крупный силуэт в качестве желаемого, что объясняется их стремлением быть старше. В дальнейшем число таких девочек резко сокращается. В той же работе обобщаются данные относительно удовлетворенности образом тела у дошкольников: авторы показывают, что число детей, недовольных своим телом, возрастает от младшего к старшему дошкольному возрасту [24].

Некоторые работы показывают, что восприятие собственного тела является у дошкольников искаженным. Восприятие тела ребенка его родителями также

в значительном числе случаев является неадекватным [29].

Полученные в нашем эксперименте данные позволяют утверждать, что выборка русскоязычных дошкольников, как и их сверстницы по всему миру, уже к 5–6 годам интернализует стереотип нереалистично худого тела.

Опасность, на наш взгляд, состоит в том, что традиционные и цифровые медиа помимо собственно тирании стройности транслируют установку, связывающую худобу с положительными чертами характера и личности. Например, в исследовании самых популярных 25 мультфильмов, проведенном в начале 2000-х гг., авторы обнаружили, что 72% худых героев ассоциировались с положительными чертами характера, такими как доброта. 84% привлекательных героев также ассоциировались с положительными чертами. При этом каждые три из четырех видео ассоциировали полноту с нежелательными чертами характера [20]. К аналогичным выводам приходят Х. Клейн и К. Шифман, утверждая, что в мультфильмах женщины в четыре раза чаще по сравнению с мужчинами изображаются с недостатком веса. Причем те из них, кто весит больше, с большей вероятностью будут изображены как неумные и несчастные по сравнению с персонажами с низким ИМТ [22].

Женские персонажи в семейных фильмах, идущих в прайм-тайм телевидения, а также участвующие в детских передачах, имеют размер талии почти в два раза меньший по сравнению с мужчинами, участвующими с ними [26]. Женские персонажи с более крупными и тяжелыми телами практически не представлены на телеэкране. Те же, кто все-таки показан, относятся к женщинам более старшего возраста, которые практически никогда не изображаются в романтических ситуациях [18].

М.-П. Леон с коллегами полагают, что растущее в последние десятилетия у дошкольников стремление к худобе может быть связано с увеличением воздействия средств массовой информации и интериоризацией концепции красоты, в центре которой стройность у женщин и мускулистость — у мужчин [24]. Важным фактором усвоения детьми указанного стереотипа являются родители с их отношением к указанному эталону. Например, негативное отношение родителей к людям с ожирением в значительной мере способствует интернализации стереотипа их детьми [13].

Существующая ситуация приводит к тому, что уже 5–8-летние дети нуждаются в участии в коррекционных программах, направленных на формирование позитивного образа тела. Уже есть данные об успешной реализации подобных программ с дошкольниками [14].

Выводы

Традиционные медиа — телевидение, фильмы и мультфильмы, музы-

кальные клипы и журналы, игрушки и вся продукция, предназначенная для детей — предлагают нереалистичные и опасные телесные идеалы, которые однозначным образом влияют на образ тела дошкольников.

Среди наиболее распространенных сегодня социокультурных стереотипов — стройность женщины, которая демонстрируется в мультфильмах, игрушках и другой продукции, предназначенной для дошкольников.

Экспериментальное исследование ста детей показало, что краткосрочное взаимодействие с нереалистично худыми изображениями приводит к тому, что девочки 5–6 лет воспринимают свое тело как более худое, стремятся к еще большей худобе и отвергают полное тело как неприемлемый вариант телесности. Таким образом, мы видим, что проблема формирования негативного образа тела в последние десятилетия помолодела: если раньше негативный образ тела демонстрировали девочки в период пубертата, то сейчас уже в дошкольном возрасте заметно влияние интернализации нереалистичных стереотипов.

Литература

1. *Агарева М.В.* Воспитание образа телесного я детей 5–7 лет средствами музыкальной деятельности: дисс. ... канд. психол. наук. Волгоград, 2012. 238 с.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. / под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
3. *Кашекова И.Э., Севрюкова Н.В., Кононова Е.А.* Образ народной и современной игрушки в формировании картины мира у детей // Педагогика искусства. 2018. № 3. С. 167–183.
4. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ): монография. Томск: Томский государственный университет, 2005. 174 с.
5. *Коломийченко Л., Прозументик О.* Динамика и особенности полоролевой социализации мальчиков и девочек дошкольного возраста // Детский сад от А до Я. 2006. № 1. С. 12–25.
6. *Кремер Н.Ш.* Теория вероятностей и математическая статистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 365.
7. *Мухаметзянов И.Ш.* Принципы здоровьесформирующего обучения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2018. № 1–6(33). С. 93–96.

8. Олейникова Е.Е. Телесно-ценностное физическое воспитание детей старшего дошкольного возраста на основе рефлексивно-метафорической двигательной игры: дисс. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2007. 202 с.
9. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: ООО «Речь», 2000. С. 142.
10. Смирнова Е.О., Соколова М.В. Тенденции развития современных игрушек // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 2. С. 99–104. DOI:10.17759/chp.2019150212
11. Соколова Е.Т. Я-образ тела // Психология самосознания: хрестоматия / Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 406–422.
12. Bronfenbrenner U., Evans G.W. Developmental science in the 21st century: Emerging questions, theoretical models, research designs, and empirical findings // *Social Development*. 2000. Vol. 9. P. 115–125.
13. Damiano S.R., Gregg K.J., Spiel E.C. Relationships between body size attitudes and body image of 4-year-old boys and girls, and attitudes of their fathers and mothers // *Journal of Eating Disorders*. 2015. No. 3. P. 16. DOI:10.1186/s40337-015-0048-0
14. Damiano S.R., Yager Z., McLean S., Paxton S.J. Achieving body confidence for young children: Development and pilot study of a universal teacher-led body image and weight stigma program for early primary school children // *Eating Disorders*. 2018. Vol. 26:6. P. 487–504. DOI:10.1080/10640266.2018.1453630
15. Davis D.S., Sbrocco T., Williams J. Understanding body image in African American and Caucasian first-graders: a partnership with the YMCA // *Progress in Community Health Partnerships: Research, Education, and Action*. 2009. Vol. 3(4). P. 277–286.
16. Dittmar H., Halliwell E., Iwe S. Does Barbie make girls want to be thin? The effect of experimental exposure to images of dolls on the body image of 5- to 8-year-old girls // *Developmental Psychology*. 2006. № 42(2). P. 283–292.
17. Goldberg S., Lewis M. Play behavior in the year-old infant: Early sex differences // *Child Development*. 1969. № 40. P. 21–31.
18. Greenberg B.S., Eastin M., Hofschire L., Lachlan K., Brownell K.D. Portrayals of overweight individuals on commercial television // *American Journal of Public Health*. 2003. № 93(8). P. 1342–1348.
19. Harriger J.A., Calogero R.M., Witherington D.C., Smith J.E. Body size stereotyping and internalisation of the thin ideal in pre-school girls // *Sex Roles*. 2010. Vol. 63. P. 609–620. DOI:10.1007/s11199-010-9868-1
20. Herbozo S., Tantleff-Dunn S., Gokee-Larose J., Thompson J.K. Beauty and thinness Messages in Children's Media: a Content analysis // *Eating Disorders: The Journal of Treatment & Prevention*. 2004. № 12(1). P. 21–34.
21. Hirshberg L.M., Svejda M. When infants look to their parents: I. Infants' social referencing of mothers compared to fathers // *Child Development*. 1990. № 61. P. 1175–1186.
22. Klein H., Shiffman K. Thin is “in” and stout is “out”: What animated cartoons tell viewers about body weight // *Eating and Weight Disorders*. 2005. № 10(2). P. 107–116.
23. Kościcka K., Czepczor K., Brytek-Matera A. Body size attitudes and body image perception among preschool children and their parents: a preliminary study // *Archives of Psychiatry and Psychotherapy*. 2016. No. 4. P. 28–34. DOI:10.12740/APP/65192
24. León M.-P., González-Martí I., Fernández-Bustos J.-G., Contreras O. Perception of body size and dissatisfaction in children aged 3 to 6: a systematic review // *Anales De Psicología / Annals of Psychology*. 2017. № 34(1). P. 173–183. DOI:10.6018/analesps.34.1.275931
25. Murnen S.K., Don B.P. Body image and gender roles // *Encyklopedia of body image and human appearance* / In T.F. Cash (Ed.). London, UK: Academic Press, 2012. P. 128–134.
26. Smith S.L., Choueti M., Prescott A., Pieper K. Gender roles and occupations: A look at character attributes and job-related aspirations in film and television. Los Angeles, 2013.

27. Stice E., Schupak-Neuberg E., Shaw H.E., Stein R.I. Relation of media exposure to eating disorder symptomatology: An examination of mediating mechanisms // *Journal of Abnormal Psychology*. 1994. № 103. P. 836–840. DOI:10.1037/0021-843X.103.4.836
28. Tylka T. Overview of the Field of Positive Body Image // *Body Positive: Understanding and Improving Body Image in Science and Practice* / E. Daniels, M. Gillen & C. Markey (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 6–33. DOI:10.1017/9781108297653.002
29. Vazquez-Arevalo R., Rodríguez N.A., López A.X. et al. Assessment of body image in preschoolers: Perception of parents and children // *Revista Mexicana de Trastornos Alimentarios*. 2018. № 9(2). P. 208–220.

References

1. Agareva M.V. Vospitanie obraza telesnogo ya detei 5–7 let sredstvami muzykal'noi deyatel'nosti. Diss. kand. psikhol. nauk. [The upbringing of the image of the corporal self of children 5–7 years old by means of musical activity. PhD (Psychology) diss.]. Volgograd, 2012. 238 p. (In Russ.).
2. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 6 [Collected Works: in 6 vol. Vol 6]. In M.G. Yaroshevskii (eds.). Moscow: Pedagogika, 1984. 400 p. (In Russ.).
3. Kashekova I.E., Sevryukova N.V., Kononova E.A. Obraz narodnoi i sovremennoi igrushki v formirovanii kartiny mira u detei [The image of folk and modern toys in the formation of a picture of the world in children]. *Pedagogika iskusstva. Pedagogika iskusstva = Art Pedagogy*, 2018, no. 3, pp. 167–183. (In Russ.).
4. Klochko V.E. Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyi analiz): monografiya [Self-organization in psychological systems: problems of the formation of the mental space of the individual (introduction to trans-perspective analysis): monograph]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2005. 174 p. (In Russ.).
5. Kolomiichenko L., Prozumentik O. Dinamika i osobennosti polorolevoi sotsializatsii mal'chikov i devochek doshkol'nogo vozrasta [Dynamics and characteristics of gender-role socialization of boys and girls of preschool age]. *Detskij sad ot A do YA = Kindergarten from A to Z*, 2006, no. 1, pp. 12–25. (In Russ.).
6. Kremer N.Sh. Teoriya veroyatnostei i matematicheskaya statistika [Theory of Probability and Mathematical Statistics]. Moscow: YUNITI-DANA, 2001. 365 p. (In Russ.).
7. Mukhametzyanov I.Sh. Printsipy zdorov'eformiruyushchego obucheniya [Principles of regenerative learning]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire = Current scientific research in the modern world*, 2018, no. 1–6(33), pp. 93–96. (In Russ.).
8. Oleinikova E.E. Telesno-tsennostnoe fizicheskoe vospitanie detei starshego doshkol'nogo vozrasta na osnove refleksivno-metaforicheskoi dvigatel'noi igry. Diss. kand. psikhol. nauk. [Body-value physical education of older preschool children on the basis of reflexive-metaphorical motor games. PhD (Psychology) diss.]. Stavropol', 2007. 202 p. (In Russ.).
9. Sidorenko E.V. Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii [Methods of mathematical processing in psychology]. Saint Petersburg: OOO «Rech'», 2000. 142 p. (In Russ.).
10. Smirnova E.O., Sokolova M.V. Tendentsii razvitiya sovremennykh igrushek [Modern Toys: Developmental Tendencies]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 99–104. DOI:10.17759/chp.2019150212 (In Russ.).
11. Sokolova E.T. Ya-obraz tela [Body image]. In Raigorodskii D.YA. (eds.) *Psikhologiya samosoznaniya: hrestomatiya = Psychology of self-consciousness: an anthology*. Samara: Bahrah-M, 2003, pp. 406–422. (In Russ.).
12. Bronfenbrenner U., Evans G.W. Developmental science in the 21st century: Emerging questions, theoretical models, research designs, and empirical findings. *Social Development*, 2000. Vol. 9, pp. 115–125.
13. Damiano S.R., Gregg K.J., Spiel E.C. Relationships between body size attitudes and body image of 4-year-old boys and girls, and attitudes of their fathers and mothers. *Journal of Eating Disorders*, 2015, no. 3, p. 16. DOI:10.1186/s40337-015-0048-0

14. Damiano S.R., Yager Z., McLean S., Paxton S.J. Achieving body confidence for young children: Development and pilot study of a universal teacher-led body image and weight stigma program for early primary school children. *Eating Disorders*, 2018. Vol. 26:6, pp. 487–504. DOI:10.1080/10640266.2018.1453630
15. Davis D.S., Sbrocco T., Williams J. Understanding body image in African American and Caucasian first-graders: a partnership with the YMCA. *Progress in Community Health Partnerships: Research, Education, and Action*, 2009. Vol. 3(4), pp. 277–286.
16. Dittmar H., Halliwell E., Ive S. Does Barbie make girls want to be thin? The effect of experimental exposure to images of dolls on the body image of 5- to 8-year-old girls. *Developmental Psychology*, 2006, no. 42(2), pp. 283–292.
17. Goldberg S., Lewis M. Play behavior in the year-old infant: Early sex differences. *Child Development*, 1969, no. 40, pp. 21–31.
18. Greenberg B.S., Eastin M., Hofschire L., Lachlan K., Brownell K.D. Portrayals of overweight individuals on commercial television. *American Journal of Public Health*, 2003, no. 93(8), pp. 1342–1348.
19. Harriger J.A., Calogero R.M., Witherington D.C., Smith J.E. Body size stereotyping and internalisation of the thin ideal in pre-school girls. *Sex Roles*, 2010. Vol. 63, pp. 609–620. DOI:10.1007/s11199-010-9868-1
20. Herbozo S., Tantleff-Dunn S., Gokee-Larose J., Thompson J.K. Beauty and thinness Messages in Children's Media: a Content analysis. *Eating Disorders: The Journal of Treatment & Prevention*, 2004, no. 12(1), pp. 21–34.
21. Hirshberg L.M., Svejda M. When infants look to their parents: I. Infants' social referencing of mothers compared to fathers. *Child Development*, 1990, no. 61, pp. 1175–1186.
22. Klein H., Shiffman K. Thin is “in” and stout is “out”: What animated cartoons tell viewers about body weight. *Eating and Weight Disorders*, 2005, no. 10(2), pp. 107–116.
23. Kościcka K., Czepczor K., Brytek-Matera A. Body size attitudes and body image perception among preschool children and their parents: a preliminary study. *Archives of Psychiatry and Psychotherapy*, 2016, no. 4, pp. 28–34. DOI:10.12740/APP/65192
24. León M.-P., González-Martí I., Fernández-Bustos J.-G., Contreras O. Perception of body size and dissatisfaction in children aged 3 to 6: a systematic review. *Anales De Psicología [Annals of Psychology]*, 2017, no. 34(1), pp. 173–183. DOI:10.6018/analesps.34.1.275931
25. Murnen S.K., Don B.P. Body image and gender roles. *Encyklopedia of body image and human appearance*. In T.F. Cash (Ed.). London, UK: Academic Press, 2012, pp. 128–134.
26. Smith S.L., Choueti M., Prescott A., Pieper K. Gender roles and occupations: A look at character attributes and job-related aspirations in film and television. Los Angeles, 2013.
27. Stice E., Schupak-Neuberg E., Shaw H.E., Stein R.I. Relation of media exposure to eating disorder symptomatology: An examination of mediating mechanisms. *Journal of Abnormal Psychology*, 1994, no. 103, pp. 836–840. DOI:10.1037/0021-843X.103.4.836
28. Tylka T. Overview of the Field of Positive Body Image. *Body Positive: Understanding and Improving Body Image in Science and Practice*. E. Daniels, M. Gillen & C. Markey (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2018, pp. 6–33. DOI:10.1017/9781108297653.002
29. Vazquez-Arevalo R., Rodríguez N.A., López A.X. et al. Assessment of body image in preschoolers: Perception of parents and children. *Revista Mexicana de Trastornos Alimentarios*, 2018, no. 9(2), pp. 208–220.

Информация об авторах

Белогай Ксения Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии развития Института образования, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО КемГУ), г. Кемерово, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7033-6584>, e-mail: belogi@mail.ru

Борисенко Юлия Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии развития Института образования, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО КемГУ), г. Кемерово, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

Бугрова Наталья Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии развития Института образования, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО КемГУ), г. Кемерово, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6773-826X>, e-mail: ametist2328@mail.ru

Information about the authors

Ksenia N. Belogay, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Acmeology and Development Psychology, Institute of Education, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7033-6584>, e-mail: belogi@mail.ru

Yulia V. Borisenko, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Acmeology and Psychology of Development, Institute of Education, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

Natalia A. Bugrova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Acmeology and Psychology of Development, Institute of Education, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6773-826X>, e-mail: ametist2328@mail.ru

Получена 26.08.2020

Received 26.08.2020

Принята в печать 15.04.2022

Accepted 15.04.2022

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Онтологическая неопределенность и отношения «нелюбви»

Рецензия на книгу Е. Иллуз «Почему любовь уходит?
Социология негативных отношений».

Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 352 с.

Белинская Е.П.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru**

Рецензируемая книга представляет социологический взгляд на современную динамику партнерских отношений и является содержательным продолжением вышедшей ранее работы автора «Почему любовь ранит? Социологическое объяснение» (2020), зафиксировавшей на обширном теоретическом и эмпирическом материале основной парадокс повседневной жизни нашего современника — наличие высокой ценности любовных отношений для самоидентификации и одновременно крайне слабую выраженность самого чувства любви в силу нарастающей эмоциональной холодности и отчуждения в межличностных отношениях. И потому закономерно, что теперь в фокусе внимания оказываются актуальные социальные и психологические причины избегания любви как таковой, а также поиск ответов на вопрос о том, как и почему следование ценностям свободы выбора партнера превратилось в требования свободы выхода из отношений близости, утверждая фактическое отсутствие любви. С точки зрения Е. Иллуз, в основе подобной трансформации, задающей на индивидуальном уровне переживание постоянного конфликта между независимостью и привязанностью, лежит так называемая «негативная социальность»: нарастающая онтологическая неопределенность как ведущее переживание нашего современника в своей основе имеет жизнь в обществе, управляемом сексуальной свободой. Тем самым формирование негативных партнерских отношений без обязательств (отношений «нелюбви») при всей интимности своей психологической феноменологии оказывается закономерным следствием современных социальных процессов: динамики потребления в условиях информационного общества, атомизации общественной структуры, социального обесценивания женского тела и сексуальности.

Ключевые слова: любовь, сексуальность, свобода, негативный выбор, онтологическая неопределенность, сексуальное обесценивание, независимость, привязанность.

Для цитаты: Белинская Е.П. Онтологическая неопределенность и отношения «нелюбви». Рецензия на книгу Е. Иллуз «Почему любовь уходит? Социология негативных отношений». Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 352 с. // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 209–215. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130214>

Ontological Uncertainty and the Relationship of “Dislike”

Review of the Book by E. Illuz “Why Does Love Go Away?

Sociology of Negative Relations”. Moscow; Berlin:

Directmedia Publishing, 2022. 352 p.

Elena P. Belinskaya

Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

The reviewed book presents a sociological view of the modern dynamics of partnership relations and is a meaningful continuation of the author’s previously published work “Why does love hurt? Sociological explanation” (2020), which fixed on extensive theoretical and empirical material the main paradox of our contemporary’s daily life – the presence of a high value of love relationships for self-identification and at the same time extremely weak expression of the feeling of love itself due to increasing emotional coldness and alienation in interpersonal relationships. And therefore, it is natural that now the focus of attention is on the actual social and psychological reasons for avoiding love as such, as well as the search for answers to the question of how and why following the values of freedom of choice of a partner has turned into demands for freedom to exit from a relationship of intimacy, asserting the actual absence of love. From the point of view of E. Illuz, the basis of such a transformation, which sets at the individual level the experience of a constant conflict between independence and attachment, is the so-called “negative sociality”: the growing ontological uncertainty as the leading experience of our contemporary is based on life in a society governed by sexual freedom. Thus, the formation of negative partnerships without obligations (relations of “dislike”), with all the intimacy of its psychological phenomenology, turns out to be a natural consequence of modern social processes: the dynamics of consumption in an information society, the atomization of the social structure, the social devaluation of the female body and sexuality.

Keywords: *love, sexuality, freedom, negative choice, ontological uncertainty, sexual devaluation, independence, attachment.*

For citation: Belinskaya E.P. Ontological Uncertainty and the Relationship of “Dislike”. Review of the Book by E. Illuz “Why Does Love go Away? Sociology of Negative Relations”. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, 2022. 352 p. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 209–215. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130214> (In Russ.).

Почему любовь уходит? Почему на фоне взлета романтических чувств, после всех сомнений выбора, перипетий опыта повседневного партнерства, попыток преодоления разногласий (как самостоятельных: через «практики осознанности», «работу над отношениями» и «отстаивание личных границ», так и оснащенных профессиональной психологической и психотерапевтической помощью) любовь-таки уходит, оставляя нас на пепелище негативных межличностных отношений, отношений «нелюбви»?

От чего или кого это зависит? И что нам всем дальше делать?

Вышедшая на языке оригинала в 2018 году книга «Почему любовь уходит? Социология негативных отношений» известного социолога Евы Иллюз продолжает исследование социологических и психологических противоречий современных партнерских отношений, начало которого было представлено в ее знаменитой книге «Почему любовь ранит? Социологическое объяснение», уже рецензированной в журнале [1]. Однако,

хотя данный анализ «уходящей любви» в определенной степени является логическим продолжением поиска возможных причин «любовных ран», содержательно новая книга Е. Иллуз является не только и не столько *продолжением*, сколько *новым поворотом* в анализе актуальной социальной реальности — эпохи уже не постмодерна, а пост-постмодерна, задающей новые основания экономической и политической власти/подчинения в социальных общностях и, соответственно, новую феноменологию психического для каждого из нас. Автор подчеркивает, что хотя, как и ранее, одним из центральных сюжетов ее научного интереса (впрочем, как и многих других социологов, начиная с Э. Дюркгейма) является изучение распада социальных отношений и отсутствия оснований солидаризации в любых социальных общностях, современные проявления аномии и отчуждения, будучи следствием «распада близких и интимных связей (воображаемых и/или реальных), глубоко связаны с ростом социальных сетей, реальных или виртуальных, с технологиями и мощным экономическим механизмом предоставления советов и оказания помощи» [3, с. 341].

Отметим, что сама по себе мысль о влиянии «технологизации» и «виртуализации» повседневности, а также о воздействии «психотерапевтического поворота» на социально-психологические реалии (в частности, на практику межличностных отношений) сегодня уже достаточно распространена¹. Интересной же, на наш взгляд, является попытка Е. Иллуз связать эти новые реалии с метаморфозами социальных ценностей, прежде всего — ценности свободы, которая «слишком широкий термин... она

включает в себя и, возможно, скрывает различные логики» [3, с. 339]. По сути, новая книга (помимо феноменологического анализа «нелюбви», негативного выбора в виде отказа от близости и т.п.) является попыткой ответа на фундаментальный и одновременно парадоксально звучащий вопрос: как современная трактовка ценности свободы становится способом усиления старых отношений власти и подчинения? И в этом смысле данная книга, конечно же, не про любовь или ее отсутствие — она про амбивалентное бегство человека от/к свободе в условиях нарастающей онтологической неопределенности.

Подчеркнем, что, как и ранее, автор основывает свой анализ на богатом культурологическом, социологическом и психологическом материале, а также собственных исследованиях (преимущественно — методом глубинных интервью, взятых у женщин-респондентов в разных европейских странах), и потому итоговые ответы имеют трансдисциплинарную доказательную базу. Складывающаяся картина современной феноменологии отчуждения в межличностных отношениях не только содержательно полна и интересна, но структурно стройна и логична; она наглядно демонстрирует возможности разноуровневого анализа проблемы: от социально-философского до психолого-практического. И потому эта книга, несомненно, будет интересна широкому кругу специалистов (прежде всего социологам, психологам, культурологам), а в максимальной степени — социальным психологам, чья традиционная «оптика междисциплинарности» в сочетании с современной приверженностью принципам социаль-

¹ См., например, новую интересную работу коллектива авторов [4].

ного конструкционизма представляется в наибольшей степени соответствующей авторской позиции². Более широкий читатель, особенно принадлежащий к молодому поколению, также, как представляется, не обойдет ее своим вниманием — хотя бы в силу очень узнаваемых реалий партнерских отношений, сегодня постоянно балансирующих между поиском столь желаемой близости и отказом от всех и всяческих обязательств. Конечно, как и в случае предшествующего анализа «ран любви», авторское изучение «нелюбви», возможно, вызовет неоднозначное отношение у психотерапевтического сообщества: Е. Иллуз напрямую связывает все большее распространение «негативного социального выбора» с развитием индустрии психологической помощи. Последняя, с ее точки зрения, сначала абсолютизировала в общественном сознании ценность человеческой свободы (как свободы любого выбора, самореализации в индивидуально выбранном направлении, внимания исключительно к своему внутреннему миру чувств), а затем позволила «щупальцам скопического³ капитализма захватить власть и в сфере нашей деятельности, и в нашем воображении, чтобы помочь справиться с многочисленными эмоциональными и психическими нарушениями, которые она же и создает» [3, с. 10].

Выбирая в качестве центральной темы книги все большее отсутствие

любви в повседневной жизни нашего современника (последовательно изучая «нелюбовь» как процесс, чувство и событие), Е. Иллуз показывает, что экономические, социальные, психологические факторы негативного выбора, на индивидуальном уровне выступающие в виде «ухода от близости» с кем бы то ни было, переплетаются друг с другом в сфере сексуальных отношений, образуя своего рода воронку, некий порочный круг взаимозависимых причин и следствий, в котором «свобода для» превращается в «свободу от» и обратно, не только не достигая «свободы во имя», но отменяя само понятие свободы. И заметим, что хотя, как и в первой книге, автор преимущественно обращается к анализу женского переживания этой новой странной «свободы», ее итоговые рассуждения далеки от жесткой гендерной оптики — ведь актуальная тотальная онтологическая неопределенность затрагивает всех, а потому субъект ее переживания и *проживания* не имеет гендерной принадлежности.

Автор строит свой анализ вокруг трех содержательных дихотомий: выявления характеристик социальной определенности/неопределенности («Глава 2. Сватовство и ухаживание в прошлом, социальная определенность и рост негативных отношений», «Глава 4. Скопический капитализм и рост онтологической неопределенности»), выделения

² К сожалению, отсутствие в книге итоговой библиографии и наличие только постраничных ссылок на источники не только затрудняет чтение, но и создает трудности общей оценки и «присвоения» использованного автором научного аппарата.

³ Опуская в рецензии детально представленные в книге характеристики скопического капитализма как новой формы капиталистической формации, отметим, что его основную особенность автор видит в сильнейшем изменении интимных отношений: «Сексуальность и любовь теперь преимущественно являются областью воспроизводства потребительского капитализма и оттачивания навыков уверенности в собственных силах и самостоятельности, востребованных и практикуемых повсеместно» [3, с. 338]. Иными словами, сущность скопического капитализма составляет обесценивание сексуальности и эмоционально близких партнерских отношений, имеющее экономическую и социальную детерминацию.

особенностей позитивного/негативного выбора («Глава 1. Отсутствие любви», «Глава 5. Свобода с многочисленными ограничениями») и описания содержания современной сексуальности/сексуального обесценивания («Глава 3. Секс, вводящий в заблуждение», «Глава 6. Развод как негативные отношения»). Собственно, на их взаимных пересечениях и проявляется феноменология той «новой свободы», которая оказывается полна непримиримых противоречий.

Отметим, что самостоятельной темой книги является рассмотрение вопроса о том, как указанные противоречия проявляются и поддерживаются в современном мире новых информационных технологий. Так, например, в Твиттере бесконечные возможности и легкость как выбора романтических партнеров, так и отказа без объяснения причин определяют эмоциональное отчуждение в созданных на этой основе межличностных отношениях. Последнее, в свою очередь, приводит к отсутствию взаимных обязательств и долженствований при любой длительности отношений, а также подразумевает невозможность моральной оценки тех или иных вариантов социального поведения в случае их разрыва. Переход всех видов сексуального поведения из реальности в виртуальность приводит, по мысли автора, к тому, что поиск партнеров превращается в сугубо личное стремление к выбору, удовлетворению потребностей и совершенствованию собственной индивидуальности, слегка напоминающее покупку новой одежды: «товаров много и они легко доступны... поэтому, если вы встречаете кого-то в реальной жизни, вы также можете “примерить” его на некоторое время, а затем вернуть обратно на полку без объяснения причин» [3, с. 261]. Е. Иллуз под-

черкивает, что разрыв партнерских взаимодействий стал одним из элементов повседневной жизни до такой степени, что многим или большинству отношений изначально свойственно предчувствие их конца, — «и это, как теперь уже очевидно, прежде всего относится к дивному новому миру интернет-знакомств, где люди обычно не отвечают на телефонные звонки, не приходят на встречи, прерывают переписку без объяснения причин, резко уходят со свидания и неожиданно прекращают отношения» [3, с. 258].

Подобный опыт взаимодействия в интимной сфере не проходит для человека бесследно — новые переживания порождают и новые личностные особенности: поведенческую гибкость и когнитивную многофункциональность, устойчивость к риску и неудачам, самостоятельность и независимость в принятии решений, а заодно и новые варианты психологической защиты собственного достоинства и самооценки, среди которых ведущее место занимают отказ от глубоких чувств, эмоциональная холодность и недоверие ко всему и вся. И тем самым свобода личного выбора превращается в свободу отвергать других. Подчеркнем при этом, что подобные метаморфозы свободного выбора на социально-психологическом уровне, в сфере межличностных отношений Е. Иллуз связывает с трансформациями ценности свободы в социальном плане: рынок как один из институтов свободы не только способствует рациональности производства и потребления, расширяя отношения товарообмена в разные области человеческого существования (в том числе и в область психического), но и создает «мучительную неопределенность в отношении правил и природы взаимодействий, а также неуверенность

в отношении собственной и чужой ценности» [3, с. 344]⁴.

Очевидно, что обращение к новой работе Е. Иллуз может не только расширить кругозор читателя, задавая максимально разнообразные рамки анализа проблемы отчуждения в современной социальной ситуации, но и ввергнуть его в изрядный пессимизм. Современный мир онтологической неопределенности заставляет нас в полной мере столкнуться с собственной мотивационной «спутанностью», т.е. невозможностью точно сформулировать, чего я хочу и кто я в тех или иных отношениях. Наша растерянность перед исчезновением, нередко насильственным и потому не зависящим от нас, многих и многих оснований для социального признания неизбежно приводит к неспособности каждого отразиться, что сегодня составляет основу его личного чувства собственной значимости. Наш добровольно-вынужденный отказ от нравственных оценок своего

и чужого социального поведения переживается как крушение собственных и социальных идеалов. И да — в таком мире трудно сохранять надежду.

Но занимая демонстративно нейтральную, подчеркнuto исследовательскую позицию⁵, Е. Иллуз, тем не менее, дает нам шанс. А именно — размышляя в заключении о современных метаморфозах свободы, все более понимаемой как «нелюбовь», она обращается к понятию солидарности. Конечно, «свобода сама по себе не может обеспечить социальную активность» для достижения солидарных, подлинно человеческих отношений — хотя бы потому, что «требует очень высокой психической цены от социальных субъектов» [3, с. 347]. По словам Е. Иллуз, она «нуждается в ритуалах» для достижения социальной солидарности — прежде всего, в признании ценности жизни как таковой. Которая сегодня слишком сложна, чтобы справиться с ней в одиночку.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Парадоксы эпохи эмоциональной неопределенности. Рецензия на книгу Е. Иллуз «Почему любовь ранит? Социологическое объяснение». Москва; Берлин: Директмедиа Пабблишинг, 2020. 400 с. // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 204—208. DOI:10.17759/sps.2020110213
2. *Иллуз Е.* Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / Пер. с нем. С.В. Сидоровой. Москва; Берлин: Директмедиа Пабблишинг, 2020. 400 с.
3. *Иллуз Е.* Почему любовь уходит? Социология негативных отношений / Пер. с нем. С.В. Сидоровой. Москва; Берлин: Директмедиа Пабблишинг, 2022. 352 с.
4. *Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности* / Под ред. П. Аронсон. М.: Индивидуум, 2022. 288 с.

⁴ С этой точки зрения наиболее яркой иллюстрацией близости психологического содержания современных производственных и сексуальных отношений, безусловно, является параграф с выразительным названием «Свидание как оценочное собеседование» [3, с. 181—184].

⁵ «Я выступаю не за и не против случайного секса, не за и не против долгосрочных обязательств. Моя цель в описании различных способов, с помощью которых присвоение сексуального тела скопическим капитализмом преобразует индивидуальность, чувство собственного достоинства и правила формирования отношений» [3, с. 346].

References

1. Belinskaya E.P. Paradoksy epokhi emotsional'noi neopredelennosti. Retsenziya na knigu E. Illuz «Pochemu lyubov' ranit? Sotsiologicheskoe ob'yasnenie» [Paradoxes of the Age of Emotional Uncertainty. Review of the Book by E. Illuz "Why Does Love Hurt? Sociological Explanation"]. Moscow; Berlin: DirectMedia Publishing, 2020. 400 p. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 204–208. DOI:10.17759/sps.2020110213 (In Russ.).
2. Illuz E. Pochemu lyubov' ranit? Sotsiologicheskoe ob'yasnenie: per. s nem. [Why does love hurt? Sociological explanation]. Moscow; Berlin: DirectMedia Publishing, 2020. 400 p.
3. Illuz E. Pochemu lyubov' ukhodit? Sotsiologiya negativnykh otnoshenii: per. s nem. ["Why does love go away? Sociology of Negative Relations"]. Moscow; Berlin: Directmedia Publishing, 2022. 352 p.
4. Slozhnye chuvstva. Razgovornik novoi real'nosti: ot ab'yuzha do toksichnosti [Complicated feelings. Phrasebook of a new reality: from abuse to toxicity]. In P. Aronson (eds.). Moscow: Individuum, 2022. 288 p.

Информация об авторах

Белинская Елена Павловна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Information about the authors

Elena P. Belinskaya, Doctor of Psychology, Professor, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Получена 20.04.2022

Received 20.04.2022

Принята в печать 15.05.2022

Accepted 15.05.2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Седьмая конференция памяти М.Ю. Кондратьева: международный форум специалистов в сфере решения социально-психологических проблем

Орлов В.А.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4708-4312>, e-mail: vladimirorlov@bk.ru

В статье представлен отчет о работе VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», состоявшейся 12–13 мая 2022 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете. Отражены основные события форума. Показана значимость конференции для развития перспективных направлений социально-психологических исследований, а также их практического приложения. Отмечается важность обмена опытом исследователей различных научных школ для решения актуальных социально-психологических проблем обучения и воспитания развивающейся личности.

Ключевые слова: конференция, социальная психология, личность, образование, семья, психологический тренинг, киберпсихология, этнопсихология, организационная психология, дорожный трафик.

Для цитаты: Орлов В.А. Седьмая конференция памяти М.Ю. Кондратьева: международный форум специалистов в сфере решения социально-психологических проблем // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 216–222. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130215>

The Seventh Conference in Memory of M. Yu. Kondratiev: International Forum of Specialists in the Field of Solving Socio-Psychological Problems

Vladimir A. Orlov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4708-4312>, e-mail: vladimirorlov@bk.ru

The article presents a report on the work of the VII International Scientific and Practical Conference in memory of M. Yu. Kondratiev “Social Psychology: Issues of Theory and Practice”, held on May 12–13, 2022 at Moscow State University of Psychology & Education. The main events of the forum are reflected. The significance of the conference for the development of promising areas of socio-psycholog-

ical research, as well as their practical application, is shown. The importance of exchanging the experience between researchers from various scientific schools for solving urgent socio-psychological problems of teaching and educating a developing personality is represented.

Keywords: conference, social psychology, personality, education, family, psychological training, cyberpsychology, ethnopsychology, organizational psychology, road traffic.

For citation: Orlov V.A. The Seventh Conference in Memory of M.Yu. Kondratiev: International Forum of Specialists in the Field of Solving Socio-Psychological Problems. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 216–222. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130215> (In Russ.).

12–13 мая 2022 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете состоялась VII Международная научно-практическая конференция памяти основателя факультета социальной психологии МГППУ, выдающегося социального психолога, организатора науки М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» [2]. Форум продолжил традицию ежегодных конференций, организуемых факультетом социальной психологии МГППУ [1].

В программный комитет конференции под председательством профессора Н.Н. Толстых вошли известные ученые из России (Москва, Саратов, Кострома, Ростов-на-Дону), Казахстана (Алматы), Латвии (Рига), Молдовы (Кишинев), США (Фэрфакс). Форум объединил более трехсот участников, включая авторов 179 публикаций сборника материалов конференции (свободный доступ по ссылке: <https://psyjournals.ru/socpsy2022/index.shtml>). Авторы статей — исследователи, психологи и педагоги, а также руководители и специалисты, работающие с людьми в различных сферах профессиональной деятельности [3]. Многие работы выполнены преподавателями отечественных и зарубежных вузов в соавторстве со студентами.

География конференции представлена городами России (Астрахань, Барнаул, Воронеж, Екатеринбург, Ижевск,

Калуга, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курск, Москва, Нижний Новгород, Омск, Орел, Пермь, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Ульяновск, Хабаровск, Чита, Ярославль) и зарубежья — Алматы (Казахстан), Богота (Колумбия), Брюссель (Бельгия), Днепр (Украина), Донецк (Донецкая Народная Республика), Кишинев (Молдова), Лондон (Великобритания), Минск (Беларусь), Рига (Латвия), Фэрфакс (США), Цхинвал (Южная Осетия), Эль-Кувейт (Кувейт).

Конференция открылась приветствием декана факультета социальной психологии МГППУ Т.Ю. Мариновой.

Теоретическому осмыслению происходящих в современном обществе изменений была посвящена дискуссия участников пленарного заседания конференции, актуализированная выступлением Е.П. Белинской, профессора кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова «Социальная психология личности в эпоху онтологической неопределенности».

В докладах пленарного заседания нашли отражение новейшие достижения социальной психологии образования и возможности их практического применения.

Так, академик РАО В.С. Собкин на основе результатов масштабного (с участием 40575 школьников) исследования показал роль полноты семьи и интра-

группового статуса школьников среди одноклассников в построении взаимоотношений подростков с их родителями. В частности, было доказано, что отверженность подростка сверстниками во многом спровоцирована позицией родителей по отношению к нему.

Ведущий научный сотрудник ПИ РАО Р.И. Суннатова поделилась результатами исследования влияния удовлетворенности взаимоотношениями подростка со значимыми взрослыми на его нормативное поведение. Она подчеркнула, что родителям и учителям необходимо не только понимать чувства, желания, действия школьников, но и уметь проявлять на действенном уровне сопереживание и поддерживающее отношение к ним.

Профессор факультета социальной коммуникации МГППУ А.Н. Камнев рассказал о том, как сегодня реализуется опыт его 27-летней психолого-педагогической работы со школьниками и студентами на базе детских оздоровительных лагерей. Результаты его исследований открывают широкие перспективы для воспитания и обучения, для социализации современных детей.

Уникальным опытом исследовательской и практической профилактической работы с автомобилистами-водителями поделился дорожный психолог из Брюсселя, разработчик европейских программ работы с водителями-нарушителями Л. Ключлес.

По завершении пленарного заседания работа конференции продолжилась в соответствии с ее тематическими направлениями. Отметим несколько сообщений, которые привлекли особое внимание участников конференции.

На секции «Практическая этнопсихология» (руководитель — доцент О.Е. Хухлаев) старший научный сотруд-

ник, доцент Центра Этнологии Института культурного наследия Республики Молдова И.И. Кауненко рассказала о влиянии ситуации неопределенности на процессы этнической идентичности у социальных групп разных поколений. Результаты исследования, выполненного на примере Республики Молдова, способствуют научному осмыслению процессов этнической идентичности и у представителей других стран.

Проблема очевидной нехватки природных ресурсов побуждает ученых искать психологические средства формирования экоцентрических убеждений у населения планеты. Согласно исследованию экологического сознания, которое провела представительница Боготы Сара Патрисиа Саламанка, в колумбийской культуре преобладают экоцентрические социальные установки.

На секции «Актуальные проблемы социальной психологии групп» (руководитель — профессор М.Е. Сачкова) обсуждались предпосылки формирования личностных ценностей сотрудников с разным неформальным статусом в организации (доклад Ю.И. Лазаревой, студентки магистратуры «Современные технологии в психологической практике» МГППУ) и ряд других научных проблем. Так, профессор кафедры общей психологии РАНХиГС М.Е. Сачкова и профессор кафедры общей и социальной психологии НГУ им. Н.И. Лобачевского Л.Э. Семенова познакомили слушателей со спецификой представлений о враче у разных групп учащейся молодежи в условиях новой коронавирусной инфекции: согласно результатам исследования, у студентов медицинских факультетов сформирован более положительный образ врача, чем у студентов гуманитарных специальностей. Ассистент кафедры психологии Курского государственного

университета М.И. Логвинова рассказала о том, что наиболее значимыми личностными ценностями представителей молодежных субкультур просоциальной направленности выступают здоровье, наличие хороших и верных друзей, счастливая семейная жизнь и активная, деятельная жизнь. В докладе также были даны психолого-педагогические рекомендации по работе с представителями таких субкультур. Логическим продолжением темы психологических особенностей молодежи стали доклады студентов магистратуры кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета Р.И. Гвоздковой о тактиках самопрезентации и жизненных ценностях представителей поколения Z и Ю.В. Дубовских — о ценностях супружества, родительства и родства у людей различных поколений. Завершил работу секции доклад доцента кафедры общей и социальной психологии Омского государственного университета А.Ю. Маленовой, посвященный исследованию репродуктивного поведения молодежи, согласно результатам которого модель идеальной семьи для подавляющего большинства юношей и девушек подразумевает рождение двух и трех детей.

Особое место в работе конференции было отведено заседанию круглого стола, посвященного творческому и научному наследию профессора, доктора педагогических наук О.В. Хухлаевой в области практической психологии (модератор — педагог-психолог АНО ШКОЛА ПРЕЗИДЕНТ, доцент А.С. Кривцова). Ученники и коллеги Ольги Владимировны поделились ценными воспоминаниями и видеоматериалами о ее творческой, научной и практической деятельности, обсудили вопросы реализации в современной школьной службе психологического

сопровождения идей о психологическом здоровье школьников и учителей, о влиянии взаимодействия школы и родителей на жизнь и успеваемость учеников. На заседании выступили сотрудники и руководители психологических служб образовательных учреждений, в которых О.В. Хухлаева реализовывала свои профессиональные идеи: заведующая детским садом «Скандисад» Л.А. Боголюбская и руководитель психолого-логопедической службы ЧОУ СОШ «Ломоносовская школа» Л.А. Кобзева.

Во второй день конференции продолжилась работа секций, а также состоялись два мастер-класса.

В рамках направления «Актуальные проблемы социальной психологии личности» (руководители — профессор Н.Н. Толстых и профессор А.А. Нестерова) преподаватель Ижевской медицинской академии Е.Н. Леонова рассказала о том, как альтруистическая установка личности участвует в регуляции выбора проактивных копинг-стратегий. Социокультурные различия в совладании с трудными ситуациями у молодых людей обсуждались в докладе профессора РАНХиГС Е.В. Куфтяк, доцента Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск) А.А. Бехтер, старшего преподавателя кафедры педагогики и психологии Н.М. Газзаевой и заведующей кафедрой педагогики и психологии Е.Г. Сиукаевой Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (Цхинвал).

Результаты исследования, представленного в докладе студентки факультета социальной психологии МГППУ В.Д. Судаковой и доцента Н.В. Кочеткова, показали, что чем более ответственно люди разного возраста подходят к решению о вступлении в брак, тем выше вероятность удовлетворенности

супружескими отношениями. В докладе эксперта-психолога И.С. Седенковой и студентки Н.Е. Пригожевой из Калужского государственного университета обоснована связь между опытом переживания насилия и гендерными стереотипами у женщин. Исследование показало, что женщины с определенными стереотипами чаще других становятся жертвами гендерного насилия в межличностных отношениях. Гендерно-ролевым представлениям студентов разного пола был также посвящен доклад студентки Е.Н. Нигоренко и профессора О.И. Даниленко факультета психологии СПбГУ.

Высокий уровень жизнеспособности личности — необходимое условие преодоления жизненных проблем. Результатам исследования связей между показателями жизнеспособности, ответственности, зрелости и автономности личности на секции был посвящен доклад студентки Т.А. Сорокиной и профессора А.А. Нестеровой из Московского государственного областного университета.

Ценностные ориентации определяют и направляют активность личности, поэтому очень важно изучение места и роли воспитанности в ценностной картине мира молодых людей. Изучение различных аспектов этой проблемы представил в своем докладе А.М. Лесин, доцент кафедры общей и специальной психологии с курсом педагогики Рязанского государственного медицинского университета.

На секции «Киберпсихология и общество» (руководители — доцент Н.В. Кочетков и профессор Т.Ю. Маринова) обсуждались проблемы влияния виртуальной среды на социализацию личности. В частности, влияние массовых коммуникаций на формирование личностных мотивов потребления рассматривалось в докладе студентки магистратуры МГППУ «Социально-

психологическое консультирование» К.А. Снисар и ведущего научного сотрудника Института социологии ФНИСЦ РАН, доцента И.М. Кузнецова.

Аспирантка А.А. Феклисова и профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета А.А. Нестерова познакомили слушателей с результатами исследования, согласно которым фэббинг оказывает преимущественно негативное влияние на качество обучения и контакты между участниками образовательного процесса, способствует снижению сплоченности в ученической группе и конфликтности межличностных коммуникаций, а также снижению качества усвоения информации.

Материалы секции «Современные технологии в психологии и образовании» (руководитель — профессор О.Б. Крушельницкая) были посвящены особенностям практического приложения закономерностей, выявленных в сфере социальной психологии образования. Докладчики представили методики работы с психическим выгоранием педагогов, развития коммуникативных способностей у подростков с ОВЗ средствами театрального искусства, выработки социально-психологических инструментов формирования предпринимательских компетенций студентов, а также диагностики риска аддиктивного поведения молодежи методом айтрекинга.

Участники конференции с большим интересом встретили доклад нашей американской коллеги — школьного психолога из штата Вирджиния Т.В. Коттл. Она поделилась опытом организации и внедрения травма-информированного подхода в работе школьной психологической службы.

Возможности и специфику практического применения «коммуникативного

танца» с целью социализации и творческого развития дошкольников представила магистр психолого-педагогического образования Ю.А. Свечникова — художественный руководитель Центра эстетического развития Эль-Кувейта.

В докладе аспиранта НИУ ВШЭ Н.И. Колачева на секции «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии» (руководитель — профессор А.В. Погодина) была затронута тема роли личностных ресурсов в динамике профессионального выгорания и трудовой мотивации сотрудников городских публичных библиотек. Ее логическим продолжением можно считать выступление доцента кафедры психологии и педагогики Гжелского государственного университета А.А. Хвана об особенностях копинг-поведения учителей в контексте задач организационной психологии. Эксперт научно-образовательного центра современных кадровых технологий Е.В. Селезнева и директор научно-образовательного центра оценки руководителей и управленческих команд ФОиР ВШГУ РАНХиГС А.В. Рожок рассказали об исследовании, согласно результатам которого российские госслужащие обозначили представления о сферах своей ответственности, а также выразили готовность приносить пользу обществу и государству, быть справедливыми и беспристрастными.

Во второй день конференции состоялись также два мастер-класса. Первый (ведущие — коллеги из Уральского государственного педагогического университета И.В. Воробьева, О.В. Кружкова и А.И. Матвеева) был посвящен развитию эмоционального интеллекта в пространстве цифрового взаимодействия. Участники мероприятия обсудили особенности проявления эмоционального интеллекта в цифровой образователь-

ной среде, а затем продемонстрировали упражнения на развитие эмоционального интеллекта и контроля эмоциональных состояний. Второй мастер-класс (ведущий — В.В. Истомин, педагог-психолог, заместитель директора по воспитательной работе ВКК МАОУ СОШ № 17 с УИОП г. Екатеринбург, автор проекта «Время Взрослеть») основывался на теоретической методологии транзактного анализа. На занятии были представлены современные технологии помощи педагогам, обучающимся и их родителям в развитии позитивных, ресурсных качеств личности субъектов образования.

Подводя итоги, можно сказать, что конференция была посвящена актуальным проблемам современной социальной психологии. Результаты представленных на ней исследований выполнены квалифицированными специалистами, аспирантами и студентами из университетов, научных лабораторий, образовательных, производственных и других организаций в различных отраслях современной социальной психологии. Большое внимание уделено актуальным проблемам социальной психологии личности и группы, организационной психологии, межкультурной коммуникации, взаимодействия субъектов образовательного процесса, участников дорожного трафика, киберпсихологии. Методологические основания представленных на конференции исследований варьируются от классических социально-психологических подходов до междисциплинарных, позволяющих анализировать новые общественно значимые явления.

В заключение следует отметить, что среди отечественных работ на конференции были представлены результаты исследований, выполненных в русле всех наиболее известных научных социально-психологических школ: Курской, Москов-

ской, Санкт-Петербургской, а также научной психологической школы академика РАО А.В. Петровского, действующей на факультете социальной психологии МГППУ. Значительная часть работ была

посвящена проблемам, которыми занимается социальная психология образования, главным образом — решению задач оптимизации психологического сопровождения образовательной деятельности.

Литература

1. Кочетков Н.В. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: многократно отраженная субъектность // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 217–221. DOI:10.17759/sps.2021120213
2. Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю. О научном наследии М.Ю. Кондратьева // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 1. С. 9–22. DOI:10.17759/sps.2016070102
3. Социальная психология: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2022 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 566 с. URL: <https://psyjournals.ru/socpsy2022/index.shtml> (дата обращения: 28.05.2022).

References

1. Kochetkov N.V. Konferentsiya pamyati M.Yu. Kondrat'eva: mnogokratno otrazhennaya sub"ektnost' [Conference in memory of M.Yu. Kondratiev: Subjectivity Reflected Many Times]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 217–221. DOI:10.17759/sps.2021120213 (In Russ.).
2. Krushel'nitskaya O.B., Marinova T.Yu. O nauchnom nasledii M.Yu. Kondrat'eva [About the scientific heritage of M.Yu. Kondratieva]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2016. Vol 7, no. 1, pp. 9–22. DOI:10.17759/sps.2016070102 (In Russ.).
3. Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki [Elektronnyi resurs] [Social psychology: issues of theory and practice]. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati M.Yu. Kondrat'eva «*Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki*» (12–13 maya 2022 g.) [Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference “*Social psychology: issues of theory and practice*”]. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2022. 566 p. URL: <https://psyjournals.ru/socpsy2022/index.shtml> (Accessed 28.05.2022). (In Russ.).

Информация об авторах

Орлов Владимир Алексеевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4708-4312>, e-mail: vladimirorlov@bk.ru

Information about the authors

Vladimir A. Orlov, PhD in Psychology, Associate Professor in the Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4708-4312>, e-mail: vladimirorlov@bk.ru

Получена 30.05.2022

Received 30.05.2022

Принята в печать 10.06.2022

Accepted 10.06.2022

**В ближайших тематических выпусках журнала
«Социальная психология и общество»
читайте:**

№ 3. 2022 г.

Методология и методы социально-психологических исследований: актуальные тенденции

№ 4. 2022 г.

Гендерная методология в социально-психологических исследованиях

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор *А.А. Буторина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor *А.А. Буторина*

Maker-up *М.А. Баскакова*